

Сценарий

КАРТИНА 1

На палубе полузатопленного эсминца времён второй мировой войны четверо:

Генрих Фемель. Роберт Фемель, Леонора. Бригадир.

Они наблюдают за съёмкой тигровых акул, которую ведут двое матросов: камера установлена на мостках, на специальном штативе, работающем по принципу «журавля».

ГЕНРИХ

Одним шаром загнать в четыре лузы может только Господь Бог.

РОБЕРТ

Впервые слышу. Попробуем.

Они подходят к столу, Роберт загоняет шары, те взлетают по пути и как бы переглядываются.

ГЕНРИХ

Я ж говорил. Это – механика.

РОБЕРТ

А так?

Посылает шар, тот вылетает из-под воды, ближайшая яхта взрывается, превращается в лужу мазута, посередине которого плавает колонка от аудиосистемы, играет музыка, потом захлёбывается, сгорает.

ГЕНРИХ

А так – тем более.

ЛЕОНОРА

Ну, вот вам пять минут хаус – позитива. Я в туалет хочу.

РОБЕРТ

Это вам, адмирал. Такой интим, - явно не мне.

ГЕНРИХ

Господи. Я знаю, - ты примешь, спасёшь и защитишь меня. Это не Германия. Эта какая-то альтернатива.

Не идёт молитва. Значит, нет прощения.

КАРТИНА 000

Подводный отель «Принц Генрих».

В своей каюте, в ванной, капитан Роберт Фемель читает книгу, пыхтит сигарой.

РОБЕРТ

Держит книгу, комментарии вслух

(194.)

Демосфен - ты полное говно.

Александр – Бог!

Правда Буцефал, как оказалось, был – кобыла.

Взрыв в соседнем отсеке, дверь каюты срывается, возникает Неттлингер, наставляет на Роберта парабеллум.

НЕТТЛИНГЕР

Я искал вас пятнадцать лет, капитан.

РОБЕРТ

Для кобылы – это почти старость. А для девки – ничего.

Роберт выуживает из ванной пены бильярдный шар, запускает его в голову Неттлингера, убивает наповал.

РОБЕРТ

Продолжает читать.

«В «Лице со шрамом Брайна де пальма «фак» звучало 218 раз»

«Не стоит недооценивать жадность других парней»

«Я похороню этих тараканов»

«не лови кайф от своего товара»

Бригадир!

Возникает Боцман, РАВНОДУШНО СОЗЕРЦАЕТ ОСТАНКИ.

РОБЕРТ

Квакеров слушал? Ты хоть знаешь, что это такое?

БРИГАДИР

Не-а.

РОБЕРТ

Глянь в перископ.

Бригадир открывает ручки перископа, смотрит.

БРИГАДИР

Эх, сто ху(ПИСК)ёв мне в рот и якорь в жопу!

РОБЕРТ

Смотри, эта штука исполняет желания. Называется «квакер».

Созерцание «квакера», - круче героина, Бригадир.

БРИГАДИР

Привыкаешь?

РОБЕРТ

В принципе, и к сортиру привыкаешь, - а вдруг пустыня, ногу задрать, - а столба-то нет. Рефлексия.

БОЦМАН

Понял.

РОБЕРТ

Ни хрена ты не понял.

Квакера, - это инопланетные подводные лодки, жопа. НПО.

Вот такая хрень скоммуниздила у нас батискаф.

БОЦМАН

Секси? Это надувная шляха, как в «Расплющенном космосе?»

РОБЕРТ

Ну да, у неё ж в башке был не только рот, в нём – камера. Я её даже в битом льду не запускал, - берёг, как ядерную боеголовку, а тут, беру баллон, бегу в салон, а там, - кабель кто-то перегрыз, сначала, думал, белая акула, - куда там! Там был 20 мм металлический трос, - срезан, как залу(ПИСК)а шашкой. То же и с ушами. (Показывает силиконовые уши Бригадиру.)

Как-то радио настроил, у русских, в Баренцевом море, вокруг плавбазы, седьмого октября, не помню какого-то года, пролетели девять НЛЮ. Через час прилетел их разведчик, - эти корабли, как х(ПИСК) смыло.

Те же НЛЮ, потому как им по хе(ПИСК)ру, где летать и плавать. У русских даже специальная инструкция есть, как общаться с этими «квакерами». Если те квакнут, надо квакнуть в ответ, иначе могут отключить связь. Думаешь, шучу?! Русский главком, фамилии не помню, тоже назвал этот исторический документ «Сов. Секретно, для еба(ПИСК)нутых». Убери-ка это говно.

Кивает на останки Неттлингера.

БРИГАДИР

Ба! Гестапо. Чем это вы его приложили, капитан?

РОБЕРТ

Истиной. Одной на всех понятной.

КАРТИНА 000000

Берег моря, с видом на корабль-отель «Принц Генрих».

Иохен беседует с оппозицией.

ОППОЗИЦИЯ

А на чо живёте?

ИОХЕН

Анашой торгуем.

ОППОЗИЦИЯ

Что, это болото объявлено вольным городом? Так мы в Амстердаме, что ли.

ИОХЕН

Но вы, братки, по виду тоже – не совсем голландцы, вот у меня тут в ВИП листе записано: стадо петухов, отсосавших у СССР. (Задумывается.)

Ага. ГДР, значит.

ОППОЗИЦИЯ

(НЕМ.)

Переведите.

ПЕРЕВОДЧИК

(на русск.)

У них в декларации написано, что прибудет коллектив пидара...политиков... от оппозиции с Востока. Но от себя добавил, - где восток, где запад, - вот в чём вопрос.

ОППОЗИЦИЯ

То есть как?

ИОХЕН

В смысле – скажите мне, где Север, и я скажу, где юг. Если было бы наоборот, как бы я узнал, где левая, а где правая оппозиция?

ОППОЗИЦИЯ

Оживляется.

Резонно. А ещё что-нибудь можете? А то завтра саич говорить, а думать решительно некогда.

ИОХЕН

Завтра будет тебе. Даже сейчас «День уж такой. Всё нам позволено нынче».

ОППОЗИЦИЯ

Ладно, дед, сочтёмся. Анекдот, господа. Про север. В Норвегии, в 44-м, когда нам уже поджарили пятки. Девки у них прятались по фьёрдам, голодные, холодные, ну им туда гранату кинешь, и они вылазят, кто, конечно, уцелел, из под камней, и видно, согласно этому Жиду Фрейду, по за(ПИСК)лупе в каждом, знаете ли, глазе. Вот сейчас в Голливуде снимается Чак Зито, сраный итальяшка, мы ему варили байк, говорит, через три дня байк не будет ездить, кое-кто окажется в больнице, и все в какую-то сраную телекамеру. Да в залу(ПИСК)пу он мне не упирался мне, потомственному немцу. Истинному арийцу. Зарядил ему в яб(ПИСК)ало, что, говорю, грязная сицилийская свинья, бля, а!?

ПЕРЕВОДЧИК

Привычным жестом фокусника засовывает в нагрудный карман говорящего представителя Оппозиции какой-то свёрток.

Это вам от капитана, он сказал, что за тыщу (уан саузенд) баксов вы можете отсосать у Бригадира, но записываться надо заранее, к ним в отсек вообще лучше не лезть, - они там постоянно конфликтуют, хоть, с виду - мирная картина.

А на счёт кайфа не сомневайтесь, ибо он всегда, как последний, - его можно взрастить только на Гималаях, а потом выпросить у Йети. Потому что такое – не продаётся. По большому счёту ваша политическая деятельность не может приносить вам истинного удовлетворения, так что – дерзайте, юноши. И девушки.

КАРТИНА 00000000

1.

Канал

“National geografik”

Показывают, как работает Система глобального слежения в Лондоне.

Двое в штатском сидят, смотрят в монитор.

Там, грозный голос, напоминающий комментарии диктора первого канала РФ, говорящего по-немецки (субтитры внизу), чеканно объясняет, что, в принципе, за каждым человеком можно проследить:

КОММЕНТАТОР

В этом бизнесе – серебряной медали не бывает, как в строительстве русских горок – то же казино.

Вот некий Макдауэлл ограбил банк через интернет, лимонов на сто, его разыскивает группа половозрелых, дипломников от спецслужб (кинец был такой, где кто-то оказался-таки маньяк, и всё опять на острове): вот они стелят глобус мира, и распределяют все камеры слежения во всех точках мира на одну и ту же харю.

- Знаете фамилию знаменитого картографа, который распродавал усё побережье Англии? Я тоже. Какой-то Пересвет.

КОММЕНТАТОР

Есть! Этот человек вычислен (мы видим его бородатый лик, он находится в отеле принц Генрих, на оху(писк)яёденштрассе.

На другом конце кадра Неттлингер сглатывает сигару, бросается к монитору.

Но всё это – пока что фантастика, ребята, -

Шутит комментатор.

- но ждите! Скоро техника достигнет такого предела. Что за каждым преступником можно будет проследить.

Неттлингер (в форме союзнических войск) крушит технику слежения, - изображение переходит в комикс, Роберт со своим неизменным слугой КОТОРОГО ЗОВУТ ТО Бригадир, то Боцман, тем, что отвечает за кайф, и исполняет функции водителя, хохочет, изображение переходит в параллельный комикс, который оказывается журнальном виде у Йозефа, - тот едет с компанией девушек в открытом, мультимедийной лимузине, с ними – ЕГО НЕВЕСТА Марианна.

КАРТИНА 000

НАТУРА.

Саратовский р-н, яхтклуб, корма полузатопленного эсминца.

На торчащей из воды пушечной палубе, Роберт и Боцман стреляют по бутылкам в лёт, рядом стоит ящик водки, кто попадает, - выпивает штрафную, передуют друг другу старую индейскую трубку.

БОЦМАН

Стреляет, попадает, выпивает.

Я им говорю, вы меня не как человека, знакомого с подводными штормами, трактуете, а как живодёра какого, который вашей девке прохода не даёт. А потом смотрю на них, на маму с дочкой, и ловлю себя на мысли, что мысли-то мои – совсем другие. Ну и бабушка, - тоже, очень ничего.

Стреляет, промахивается, передаёт эстафету Роберту.

РОБЕРТ

Подкидывает бутылку, стреляет попадает, выпивает.

Я тут заходил на дурку, - за продвинутыми бля(ПИСК)дями, там пребывали одни только королевы красоты, разного формата и разных времён, они все были, - правда хороши, да только ёб(ПИСК)нутые —половина запойных, а вторая, свихнулись кто от любви, а большинство, - от страха.

А объединяло их реально одно, - до них вдруг одновременно дошло, что где-то начинается следующая спиральная галактика, - с женским именем Андромеда, и пилить до неё, - два миллиона лет,

они вдруг увидели все разом, что (ПИСК)зды у них здесь, а души там, и никто на свете не знает, вернутся ли они когда-нибудь туда, - в свою туманность.

Стреляет, попадает, выпивает.

Много веков астрономы пытаются определить место нашей планеты, потому что в этом мире любой телескоп – всевидящее, вечно бдящее око, раз к нему постоянно прильнул чей-то глаз, и он, кто смотрит в линзу в какой-то момент перестаёт заморачиваться, и понимает, - взгляни в небо, и ты увидишь нас – 11 млрд. лет назад, потому что там несколько сотен миллиардов звёзд и сто миллиардов галактик.

Стреляет, попадает, выпивает

Тут мы и ахнули, когда на орбиту вышел Джеф Хофман, и настроил линзу на «Хаббле».

БОЦМАН

Ну, и? Что-то я не помню.

РОБЕРТ

Это потому что ты и такие как ты, у кого на моём корабле улавливающие и проигрывающие устройства, дрочат по отсекам, и в бога не веруете, а вот тогда всё астрономическое сообщество затаило дыхание, и полученное изображение поразило нас:

даже выдавшие виды застыли в ох(ПИСК)уении, как крокодила, жрали, плакали, жрали, плакали.

Стреляет, попадает, выпивает.

Все, кроме меня. Столбы пыли с триллионы километров, я рулил сквозь них на этом корабле. Моя ласточка во все времена называлась «Принц Генрих».

Это была моя беда, что я так официально не переименовал его в «Одиссея Хитрожоного».

БОЦМАН

Да ну-у?

РОБЕРТ

Слушай, и внимай, бригадный мой, почти что боцман.

Стреляет, попадает, выпивает.

РОБЕРТ

Если ты утратил удар, то самая тяжёлая иллюзия, - думать, что он у тебя – таки есть, как говорили в Одессе. В первую мировую. Но ведь и второй мировой-то не было. Была одна большая мировая, и всё сразу закончилось, пока не ёб(ПИСК) атомом по япошкам, - их могли стереть с лица земли тысячи американских бомбардировщиков.

Стреляет, попадает, выпивает.

РОБЕРТ

С мегатоннами тратила, и они бы не сдались, потому что все (ПИСК)оглазые, что на севере, что на юге, - дерутся как крысы, и злые, как собаки. Их

поставило раком новая истина, - как это одна сраная бомбочка породила такое зрелище, и стёрло с лица земли целый город.

Стреляет, попадает, выпивает.

РОБЕРТ

Практически мгновенно, - ну, разумеется, ровно столько, сколько может длиться, созерцание собственной смерти. Потому что такой кайф бывает раз, и он, - лицо Горгоны, слушай. Бригадир, а может Атлантида точно так же нае(ПИСК)нулась, в результате ультиматума тех, у кого больше евреев? Как для тебя это, столь мучительное для немца аутодафе? Не в лом? А мы с тобой, два старых лоха, всю свою военную карьеру взрывали храмы, потому что к нам в виде (ПИСК)здатого шмеля пригючился Сведенборг и сказал, что католики, - грешники и есть,

топили корабли, но так и не добрались до НАСТОЯЩЕГО взрыва.

Ты какого хе(ПИСК)ра не стреляешь?!

БРИГАДИР

Так вы ж пока попадаете, капитан?

РОБЕРТ

Да я уже давно никуда не попадаю, двадцать склянок карцера, сволочь.

БРИГАДИР

Это вы про теорию Эйнштейна? Какие наши годы, капитан!

Роберт переходит к носовому орудию, залазит в башню, с характерным жужжанием подшипников, на разных металлических уровнях, проигрывает смерть.

Пушки нацеливаются на берег.

РОБЕРТ

Да уж. Мы вернём вселенной утраченную во время родов молодость. Когда-нибудь материя сожрёт сама себя. Слышь, Боцман. Съешь банан, спаси Германию. Бананза! Очнись, Бригадир, на тебя взирает Вотан!

Залп из всех носовых орудий.

Бригадир сгорает, Роберт растворяется в дыму. На море – рассвет, и призраки удаляются по люкам.

ТИТРЫ:

«ПОЖАДИТЕ ТИРАНОВ!!!»

по мотивам романа Генроиха Бёлля «Бильярд в половине десятого», а также «фантазии в русском стиле на английские темы Бернарда Шоу «Дом, где разбиваются сердца»*)

Натура: Лютеранские храмы Усть-Золиха (Саратовская губерния, Гречихино (Волгоградская губерния);

Католический храм Каменка (Саратовская губерния).

Павильон: Франкфурт – на – Майне. Институт кинематографии.

все сцены: на однотонном заднике.

Интерьер отеля: мультимедиа: все планы постоянно меняются на фоне относительной статики драматических сцен.

Действующие лица:

Генрих Фемель – Отец. (Олег Табаков)

Роберт Фемель – Сын. (Алексей Дэлль-Василевский)

Йозеф Фемель – Внук.

Леонора – Певица. (Лолита Милявская)

Иохен – смотритель отеля. (Геннадий Шляхтин)

Старуха Блесик – «овечья жрица». (Элина Быстрицкая ?)

Генерал Кестерс. (Юрий Каюров)

Неттлингер – бывший агент гестапо, ныне – офицер американских спецслужб, явившийся за Робертом.

Бригадир (Боцман.)

Директор отеля.

Гуго - портье отеля.

Марианна – невеста Йозефа.

Наташа – беженка с Украины.

Гретхен

Лиза

Лина

Лидер правой оппозиции. (Борис Моисеев?)

Лидер левой оппозиции. (Владислав Третьяк ?)

Команда «Принц Генрих».

Представители левой, а также правой оппозиции.

ТИТРЫ:

Фильм Алексея Дэлль-Василевского

«ПОЩАДИТЕ ТИРАНОВ»

по мотивам романа Генриха Бёлля:

«Бильярд в половине десятого».

КАРТИНА 1.

Полузатопленный эсmineц «Принц Генрих» времён второй мировой войны, много лет сидящий на мели, превращённый в «плавучий» отель с эксклюзивными услугами для любителей дайвинга.

Каюта капитана:

«Виртуальная» бильярдная Роберта».

«РОБЕРТ – ГУГО».

Все предметы – «блакамания» Маркеса: кальян с «ожившими» штуцерами, ноутбук на нотной подставке; персидский ковёр с «плавающей» живописью Дали, бильярдный стол в стиле Макса Эрнста, в центре – крестовина перископа.

(КАТ. № 1. Стр. 243, № 549, 1935 г.“ The Surrealist Mystery of New York in 1935 ”). (Мультимедиа).

В углу бильярдной – Гуго: юноша с очень красивым лицом, в форме портье.

РОБЕРТ.

Моцарт писал на зелёном сукне, Гуго. Он слушал, как бьются шары.

Что ж, чтобы сделать всех вокруг одинаково счастливыми – отказавшись от правил, давно отказавшись от счёта – белым во вторую лузу.

Бьёт.

Нет, Гуго. Нет, друг мой. Шар растворился в зеленом тумане. Значит, кто-то из нас с папой был неискренен. Ну, прости нам это, Гуго, спишем флирт на наш зрелый возраст...

Ещё удар...(Бьёт).

Есть. Белый шар, как единственная звезда прокатился легко и тихо, словно музыка без мелодии, слышишь, Гуго? Живопись без образов, почти без цвета, одна только голая форма... И хлопнулся в свою могилу... Персональную.

И ты, мой бедный мальчик, стоишь в стороне, прислонясь как всегда к двери, к белой полированной двери, и руки ты заложил как обычно, за спиной.... Правда, Гуго? (Оборачивается.)

Гуго? Где ты, Гуго?

Роберт оборачивается, Гуго нигде нет – он исчез.

Он вновь бьёт по шару, камера следует за шаром (мультимедиа), тот скользит по бесконечным римским сточным желобам, влетает в «КАРТИНУ 2»:

«МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ТЕАТР БРЕХТА»

На «Полёт валькирии» Вагнера, «монолог» Баркова - в театре солирует Роберт.

Чему Данилыч нас вседневно поучает,
Великим словом всех насильно уверяет,
Развратный в чём его рассудок и раскол,
И веры состоит неслыханный символ.

КАРТИНА 2

Роберт крутит перископ, ловит свадебный лимузин своего сына Йозефа, подробно рассматривает:

СистемуGPS НА ЛОБОВОМ СТЕКЛЕ где проложен электронный маршрут прямо до музея «Принц Генрих», СОБСТВЕННЫЕ ФОТОГРАФИИ одна другой кровавей, устанавливает резкость на кабриолет, где – за рулём – Йозеф, рядом с ним – несовершеннолетняя в фате, сзади, - вповалку спят три девушки.

ЙОЗЕФ

(нем.)

Тебя как зовут?

НАТАША

Наташа.

ЙОЗЕФ

Русская, что ли?

НАТАША

Хохлуха, украинка, в смысле, сбежала из детдома.

ЙОЗЕФ

Ну и говори по-русски.

НАТАША

А куда мы едем?

ЙОЗЕФ

К дедушке Генриху на юбилей, ему сегодня стукнуло толи восемьдесят, толи восемьсот. По-моему, в его честь назвали этот грёбанный подводный эсминец, в нём теперь музей и притон одновременно.

НАТАША

А что мы там будем делать?

ЙОЗЕФ

Да что хотим. Дедушке во время войны оторвало голову, она теперь соображает под системой. Такая забавная история, прям никто не верит: папаня, когда весь его подводный флот эвакуировали на берег, взрывал какой-то католический храм, который дедуля когда-то построил, дед не хотел от туда эвакуироваться, и папаня рванул их там всех вместе с монахами со скотным двором, где, как потом выяснилось, торговали монашками и героином в общем, повздорили они, а теперь собираются подрядить его восстанавливать, если я ничего не перепутал.

Да вот, кстати, семейный альбом, где-то в бардачке, возьми, посмотри, чтоб потом не... Ну, ясно.

Наташа начинает его смотреть, и теряет сознание, их останавливает полисмен.

ЙОЗЕФ

Свадьба, мистер.

Затягивается, выдыхает полисмену в лицо, того кружит на воспоминания.

Роберт, бросает перископ у себя в «кокпите», сплёвывает.

КАРТИНА 3

Группа аквалангистов от оппозиций следует по затопленной части корабля за смотрителем отеля – Иохеном, поглядывая на часы с нарастающим напряжением, - старик смотритель без акваланга, машет указкой, пуская пузыри.

ИОХЕН

Это - каланы, морские выдры. Такие же водятся в Монтерее - на узкой полосе, там и жрут акулы, что лисьи, что большие белые. Наши - сами сожрут, кого хотят. Видите, какие они у нас? Зубастые.

Внезапные шумы на верхней палубе:

ИОХЕН

Не обращайтесь внимания, господа от оппозиций. На корабле постоянное крики - мужские, женские, как будто кто-то летит с 30 эт. и видит на 15 - м сосущую Н. Кэмпбэлл.

Иохен пропускает вперёд себя аквалангистов от оппозиции, закрывает за ними люк, жмёт на гашетку, в отсеке возникает взрыв, ошмётки костюмов, масок, баллонов, костей выносит с лодки вон прямо на торпеду, немедленно

появляется стая белых акул, подъедает останки, над водой довольно мирная картина: всплывающее мясо атакуют олуши и странствующие альбатросы.

Смена плана. Роберт у себя на мостике смотрит в перископ.

РОБЕРТ

Мутанты, мутанты, мутанты.

(Боцману.) Унеси вон это свиное пойло.

Боцман уносит жратву в «шлёмке», возвращается.

БОЦМАН

Мент ломится через Иохена какой-то Неттлингер, говорит, ему нужны вы.

РОБЕРТ

Я знаю его. К службе не годен. Должно быть, любит кинематограф, дёргается, как кукла на экране. Марионетки любят быть марионетками, когда знают, что у них умелый кукловод. Сегодня я срублю ему все нити к спасению.

РОБЕРТ разворачивает перископ, даёт Бригадиру. Тот ловит корму, Неттлингера беседующего с Иохеном в угрожающих тонах. На корме, прямо у воды.

РОБЕРТ

Знаешь, что на русских лодках была дебелая оптика на перископах? Потому все командиры и первые помощники окосели.

БОЦМАН

На американских лодках ваще, - голых баб в перископ показывают. Резкость вертишь. (ПИСК)зды меняются.

И сосущая блондинка была. Вот там конкретно окосел весь флот в Пирл – Харборе, а то б (ПИСК)оглазые столько посуды и не утопили.

РОБЕРТ

А старая посуда-то была. Так что они оказали янки услугу, - пнули льва. У кого ресурсы, тот и лев, - Россию так целиком ни разу и не вы(ПИСК)ли, они забыли, то там по лесам одни, в натуре, колдуны, - а в Америку никто даже и не высадился, - ни хера себе. А эта. У них в перископах.

Не Мерлин Монро?

БОЦМАН

Может, Ева Браун? Или Лина Лихенштайн? Торжество воли, кажется, фильм называется. Какой был рейх! Все евреи обосрала. Купили себе земли, и треплют всем нервы.

КАРТИНА 4

Явление Леоноры и головы Генриха.

Белое пианино на чёрной лодке, чёрное пианино на белой лодке, оно меняет цвета вместе с лодкой, оно – часть палубы, как палубная пушка 24мм с одной стороны, и 12 мм пулемёт – с другой, на нём постоянно играет Леонора.

На пианино стоит аквариум с подключённой к системе головой Генриха Фемеля, однако, как выясняется, после мультимедийной

смены плана:

картина скорее напоминает рекламу одеколona от «Балдасарини»:

в серых морских тонах, какие бывают на Балтике и в северных морях,

мчит на крейсерской скорости огромная моторная яхта, и где-то на самом верхнем мостике, который можно разглядеть только укрупнив план, беседуют Генрих Фемель и Леонора:

(156.)

Явление Леоноры и Генриха.

ЛЕОНОРА

Играет на фортепьяно, - на палубе яхты Генриха Фемеля

Простите, Генрих, я забыла спросить, - как вы себя чувствуете?

Из воды поднимаются любители дайвинга от оппозиции, они слушают игру и пение Леоноры, как крысы – дудку Нильса.

ГЕНРИХ

Что на том конце света, Леонора?

ЛЕОНОРА

Другом свете, Генрих, другом свете. Вы думаете, что вы своими лживыми стенаниями разжалобите Богов?

ГЕНРИХ

Вы плачете?

ЛЕОНОРА

О, нет, вам показалось, Генрих, я девчонкой прошла все ужасы войны. Я была не под союзной, а под русской оккупацией, и всё – на дружественной Эльбе. Надо было оказаться на другом берегу, но я была --на этом.

Так что – бесполезно.

Голос из Роберта из недр корабля.

РОБЕРТ

Эй, на баке! Дрочим все сюда! Кого увижу пьяным – лично отстрелю башку!
Земля ваша, не обетованная!

Слышатся выстрелы.

Леонора налегает на клавиши, - то черные, то белые, то меняющие цвет.

Поёт песню

“СЧАСТЛИВОГО ДНЯ РОЖДЕНИЯ”

(нем.)

Заканчивает, вытягивает ноги на фортепьяно, закуривает, любуется морским закатом.

ЛЕОНОРА

Мне рассказала Лина Лихенштайн, что у африканских племён, пока их не постригли в мусульман, во время знакомства девушка просто закидывала ногу на плечо юноши, если собиралась за него замуж. Красивый ритуал, правда? В Европе такого не было, нет и никогда не будет.

Что это с вами?

ГЕНРИХ

Ерунда. Арийский синдром.

По палубе проходит чёрный кот, всё застывает, как только он едва шевелит хвостом, всё – оживает, только с пьяным Бригадиром, возникшим с дымящимся ружьём в руке.

ГЕНРИХ

А не заправиться ли нам, Бригадир?

БОЦМАН

Причалим. (Его мучает икота.) Адмирал.

КАРТИНА 5

3. Корма корабля, – у самой затопленной кромки, как на берегу, беседуют:
«ИОХЕН – НЕТТЛИНГЕР»

На мультимедийный театр опускает занавес Неттлингер, на ней –
«Искушение св. Антония» Макса Эрнста (мультимедиа).

ИОХЕН.

Ты кто такой?!

НЕТТЛИНГЕР.

То есть как? Вы забыли? Это я, ваш лучший друг, и я давненько вас здесь поджидаю, старец. Короче: мне нужен Роберт Фемель. Срочно. Немедленно. По служебным делам.

ИОХЕН.

Тебя-то он точно не желает видеть.

НЕТТЛИНГЕР.

Во-первых, мне доподлинно известно, что он здесь, а во-вторых, если вы, почтенный старец, произнесёте ещё хоть слово...

ИОХЕН

(оглядывается).

Господин директор... Господин директор. Да где же он, чёрт бы его не видал?

НЕТТЛИНГЕР.

В том-то и дело, почтеннейший. Мы здесь одни.

ИОХЕН.

Похоже на то. (Доверительно.)

Не желаете ли осмотреть древнеримские детские гробницы? Я даже покажу вам парочку черепов.

НЕТТЛИНГЕР.

Нет, дорогой мой, не желаю. Если я и захочу увидеть чей-то череп, то только Роберта Фемеля, но так, что бы он был на месте и со всеми причиндалами: ушами, губами, языком, и желательного, мозгами. Сигару, старец?

Иохен внимательно рассматривает оказавшуюся у самого его носа сигару.

ИОХЕН.

Ах! «Партагас Эминентес»...

КАРТИНА 6

Капитанский мостик Роберта. Он – Гуго.

123.

РОБЕРТ

Экватор, Гуго.

ГУГО

Середина мира?

РОБЕРТ

Середина боя. Если раундов ДВЕНАДЦАТЬ. Если прошло три - нас нет. Если пятнадцать - то мы не добрались до экватора. Но раньше бились и по пятьдесят.

Сидим жопами на золотых слитках, а поймать не можем. Лень. Нам проще воевать, - от этого занятия излечиться нельзя. Начал - не остановишься.

Настраивает перископ на корму.

РОБЕРТ

Ого! Дом, где разбиваются сердца. Каждый Форест Гампт грезиться себе Джеймсом Бондом.

КАРТИНА 7

4. Холл отеля: «ИОХЕН – НЕТТЛИНГЕР – ДИРЕКТОР (явление)»

Буквально «из стены» возникает ДИРЕКТОР. (Мультимедиа.)

ДИРЕКТОР

(Иохену).

Ну, как сегодня?

ИОХЕН.

Как обычно.

ДИРЕКТОР.

Почему ж ты не пел, старик?

ИОХЕН.

На похоронах по третьему разряду не поют.

ДИРЕКТОР.

Ты как всегда безжалостен в своём суровом приговоре, старик. Ты – насмешливый князь подземелья, Иохен. Подойти и спросить: «Ну, как же ваш труп, мистер?» – это уже на грани кощунства. Ты забываешь о репутации отеля.

ИОХЕН.

Уж кто о ней ни на секунду не забывает, так это я, господин директор. Этот кретин по фамилии Неттлингер пятнадцать минут дышал мне в нос своей четырёхмарковой сигарой и предлагал кредитку лиловую, господин директор, лиловую! Иохена нельзя купить ни за какие деньги, а уж ему и подавно; не многих любил я в своей жизни, но молодой Фемель мне по душе. Уж если он желает ежедневно играть сам с собой в бильярд с половины десятого до одиннадцати, и держать при этом рядом с собой Гуго, то уверяю вас: он будет

играть и никакая фигура ему в этом не мешает, и старик Иохен об этом позаботится, будьте уверены, господин директор, да, да будьте уверены!

Ему надо было бы почуять, что деньги были совершенно неуместны, когда дело касается меня...

ДИРЕКТОР.

Постарайся забыть про себя, старик Иохен, и давай хотя бы сегодня ухитрimsя обойтись без скандалов, не забудь: шестого сентября тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года у господина тайного советника день восьмидесятилетия, я собираюсь устроить в его честь солидный фейерверк, и это не последний из сюрпризов, надеюсь, для него приятных...(Подходит к закрытой двери.) Как будто кого-то не хватает, Иохен.

ИОХЕН.

За этой самой дверью покоится наш незабвенный генерал Кестерс, господин директор.

ДИРЕКТОР.

Покоится?

ИОХЕН.

Нет пока, я просто к тому, что он неплохо сохранился, почти как я, неправда ли?

Они открывают дверь каюты, освещают генерала свечами – тот сидит неподвижно при полном параде и смотрит перед собой, с пулемётом во рту.

Оба во тьме постепенно продвигаются к Неттлингеру.

ИОХЕН

(Директору).

Вы уже различили его?

Смена плана.

ДИРЕКТОР.

Кого?

ИОХЕН.

Да, Боже мой, Неттлингера. Вон он сияет во тьме. Когда-то я слышал это имя, да и лицо его напоминает мне что-то, что я поклялся не забывать!

Это имя я слышал много лет назад и сказал себе: «Иохен, запомни его, возьми его на заметку!» Но теперь я не знаю, что хотел запомнить.

НЕТТЛИНГЕР

(запускает руку из темноты, останавливает Иохена, захлопывает дверь с Кестерсом)

Лиловую кредитку, старец. Лиловую.

Летит лиловая купюра, сквозь её изображение – ИНТЕРЬЕР тронного зала «Принц Генрих». (Мультимедиа).

КАРТИНА 8
(5) : «ГЕНРИХ – ЛЕОНОРА»

Яхта Генриха Фемеля, мчит на рассвете к месту действия, Леонора играет на белом фортепьяно, Посреди кают компании.

С мостика за ней наблюдает Генрих

Ей представляется:

Смена плана

Во главе длинного стола – голова Генриха Фемеля, рядом – Леонора.

ОНА – восседает на своём прекрасном троне, разворачивается к фортепьяно, её платья меняются с головокружительной быстротой под шквалом несущихся вне времени, то низких, то высоких облаков. ОНА раскуривает сигару голова Генриха в какой-то синеватой жидкости, похожей на едентурат.

Смена плана

Возвращение в «Реальность».

ГЕНРИХ.

Выпейте мартини, Леонора. Прошу вас. В этом одноимённом со мной заведении откуда-то добывают превосходный мартини.

ЛЕОНОРА.

Простите, господин тайный советник, но я не могу: ваш сын не любит запаха мартини. Это он меня научил истине: если ОНА не даёт, значит ОН не очень хочет.

ГЕНРИХ.

В самом деле? Какой у меня развитый мальчик. А я никогда не отличал запаха мартини от запаха коньяка. Знаете, Леонора, на дано. Но зато дано отличать по запаху приличную сигару от...

КАРТИНА 9

(6).

Каюта - Бильярдная: «РОБЕРТ – ГУГО». Роберт Фемель целится кием по шару, рядом с ним Гуго. Бьёт, забивает.

РОБЕРТ.

Кстати, Гуго, принеси, пожалуйста, коньяку. Двойную дозу. А то запахло Кубой, сразу тянет на коньяк.

ГУГО.

Слушаюсь, господин доктор.

РОБЕРТ.

И ещё: перестань меня, пожалуйста, называть господином доктором.

ГУГО.

А... как же мне вас называть, господин доктор?

РОБЕРТ.

Не знаю, сынок. Придумай что-нибудь. Можешь – капитан.

ГУГО.

Слушаюсь, господин доктор.

Но господин директор просил пока не высказываться специальными терминами.

РОБЕРТ

Давно?

ГУГО

Пока отсюда не уберётся Неттлингер.

РОБЕРТ

Передай Директору завтра, что я предупредил тебя сегодня: если я с утра извлёк своё фамильное оружие, которое столько лет считал утраченным, то к вечеру оно само себя обогрится кровью. Я тут не при чём. Это старая теория клинков. На этом корабле всегда был бардак, но мы не плохо стреляли.

КАРТИНА 10

122 а

(МОЛОДЁЖЬ, МАШИНА)

1-й ЮНОША

Кому-то

Мы их, блядей, сначала накурим, потом нанюхаем, потом перестанем обращать на них внимания.

2-й ЮНОША

Баб от(ПИСК)здим, а мужиков – трахнем. Вот они все удивятся?

МАРИАННА

Йозеф, останови машину, я дальше не поеду. Кто из этих козлов твой свидетель?

ЙОЗЕФ

Оба.

Останавливает машину.

Ну?

МАРИАННА

Я собираю вещи. И уйду к Мартину.

ЙОЗЕФ

Ну, уж нет, только не к нему. До мышей съе(ПИСК)бемся.

Йозеф – парням.

ЙОЗЕФ

Пацаны, сруливайте.

Пацаны сруливают.

Рвёт с места.

КАРТИНА 11

Роберт - Гуго

(Любой разговор с Гуго, у всех заканчивается тем, что в конце концов беседует с собой, Гуго наблюдает за этим - из другой картины, неважно, мультимедийной, или, - нет).

РОБЕРТ

Отворачивается, разворачивает фуражку, колется.

Сука кинула

Маком двинула,

Год откинула

Красный цветок, Рерьярд, красный цветок. Улёты во сне и наяву. Под «ФАУ 2».

ГОЛОС Леоноры

ЛЕОНОРА

Это гормональный взрыв, Роберт.

Роберт резко оглядывается. Видит в огрызке зеркала отражение Леоноры.

РОБЕРТ

Не буди меня, Гуго. Победителей не будят.

ГУГО

Так кто победил?

РОБЕРТ

Кто проиграл.

Все, кто сел за стол.

Бывали времена, что на моём корабле даже кот Мурр-з впадал в немилость - ещё немного, и его б начали просто (ПИСК)здить.

А взгляда этой твари так и не выдержал. Никто.

ГУГО

Даже вы, господин капитан?

РОБЕРТ

Ну, уж хрен там ночевал. Этой мой кот. Китайцы не при чём.

Проходит кот, всё застывает.

КАРТИНА 12

(7). Палуба яхты. Генрих Фемель и Леонора.

ГЕНРИХ.

Боже мой, наконец-то я узнал, что такое настоящая сигара, милочка... Почему мне пришлось так долго жить, до самого моего восьмидесятилетия?

ЛЕОНОРА.

Правда, почему? Почему, господин тайный советник?

ГЕНРИХ.

Ну, милочка, ради Бога, только не это. Только не «господин тайный советник». В этом есть что то полугофмановское.

ЛЕОНОРА.

Хорошо, я что-нибудь придумаю.

ГЕНРИХ.

Ну, конечно, скорее всего, вы умудритесь меня не назвать никак... Ибо призрак заслужил того, чтобы он пребывал собственным памятником. Ну, вот ещё, чего вы так разволновались, конечно же, мне сегодня стукнуло восемьдесят. Ах, так значит, не вы сегодня послали мне цветы по поручению Роберта?

ЛЕОНОРА.

Да, это я, только безо всякого поручения. Это вам от меня...

Пауза.

ГЕНРИХ.

Господин тайный советник.

ЛЕОНОРА.

Я, пожалуй, выпью мартини, Генрих. Так лучше?

ГЕНРИХ.

Спасибо, милочка. Вы не возражаете, если я буду называть вас милочкой?

ЛЕОНОРА.

По-моему, вы меня всегда так называли, Генрих.

ГЕНРИХ.

Серьёзно? Что ж, это всего – на всего старость.

КАРТИНА 13

(8).

«Холл»: «ИОХЕН – НЕТТЛИНГЕР»

«Холл» (корма). У входа те же – Иохен и Неттлингер. Та же позиция – старик нюхает сигару, Неттлингер явно устал её держать.

ИОХЕН.

Боже мой, Боже мой, ну и табачок! Четыре марки, четыре марки! Теоретически я бы мог выпустить навстречу твоей «Партагас эминентес» дым из моей трубочки, набиваемой чёрным табачком, но... я сам себе хозяин, друг мой, с одним единственным ограничением: здесь, внизу, Директор не рекомендует мне курить, так что можешь поцеловать меня в лиловый от воспоминаний зад, Роберта Фемеля я тебе всё равно не продам.

НЕТТЛИНГЕР

(нюхает сигару).

Да чёрт с ним, с табаком, курить вредно, равно, как и не курить. Меня другое поражает: со многими деятелями я беседовал вот так, с глазу на глаз, и никто до сих пор не продержал меня так долго в дверях, и никто, слышите, старец, никто не называл меня до сих пор на «ты». Поздравляю. И табачок,

согласитесь, отменный, или вы – ненормальный, а я - не немец, преисполненный чувства собственного достоинства, впрочем, как и все немцы.

ИОХЕН.

Чёрт побери! Неужели я опять подумал вслух и, возможно, обратился к тебе на «ты»?

НЕТТЛИНГЕР

(закуривает).

Да, кстати. Как вы смеете?

ИОХЕН.

Как я смею? Что же, я старик, никто не видел мою метрику, и я, бывает, заговариваюсь, у меня небольшой склероз, я малость, впал в детство и нахожусь поэтому под защитой...

НЕТТЛИНГЕР.

Пятьдесят первого параграфа.

ИОХЕН.

Его самого! (Орёт.) А если ты закажешь себе глазунью и если твой заказ придёт на кухню, когда я буду там, я сочту за особую честь лично плюнуть на

сковородку. Ты получишь моё объяснение в любви, так сказать, «о натюрель», смешанное с растаявшим маслом. Не стоит благодарности, милостивый государь!

НЕТТЛИНГЕР.

А вы, случаем, не француз? Помните триумфальную арку и наш парад? Бивали мы французов. И раз, и два.

КАРТИНА 14

Каюта Роберта

118.

РОБЕРТ

Если ты один раз решил, что избавился от страха, никогда не знаешь, надолго ли.

И после смерти не бывает избавления, так что есть вещи и похуже смерти. Никогда не бывает навсегда. Никогда не говор ничего. Гуго. Хотя, чего я тебе всё это говорю? Ты рождён. И скоро будешь властвовать.

Это как очнуться зрячим в темноте.

А когда нам включают свет,

То увидим мы рассвет,

Где никто не скажет «нет».

И нагая красавица танцует на топе грот мачты.

Бригадир!

Возникает Бригадир.

РОБЕРТ

Как оппозиция?

БРИГАДИР

В порядке.

РОБЕРТ

Глянь. Чё там.

КАРТИНА 15

(9).

Бригадир возникает на

палуба яхты старшего Фемеля, что мчится всё в тех же серых тонах, соответствующих успеху в рекламе: «Генрих, Леонора»

ГЕНРИХ.

Бригадиру

Заправляться будем, нет? Или мы уже под парусами.

БРИГАДИР

Так точно, адмирал. Мчимся.

ГЕНРИХ

Ну и плевать. На чём я остановился?

БРИГАДИР

На попских работниках.

ГЕНРИХ

А, да. (Леоноре.) Знаете, что такое по-латыни «Реклама»? «Собрание кардиналов», милочка. Да, о чём бы я не говорил, о ком бы я не вспоминал, всегда всё заканчивается Робертом. Чем он занимается, Леонора, что он делает каждое утро с половины десятого до одиннадцати в бильярдной «Принца Генриха»?

ЛЕОНОРА.

Я не знаю, что он там делает. В самом деле, не знаю, по-моему, он там играет в бильярд.

ГЕНРИХ.

С Гуго?

ЛЕОНОРА.

Нет, он там играет сам с собой.

ГЕНРИХ.

Понятно. Ну и влетит же вам, Леонора. Насколько я знаю Роберта, он не любит, чтобы нарушали заведённый им порядок. Хотите, я с ним поговорю?

ЛЕОНОРА.

О, нет, спасибо, Генрих, не надо.

ГЕНРИХ.

Но, детка, он и так вам ничего не сделает, будьте покойны. Он и мальчишкой был такой же – внимательный, вежливый, разумный, корректный, но только пока кто-то не переступал известных границ...

ЛЕОНОРА.

Простите, Генрих... Напомните мне: мы переступали известные границы?

ГЕНРИХ

(не слышит).

Когда кто-то переступал известные границы, он не знал пощады... Он не остановился бы и перед убийством, я его всегда немного побаивался...

ЛЕОНОРА.

Вы?!

ГЕНРИХ

(не слышит).

Семья Фемелей знакома со смертью, мы с ней накоротке, дитя моё...

КАРТИНА 16

(10). Лестница: «ГУГО – ДИРЕКТОР»

Лестница. Гуго спешит в «бильярдную каюту», и налетает на Директора.

ДИРЕКТОР.

Ты куда?

ГУГО.

Двойная порция коньяка в бильярдную для господина доктора, господин директор.

ДИРЕКТОР.

Из-за твоего доктора заварилась хорошая каша.

ГУГО.

Как так?

ДИРЕКТОР.

Я ещё сам толком не знаю. Кажется, кому-то срочно понадобился твой доктор. Что вы там делаете?

ГУГО.

Я – ничего, как всегда. Приношу господину доктору коньяк, иногда хожу в лавку за сигарами. А что?

ДИРЕКТОР.

Ничего, не обращай внимания. Пока ещё служба отеля не донесла ещё о чём-то страшном.

ГУГО.

Служба отеля? Какая служба?

ДИРЕКТОР

(отвлёкся).

Что? Иди, иди, а то тебя настигнет Овечья Жрица, я уже слышу, как лестница прогибается под её тощими копытцами...

КАРТИНА 17

(11).

Лестница: «ДИРЕКТОР – БЛЕСИК»

Гуго уходит, с верхнего этажа спускается старуха Блесик, Овечья Жрица.

БЛЕСИК.

Ну? Как мы спасаем мир, господин директор?

ДИРЕКТОР

(без видимого раздражения.)

Овечьей кожей, овечьей шерстью, овечьим молоком и вязанием, в чём же ещё.

БЛЕСИК.

А в чём блаженство мира?

ДИРЕКТОР.

А здесь и размышлять нечего, сударыня, разумеется, в овце.

БЛЕСИК.

Я вами восхищена, господин директор. Не прошло и ВРЕМЕНИ, как вы смогли-таки усвоить две столь простые истины.

ДИРЕКТОР.

Надо быть очень большим идиотом, чтобы их таки не усвоить, ибо, куда ж от неё деться, от истины? В третье место не денешь.

БЛЕСИК.

Деться вам, разумеется, некуда совсем не от истины, молодой человек. А от сказочного персонажа, который за завтраком пьёт чистую желчь.

ДИРЕКТОР.

Что за страсти такие, мадам.

БЛЕСИК.

Это ваш сумасшедший Иохен кому-то говорил про меня, мне донесла служба информации отеля.

ДИРЕКТОР.

Что ещё за служба, мадам? Впервые слышу.

БЛЕСИК.

Да будет вам, молодой человек. Куда вы дели Гуго?

ДИРЕКТОР.

Он на работе, мадам.

БЛЕСИК.

У меня достаточно денег, чтобы купить весь этот ваш вонючий отель вместе с вами, службой информации и сумасшедшим генералом со старомодным пулемётом во рту. Я бы перенесла всю эту историю в другое место, прихватив с собой даже старшего Фемеля, болтающего в баре с секретаршей Фемеля среднего, медленно сходящего с ума в бильярдной; я бы сделала это, если бы этого пожелал Гуго, но он, видите ли, не желает.

ДИРЕКТОР.

Нет мадам, не желает. Как видно деньги пока еще решают не всё.

К тому же у нас не совсем обычный отель, если вы изволили заметить, - мы здесь осваиваем абсолютно новый режим пространства, мы здесь проходим сквозь переборки, как сквозь туман в осеннем Лондоне, и в любой момент капитан может спровоцировать снятие с мели.

БЛЕСИК

Каким образом?

ДИРЕКТОР

Он растопит айсберг, и нас смоеет приливом. А на скалы или нет, - на то и мастерство шкипера.

БЛЕСИК.

Я и не говорю, что деньги должны всё решать, но деньги плюс вера – это уже кое что... Неужели ему никто не говорил, что его лицо – золото, чистое золото, глупый мальчишка? Если бы он захотел, я бы сделала его агнцем божьим в моей новой религии... Он стал бы знаменит и богат, все падали бы перед ним ниц в самых шикарных отелях...

ДИРЕКТОР.

Насколько я знаю людей, мадам...

БЛЕСИК.

Вы не знаете людей, молодой человек, потому что вы смотрите на них снизу, в крайнем случае с боку – с той стороны, с которой можно приложить к виску пистолет, вы знаете не людей, а процесс их ухода. На самом деле, надо бороться не с ними, а их тоской, тоску же людскую можно разогнать только какой-нибудь новой религией, при одном единственном условии.

ДИРЕКТОР.

При каком условии, мадам?

БЛЕСИК.

Надо непременно уничтожить религию старую.

ДИРЕКТОР.

А, понимаю, понимаю. Борьба за стойбища. Дабы хватало кормов мирной и невинной овце, надо вначале пустить на колбасу старого, но буйного ещё буйвола. Маленькая деталь: при всей своей любви к прихожанам вы хоть и падаете до скотины, но ведь и прихожане для вас – чистый силос. Правда, скучающий. Тоскливый. Тоскливый силос.

«Как можно было вам спуститься с горных пастбищ – к таким кормам»!

Англичане умели бумагу марать, правда?

Правда, это было давно.

БЛЕСИК

(с противоположного портала).

Да не так уж и давно.

Старуха легко возносится вверх по лестнице и распахивает перед Директором дверь двенадцатого номера, где со своего кресла тут же вскакивает генерал Кестерс в полной амуниции.

КЕСТЕРС

«Покуда немецкие рощи растут,
Покуда немецкие флаги цветут,
Покуда немецкое слово звучит,
Не будет наш Гинденбург нами забыт!!!»

Старуха хлопает дверью, за ней слышен звук падающего тела.

БЛЕСИК.

Меня больше всего убивает, что он делает ударение на слове «наш». Я должна отомстить за осквернённые уста немцев, слышите, вы! Неужели он никогда не умрёт?

ДИРЕКТОР.

Кто? Генерал Отто Кестерс?

БЛЕСИК.

Нет, тот, кто живет его. Гинденбург. Неужели мы будем вечно видеть на почтовых марках этого буйвола, чье имя стало для немцев всем? Вы достанете мне ружье?!

ДИРЕКТОР.

Нет, Мадам.

БЛЕСИК.

Но почему? Я должна вам кое-что сказать: мне кажется, нас прокляли, если «Причастие буйвола» Гинденбурга было и есть нам больше всего по вкусу, нас заколдовали, есть только одна возможность освободиться: нам надо отпустить последнего генерала. Хочу ружье. Хочу ружье; Господь сказал мне: «мне отмщение аз воздам». Но разве я не могу стать орудием Господа?

ДИРЕКТОР.

Нет. Такая Война кончилась, мадам.

КАРТИНА 18

119.

Каюта Роберта.

РОБЕРТ

Подводный оползень опустил могилу великого Генри Моргана на дно.

Счастливая могила для пирата.

Про него какая-то мразь сказала, что он был хреновый моряк, раз посадил на мель столько кораблей. (Хохочет.) Сказать легко! Покрутись на такой парусине.

Как сказал Аврелий,-

Смерть улыбается нам. Мы можем лишь улыбнуться в ответ. Улыбайтесь чаще, господа.

Возникает Бригадир, встаёт у Роберт за спиной.

РОБЕРТ

Иисус, Гуго? Как можно душу рубить на конфессии? Попы продали веру.
Попов надо

Просто

Взрывать!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

ВЗРЫВ

Смена плана

(РЕКЛАМА)

ДИРЕКТОР

у ВАС бизнес?!

Звоните!

Минута - и мы будем у вас!

КАРТИНА 18 А

Машина Йозефа.

ЙОЗЕФ

Марианне

Почему ты просишь об этом?

МАРИАННА

Потому что ты не хочешь туда ехать.

ЙОЗЕФ

Мне надо туда ехать. Да и тебе. Ты ж – невеста.

МАРИАННА

Ты скоро забудешь – кто и чья. Не хочешь, значит и не надо. Уедем, Йозеф. Кстати, я забыла тебя спросить, почему ты так сильно туда не хочешь? Если бы я вовремя это не почувствовала, мы бы уже давно отплясывали танго под «Полёт Валькирии».

ЙОЗЕФ

Танец смерти. У наших предков была верная примета – если встретишь мокрую валькирию, это к несчастью.

МАРИАННА

Да, ты знаток, я вижу.

Натура, католический храм в пос. Каменка Саратовской губернии.

Йозеф – в храме.

Закадровый текст – голос Йозефа.

ЙОЗЕФ

Понимаешь. Я вчера в аббатстве раскопал старую фреску, сначала увидел что-то темное, потом оказалось, что это – кошелёк Иуды... Потом я стёр тряпкой белые пятна и увидел остальной кусок этого произведения...

Тридцатка, Марианна. Тридцатка серебра. Цена раба. Однако, в связи с последними гуманитарными открытиями, ортодоксы зажали гностические евангелие.

Мультимедиа: РОБЕРТ пишет на стене X, Y, - стена отъезжает, вместо последней буквы возникает монах, Роберт в этот момент отвлекается, и пишет у него на сутане: Z.

Натура Лютеранский Храм пос. Усть-Золиха: Роберт отходит к бригаде подрывников, командует расстрелом. Панорама на башню: на залп с неё разлетаются птицы, затем прилетают обратно, следующий залп – то же самое.

Натура: Католический Храм пос. Каменка – сохранившиеся фрески.

ЙОЗЕФ

Вокруг стола сидели двенадцать апостолов, я жутко обрадовался, а когда собрался уходить, то заметил между ногами двух святых – Иоанна и Петра, прямо над пробоиной от взрыва значки: X, Y и Z. Сотни раз, когда отец помогал мне делать уроки, я видел написанные его рукой X Y Z...

Колонны трапезной были взорваны, своды разрушены, уцелели только остатки стены с фреской «тайной вечери» и этими буквами... Отцовской рукой начертанными... Мистика какая-то...

ЙОЗЕФ

Это бегство, Марианна. Это будет самое настоящее бегство, а я всё-таки мужчина.

МАРИАННА

Ни один мужчина на свете не в состоянии бороться с чужим прошлым. Да и не стоят этого никакие духи, ни добрые, ни злые, поверь мне.

ЙОЗЕФ

Откуда ты знаешь?

МАРИАННА

Чувствую. Я же всё-таки женщина.

ЙОЗЕФ

Едем на лодку.

КАРТИНА 19

Смена плана.

Бригадир превращается в змея, Змей вползает на плечо Роберта, пробирается на спину, превращается в наколку («Американский самурай», Голливуд*), СЛЫШИТ «ЗВОНОК» вещает:

БРИГАДИР

Ясный х(писк)уй, звонит старуха Путана. Скоро она перевезёт нас на тот берег, капитан.

РОБЕРТ

Телефон ещё не зазвонил, а ты уже убит – чистым предвкушением.

БРИГАДИР

Капитан, один вопрос, и я сваливаю.

РОБЕРТ

Валяй.

БРИГАДИР

Дьявол, он же Сатана, он же – Председатель, не родственник Божий, раз он его, Отца Всевышнего, Божье попущение? А может он, ваще того, плод роковой страсти?

РОБЕРТ

Чьей?

БРИГАДИР

Скажем так – Наивысшей.

РОБЕРТ

Почему ко мне такие вопросы, Боцман?

БРИГАДИР

Ну, ты ж специалист по вере, раз столько пилигримов привалил?

Бригадир сгорает.

РОБЕРТ

Отрапортовался, козёл.

Берёт швабру, подметает пол, вытряхивает золу за пределы каюты, сплёвывает. Дверь закрывается, Бригадир восстанавливается, отряхивается.

БРИГАДИР

Эскадрон! Все наверх! Е(ПИСК)ать буду.

КАРТИНА 20

Пауза. Режиссёр (он поздоровее) хлещет по мордасам небритого закадрового телеведущего ОРТ.

РЕЖИССЁР

Ещё напористей, сказал! Ливитан ты, или х(ПИСК)уй сосать!

Их внезапно выхватывает камера, они оба это замечают, и раскланиваются как-бы публике. Молча раздвигают далианское пространство, два занавески с велосипедистами с камнями на головах («ГОН», скользящая обложка, 1, 50 с.)

КАРТИНА 21

Часть палубы корабля мгновенно превращается в римскую арену.

Иохен, пьяный в жопу, заходит в клетку с хищниками, Директор объявляет,

Раздвинув брехтовскую штору пространства:

ДИРЕКТОР

Последняя гастроль знаменитого на весь мир укротителя, Ивана Хитровыебаннова, русского. Выигравшего, среди прочих таких вот, отчаянных штраф-братовцев, такую оху(ПИСК)енную войну.

Номер называется:

«как динамитом глушат осетрину не знает никто. Поскольку никого не осталось».

Пару слов: говорят, что конец любой радуги непременно падает на горшок золота, не зря говорят – рифма к нёбу – мать твою ё(ПИСК)бу...

Меж тем на Иохена наступают разъярённые хищники, из люка на арене один за другим вылезают скелетоподобные, ни разу не кормленные вараны, змеи, крокодилы и т.д., он разворачивает станковый пулемёт, с криком: «Все назад! А вот я вас х(ПИСК)уями хрен копать!»

ИОХЕН

(трезвеет, бьётся о клетку).

Эй, Директор! Кинь какие пасатиже, дверь заклинило!

ДИРЕКТОР

Пососи же? Ну, знаете ли, Иван Быкович, вы хоть и потомственный Хитровы(ПИСК)ебаннов, но не до такой же степени.

ИОХЕН

Хрен с тобой, паскуда...

Иохен начинает палить из своего станкового пулемёта, валит сначала всех хищников, потом всех зрителей, кончаются патроны, наступает тишина. Из-под обломков и трупов выгребается Директор.

ДИРЕКТОР

Н-да. Вон те, в восьмом ряду, в восьмом ряду – жили долго, счастливо, и кончили в один день, в столетний юбилей Великого Мастурбатора. Всё, конец карьере.

ИОХЕН

(себе).

Ежли пасатиже падают – к крокодилу. Чего раскручинился? Аль мозоли на х(писк)ую?

Сверху приземляется предвыборная листовка Путина в чёрном поясе, она преобразуется в порноплакат в руках у Меркель, с надписью:

«Антипидор».

ИОХЕН

Ни хрена, я круче. Ибо тот «Антипидор» взаправдашний, кто на самом деле – пидор воинственно настроенный.

ДИРЕКТОР

Вот это да! Я остаюсь.

ИОХЕН

И то верно. Да только я, похоже. Ухожу – не прёт мне на арене. Пойду, займусь психиатрией – колдунам буду сертификаты выдавать, кто каширный, а кто – нет, магам – за спасибо, чтоб (писк)юлей не наваляли, а уж ведьмочек – от норда к весту, от(писк)ьёб – да и к месту.

ДИРЕКТОР

Да. Нужда волю е(писк)бёт, воля плачет, да даёт.

ИОХЕН

(меняется во взгляде).

Ты прибери тут, слышь. Пока даёт.

Смена плана.

Неттлингер приводит в чувство старика Иохена, тот начинает болтать, как будто продолжает только что прерванный разговор.

ИОХЕН

У НАС ВОДЯТСЯ ТАКЖЕ:

Лена – дочка Иванова, от мамани, некогда вострым топором порубленной.

Юля – дочка Иванова, от другой мамани, некогда в тихом омуте утопленной.

«Люди в чёрном»:

Томми Ли Джонс.

Уилл Смит.

Сеуч (Вестник).

Губернатор Шварцнегер (он родом отсюда, из этих прибрежных болот, тут что ни мясо, - то Гамлет, говорящий Гертруде «как вы могли спуститься с горных пастбищ, к таким кормам, отважных, и т.д.»).

Воины.

А также:

лешие, вурдалаки, кикиморы, русалки, амфисбены, драконы, динозавры (юрского периода), зеркальные существа, пара существ философских, выравнители, гарпии, трёхногие ослы, птица «Феникс» (в стиле «Юнкерс»), слон, предсказавший рождение Будды, эльфы, бураки, големы, мандрагоры, минотавры, мать черепах, гномы, химеры, перитии, лилиты, наги, юварки, симурги, саламандры, уроборосы, ламедвовники, валькирии, норны, демоны иудаизма, термические существа, тролли, ламии, сатиры, небесные петухи (из подземной тюрьги взмывшие), лунные зайцы (на Луну воющие).

Старуха Путана, княгиня Марья Алексеевна – ей все подают.

СНЯТО

Перевозчик – на огненном бревне с красными крылами.

(«Данилыч», 3.45)

И трупы, трупы, трупы...

А так же моя эксклюзивная манера е(ПИСК)бать самцов людоедов в двадцатом поколении, чтоб самки вешались – от зависти!

Бог Вотан! Белеет моё левое крыло!!! Белею, я, белею я, белею я, белею.

СНЯТО

«ШОУ ГОН Сар. Драма 2002, бразильская народная песня «Белка».

Смена плана.

Иохен вспоминает: он, в своём фирменном цирке, распиливает ассистентку, и по всем признакам жизни – фокус ему не удаётся. Та умирает от потери крови, публика ломится из цирка.

Его вновь пинает Неттлингер, жестом требуя продолжить разговор, и вновь старик «включает» профессию дурака.

ИОХЕН

А вот, - слышали историю, под названием «элементарная магия»?

Распахивает перед Неттлингером пространство.

Смена плана

Элементарная магия».

Палуба огромного, переливающегося золотом линкора, Роберт с Леонорой – на мостике.

РОБЕРТ

Бригадиру

Иди, пару нагони.

Бригадир исчезает.

Терпеть не могу эту предвоенную тишь – площадь, светлячком мутированная пролетит, и то слышать.

(хлопает в ладоши, команде).

Эй, вурдалаки! Сыграйте.

ЛЕОНОРА

Они не будут петь – ты им не платишь.

РОБЕРТ

Я заплачу им золотом Моргана.

ЛЕОНОРА

А если ты не найдёшь «золото Моргана»?

РОБЕРТ

Тогда я выйду из пустой пещеры, и скажу то же, что Наполеон, когда посетил чертей Великой Пирамиды.

ЛЕОНОРА

И что же сказал Наполеон?

РОБЕРТ

«Вы мне всё равно не поверите». Ты хочешь, чтобы я поверил тебе, Леонора?

Это мой корабль. Я здесь один. Я выполняю миссию великого уединения. Вас здесь нет.

Смена плана

Каюта капитана.

БРИГАДИР

Капитан, Муррзика нам не сглазь пожалуйста, а то он людей е(писк)бать начнёт, кот помойный.

РОБЕРТ

Тссс! Со вселенной на шее. (Конфуцию.) И комнат тёмных у нас – хоть с собой уносите.

Короче, забирай Муррзика, и передержи его у себя за стеной, – его ж нету ни хрена, значит он и не жрёт, и места он – не занимает, и, выражаясь в твоём догматском духе, кошкой быть - не хочет, а стало быть он мужчина, раз никогда не хотел быть женщиной, но что-то много баб, мужуком быть желающих, отсюда феминизм – вот тебе и вся твоя гавённая философия. Философия, друг мой, такой хлеб, что всегда – на блефе, но таковым не является.

А друг твой. Авиценна – вообще, от передозы помер, обожрался мака. То же – с Ганнибалом. Великим бойцом помойного Карфагена. Всё, хватит с меня этих измерений. Прими меня в объяття, мать смерть.

Пускает себе пулю в лоб.

Смена плана.

На экран возвращается музейная реальность. Но Неттлингер явно впечатлён.

ИОХЕН

ПОД ВОДОЙ

(оппозиции в аквалангах, булькает, те в шоке и постоянно смотрят на часы)

У нас здесь всё для дайвинга, подводной охоты рыбалки, есть даже специальные опарышы, они недохнут в воде, у кого какой оппозиции пост, - левый, правый, хотите русалок (шлюхи с хвостами), - будут, желаете - живые, желаете зажарим, -

а теперь рулите вправо, дамы и господа, - там древнеримские детские гробницы.

КАРТИНА 22

РУСЬ -ТВ , 1 канал.

Знаменитый телекомментатор опять препирается с режиссёром:

РЕЖИССЁР

Какого хрена ты опять не дожимаешь? Вспомни Левитана, когда он открывал, и закрывал войну? Сила! «От советского информбюро...!» Бабы заканчивали!

КОММЕНТАТОР

Это как?

РЕЖИССЁР

С собой!

Мотор!

КОММЕНТАТОР

Всем юношам, подвергшимся сексуальному насилию, посвящается эта песня.

Начинает что-то петь, врывается Режиссёр, вырывает у него микрофон.

РЕЖИССЁР

(в микрофон)

Стоп, машина. Ты чего опять запел?

КОММЕНТАТОР

«Всех не пере(писк)ебёте!»

РЕЖИССЁР

Да вот ты мне упал.

КОММЕНТАТОР

Я буду требовать отмщенья!

РЕЖИССЁР

Давай, вещай. Народ не может без твоего голоса. Он привык к нему, как...
Мотор. Камера.

Начинается демонстрация краткого видеосодержания предыдущей серии,
голос за кадром – Комментатор.

Ночь. Корабль. Лаборатория при висячем саде с галлюциногенными
растениями.

Роберт через многочисленные змеевики и колбы, прозрачную систему,
подключённую к единому компьютеру, рассматривает мутную зелёную
жидкость в пивной кружке.

Далее – Дали:

“The Mountains of Cape Creus on the March (LSD Trip), 1967,

КАРТИНА 23

Кокпит капитана. Роберт – Директор.

РОБЕРТ

Как там - папина голова - не встала из накаута? Раньше он быстро
восстанавливался.

Царство ему небесное.

Возникает Бригадир.

РОБЕРТ

Бригадиру.

Шампанского?

БРИГАДИР

Водку в одного если пьют, то с тоски, а шампанского чего в одну харю-то щемить, - с радости, что ли?

РОБЕРТ

С радости, конечно, - ко мне сыночек едет, на день рождения бабушки везёт обоз каких-то трип(ПИСК)перных малолеток, я ж сразу им говорил, - надо сначала на животных опыты ставить, а потом уже на людях Я НА СЧЁТ РОЖДАЕМОСТИ, - ВОТ МНЕ ДЕТЕЙ ИМЕТЬ ПОЛЕЗНО, ВИДИШЬ ОНИ У МЕНЯ КАКИЕ СООБРАЗИТЕЛЬНЫЕ, И ВСЕ, ЗАМЕТЬ, ЗАЧАТЫ ПОД ЛОШАДИНОЙ ДОЗОЙ ГЕРОИНА, ВОТ И СЛУШАЙ ПОТОМ ЭТИХ СРАНЫХ ГЕНИКОЛОГОВ, - ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО, И ЧТО ТАКОЕ – ПЛОХО. То есть наоборот, конечно, падла, ты опять меня запутал.

ДИРЕКТОР

Так он не умер.

РОБЕРТ

Кто?

ДИРЕКТОР

Ваш отец.

РОБЕРТ

Все равно.

ДИРЕКТОР

Что это с вами, капитан? Улыбнитесь. Ведь улыбка, - это флаг корабля.

РОБЕРТ

Извините, из зенитки как-то ё(ПИСК)нули по сердцу. Пришёл к художнику, сказал ему, - нарисуй, как это может быть. И он нарисовал мою смерть с такими анатомическими подробностями, что меня давно нет, а рана всё не заживает. Прямо, «Портрет Дориана».

Смена плана

130.

Ангел на "Крещении Христа" Леонардо. Первый раз - Лицо Гуго.

(Анимация)

Смена плана

Яхта Генриха Фемеля, Леонора пытается поправить на себе изорванное платье, она смотрит с капитанского мостика. Как Генрих приходит в себя.

Она представляет грядущий банкет:

Голова Генриха постоянно имеет выражение Брайна де Пальма, когда тот давал интервью на счёт сцены с бензопилой в «Человеке со шрамом».

ГЕНРИХ

Ты – чистый лёд, я – пламень, пополам с водой. Экспромт.

ЛЕОНОРА

Себе

Смок он зе уатер (нем.)

КАРТИНА 24

149

Каюта Роберта.

80

Рядом с Робертом, - карлик.

Роберт молотит по мешку.

Роберт видит в окно Неттлингера.

РОБЕРТ

Карлику

Я знаю, что Бригадир притягивает к себе вот таких уродов, как ты.

Смена плана.

Рассказ Роберта сопровождается полной видео иллюстрацией.

РОБЕРТ

Вы и на «дурке» ни хера за меня не переживали, - после всех этих взрывов меня держали с какими-то закосившими арабами, три месяца не спал, пристёгнутый, - тут я и увидел вашего основного, с брюхом, - я видел, как он припечатал Бригадира к стене, но весь фокус в том, что Бригадира там, - не было, а ты – был. Проверка на вшивость. Вы, уроды, только етца можете.

Стреляет ему в голову.

Видит Неттлингера в окне иллюминатора.

РОБЕРТ

ЁБ(ПИСК)ТЦ!

Ихтиандр.

Американская шлюха! Плиний сказал, что Корнелия отрицала свою вину, когда её замуровали заживо. Не хрена было трахаться, раз давала обет!

Смена плана

Яхта Генриха Фемеля, - он наступает на Леонору.

ГЕНРИХ

Твоё шоу называлось “Как бороться с горем”, и ты сказала, поставив своих героев, на колени, сразу после того, как заняла среди них место сама:

“есть испытания, которые от тебя не зависят”.

Это какие такие испытания?

ЛЕОНОРА

Я НЕ ПОМНЮ. Кажется...

“Не надо ханженским образом заказывать любовь”.

Первый раз звучит основной саундтрек.

“Я люблю эту чёртову музыку”.

На что ей отвечает Роберт:

“Ни одно испытание не зависит от нас. Не бывает хренового опыта. Он просто есть.”

«Все демоны – попущенье божье, так что и музыка, - от туда».

КАРТИНА 25

(12).

Бильярдная: «Роберт и Гуго».

ГУГО.

Я принёс коньяк, господин доктор.

РОБЕРТ.

Спасибо, Гуго. Хорошо, зови меня, как хочешь. В конце концов, всё это пройдёт само собой.

Как ты думаешь, Гуго, познал ли ты чувство вечности?

ГУГО.

Вечности? Нет... не знаю.

РОБЕРТ.

Но почему? Разве так уже не было всегда, разве сто лет назад ты не стоял так у этой двери, заложив руки за спину?

ГУГО.

Дверь, по-моему, та же, надо спросить у Йохена, но я тогда не стоял.

РОБЕРТ.

Ты ошибаешься, Гуго...

Может быть, это был и не ты, но, поверь мне, это был ты... А здесь, на моём месте, уже тогда был я и никто другой... Так будет всякий раз, пока башня святого Северина будет своими часами отбивать одиннадцать.

Но даже башня – миф... Она есть, но её могло и не быть... Единственная реальность – это три бильярдных шара, которые катаются по зелёной промокашке... На двух квадратных метрах в тысячах образов рождается бесконечность... И голос мой теряется в глубине времён...

Выпивает коньяк, забивает шар.

Есть, сынок. Шар ложится так, как он лёг сейчас раз в десять лет. Только тогда, когда истина рождается без мук.

ГУГО.

Вы мне сегодня так ничего и не расскажите, господин доктор?

Пауза.

РОБЕРТ.

Я и так болтаю без умолку, сынок. А ты, Гуго? Расскажи мне сегодня ты что-нибудь.

ГУГО.

Хорошо. Вы знаете, что такое война? Я ведь даже не знал, что недавно была война. Когда я ходил по кладбищу и видел там слова «пал», то думал, что покойники, похороненные под этими плитами, упали мёртвыми.

РОБЕРТ.

Агнец божий... (Смеётся.) Агнец божий... Эта Овечья Жрица вовсе не такая уж и дура, она тебя моментально вычислила, Гуго. У тебя не только лицо, у тебя и сердце ангела. Всё правильно, Гуго, каждый упал под свою плиту, всё просто до идиотизма. Так оно и было.

Мой брат, мой родной брат Отто упал под свою плиту под Киевом.

ГУГО.

Где?

РОБЕРТ.

Есть такой городишко на Украине. Он там сгорел. Он понял, что такое война до конца, он понял это на собственной шкуре.

Смена плана: НАТУРА, лютеранский храм пос. Усть – Золиха (Саратовская губерния).

Массовка: «Бригада взрывников»

Крупные планы – каждого, о ком говорит Роберт

(Закадровый текст).

Вилли – серьёзного, не улыбающегося расклейщика плакатов, поглотило Чёрное море между Одессой и Севастополем, его обглоданный скелет погрузился на дно и лежит там среди водорослей и тины;

150

Во время рассказа Роберта о Бамберге и остальных:

1. Скелет Вилли, который раздирают крабы, а стая русалок пытаются отыскать у него хоть один член;

2. Взрыв в белорусском сортире:

Куда в очередь идёт по большому

Вся женская часть населения, потом выволакивают какого-то местного алкоголика и дезертира, который, перекрестившись, также прыгает в очко, вслед за ним закидывают ещё какую-то местную шлюху, должно быть, замеченную с немцами.

Смена плана

План из дерьма:

НЕМЦЫ

Кажется, пронесло, -

Не этой реплике в покадровом воспроизведении летит противотанковая граната, ВЗРЫВ, селяне в дерьме.

3. Далее – казачий генерал играет в гольф с закопанными по шею пленными немцами, одетыми в ушанки, - у одного вылетают золотые зубы и застывают на солнечном блике.

Лицо Атамана.

АТАМАН

Поеду, в рожу плюну генералу Власову?!

Коня. Весь этот сраный хутор – за коня.

Собирает с неба золотые коронки Банберга, уходит.

Смена плана

Каюта Роберта, он – с Гуго.

РОБЕРТ

Бамберга, безгрешного друга моей юности Бамберга сожгли в газовой печи, правда свои – это война, это тоже война, Гуго, он стал пеплом, пеплом без золотых зубов, а у него были такие крупные сверкающие золотые зубы... Иногда мне кажется, что все они здесь...

Только потому, что здесь я. Ну, уж в такой крохотной милости я не могу им отказать, правда?

Ровно как я когда-то не смог отказать себе в удовольствии не принимать «Причастие Буйвола» и не орать «С Гинденбургом вперёд!»

Улыбнись, мальчик, когда ты улыбаешься, у всех этих сказочных бабусь начинаются судороги. Не могу сказать, что предсмертные, ибо оные уже давно случились.

Гуго смеётся.

Хорошо, парень, хорошо. Всем смертям назло, как поётся в одной русской песенке. Мне как-то написал о ней мой брат Отто...

Наш общий папа сейчас совсем близко от нас, и никак не даёт выйти на работу моей секретарше.

ГУГО.

Вы очень сильный человек... Вы очень сильный человек, господин доктор...

РОБЕРТ

Да! Я никому не позволял усомниться в этом, на это ушла, можно сказать, вся жизнь. Если не помогали кулаки, то в ход шли бомбы.

Роберт посылает шар в лузу, он вновь летит по желобам, в какой-то момент, напоминая раскручивающийся старомодный снаряд, прокатывается по столу – прямо к Фемелю старшему, и тут же растворяется – на множество бликующих корпускул, что вызывает у Леоноры приступ смеха.

КАРТИНА 26

**(12) Палуба яхты Генриха Фемеля:
«Генрих Фемель и Леонора».**

Генрих атакует Леонору. Его прерывает звонок мобильного телефона.

ГЕНРИХ.

Да, да, искал секретаршу, а почему ко мне, а не... А, ну тогда приходите, на той неделе.

Слушайте, вы ж на работу устраиваетесь, я ж не прошу вас прийти в три ночи на сеновал со своей техникой. То есть – как – а что?

Леонора смеётся.

ГЕНРИХ

Директор отеля – еврей, видите ли, выжил в гетто. Хватаемся за евреев, как за кольт.

Смейтесь, смейтесь, Леонора, вы так заразительно смеётесь, вам это известно? Когда-нибудь меня обязательно отольют в бронзе, вы должны при

этом непременно присутствовать и смеяться, так же, как сейчас... Ведь я, Леонора, и сейчас не больше, чем памятник, а памятники не могут причинить зла, и я, старый дурак, не смею разрушать в глазах современников легенду обо мне: я собираюсь учредить сиротский приют, если бы я был чуть посмелее, я бы учредил, разумеется, богадельню, поселил бы туда Генерала, Иохена, и поселился бы туда сам.

ЛЕОНОРА.

То, что вы об этом подумали, с вашей стороны уже поступок, Генрих. Правда, правда.

ГЕНРИХ

(тускнеет).

Спасибо за кофе, Леонора. Простите за столь чувственную исповедь, однако любезности такой старой развалины, как я, не должны вас смущать.

ЛЕОНОРА.

Генрих, к чему это кокетство, вы же понимаете, что я не из общества спасения. Я всё же женщина.

ГЕНРИХ.

Всё же? Что значит всё же, Леонора?

ЛЕОНОРА.

Потому что я девчонкой прошла через все ужасы войны, двадцать раз уже повторяла, господин тайный советник. Маленькой девчонкой. Ужасы в самом

худшем смысле этого слова. То есть местечко, где я оказалась, то самое место на Эльбе, оказалось на русской территории. Так что ситуация меня тоже, если можно так выразиться, «умудрила», и я в состоянии понять, что вы сильный человек. Гораздо более сильный, чем ваш сын.

ГЕНРИХ.

Что вы, милочка! Я мнил себя сильным, хотя вовсе им не был; другое дело, я не могу избавиться от того, что мне дано от Бога – я просто могу влиять на людей: все генералы, настоятели, епископы были только статистами, и только я один выступал соло, и даже когда пел в хоре; дирижёр, размахивающий палочкой, не подозревал, что он подчиняется палочке моей; все наперебой приглашали меня на всякие официальные торжества, и Мессершмидт, шептал мне на ухо: «Общество, мой молодой друг, - истинная услада жизни». И я с кислым видом улыбался, давал себя хлопать по плечу, прекрасно при этом понимая, что миф обо мне должен был возникнуть прежде, чем разразиться скандал...

Леонора рассматривает Генриха.

КАРТИНА 27

(13). Корма «Принца Генриха». У дверей – Иохен и Неттлингер.

НЕТТЛИНГЕР

Надеюсь, старец, вы не будете вынуждать меня устроить скандал?

ИОХЕН.

Скандал? Взгляни на мой арийский череп и уймись. По этому черепу прохаживался циркулем сам Гессе, он мне тогда уже сказал: с таким черепом, крепким, как грецкий орех, любая нация непобедима.

НЕТТЛИНГЕР.

Как видно, он ошибся. Как выучила нас мудрая история, не в черепе, оказывается, дело, мой добрый, крепкий старец.

ИОХЕН.

А в чём?

НЕТТЛИНГЕР.

В грудях черепов.

ИОХЕН.

Во всяком случае, я уверен – если человеку хоть раз в жизни что-то замерили, то он не склонен к ссорам. Так что решим вопрос мирно: Роберта Фемеля я тебе всё равно не сдам. Пусть спокойно играет себе в бильярд, хотя я лично нашёл бы для него более подходящее занятие: доставать с какого-нибудь дна скелеты партии, или собирать по печам пепел партии, или, на худой конец, пусть делает то, что делал в юности: бросает бомбы, чтобы у таких мерзавцев, как ты, земля горела под ногами.

НЕТТЛИНГЕР.

Вотэтода! Послушайте, старец, мне всё меньше и меньше хочется вступить, я уже, честно говоря, просто боюсь. Единственное, что меня удерживает от того, чтобы не развернуться и не броситься прочь, а то и вовсе не пустить себя пулю в лоб, так это нормальное человеческое любопытство. Вы не возражаете? Я остаюсь. Можно? (Протягивает поднос Иохену крупную купюру.)

ИОХЕН

(едва не падает).

А! Ой. «Не поможет богатство в день гнева».

НЕТТЛИНГЕР.

Посмотрим.

ИОХЕН

(понижает голос).

Тебя бы наверняка стошнило, если бы ты узнал, что он успел натворить на своём веку, тебя бы рвало до самой твоей кончины, если бы ты увидел тот фильм, который показывают в день страшного суда, - фильм о его жизни; он из тех молодчиков, которые приказывали выламывать у мертвецов золотые коронки и отрезать волосы у детей.

ПАУЗА.

НЕТТЛИНГЕР.

Что такое? Почему прервались?

ИОХЕН.

Я старик и мне надо иногда переводить дыхание!

Неттлингер берет Иохена за талию и встряхивает его со всей силы.

НЕТТЛИНГЕР.

Ну? Как дыхание?

ИОХЕН.

Нормально! (Выхватывает купюру.) Чего вылупился?

НЕТТЛИНГЕР.

От истинного восхищения, старина!

ИОХЕН.

Ты хочешь спросить, был ли он коммунистом? Не знаю, пусть даже так, каждый порядочный человек хоть раз в жизни, но побывал коммунистом!

Словно призрак, возникает из тьмы Директор.

ДИРЕКТОР.

Что такое? Где это вы обнаружили в нашей тихой обители коммунистов, господин Неттлингер?

НЕТТЛИНГЕР.

Да не я, господин директор, а ваш неунывающий старец. Он сказал, что самый главный коммунист играет сейчас в бильярд и никак не хочет меня к нему пропустить побеседовать о видах на этот самый коммунизм.

Пауза. Иохен долго смотрит в глаза Неттлингеру, на его лице появляется характерное выражение, когда человек хочет поднять себе настроение, и вспоминает любимое дело, разумеется, это – обращение к оппозиции.

ИОХЕН Друзья мои, теперь дровичим все по Стивви Вандера! Рекомендую сменить руку, - это вам пригодится в дальнейшем, да, вот так у нас в Германии рождается истина, в такой вот гавённой обстановке, ну ничего, как говорит наш Бригадир, - не ссы в стакан, там повар ноги моет, от себя добавлю, - больше улыбайтесь, будут Бэ - Эм – Вэ, будут бутерброды. Белка и свисток.

КАРТИНА 28

(14). Бильярдная. Роберт, Гуго.

ГУГО.

Вы... убивали, господин доктор?

РОБЕРТ

(отрывается от стола).

(Себе.) Зае)ПИСК)ламенявсяэтавсемирнаялитература.Что, Гуго? Прости, я прослушал.

ГУГО.

Я спросил, воевали ли вы?

РОБЕРТ.

Лучше сказать – участвовал в войне.

ГУГО.

А что вы делали?

РОБЕРТ

Я был подрывником, Гуго. Это тебе что-нибудь говорит?

ГУГО.

Да, я видел взрывы в каменоломнях за Денклингеном.

РОБЕРТ.

То же самое делал и я, Гуго, только я взрывал не скалы, а сначала линкоры, потом, - всё, что плавало, и подворачивалось под руку, а потом – я выполз на сушу. Снял команду с корабля, переключился на храмы. Этого я ещё никому не рассказывал, сынок, можешь оценить.

ПАУЗА.

ГУГО.

Храмы? Зачем?

ПАУЗА.

РОБЕРТ.

Я архитектор, Гуго.

ГУГО.

Но я всегда думал, что архитекторы строят... А не взрывают.

РОБЕРТ.

В этом-то и состоит уникальность моей военной профессии, сынок. Я их никогда не строил, я их только взрывал... Проще говоря – расчищал от куполов путь к небу. Знаешь, что такое сектор обстрела? Нет?

Роберт целится из кия, как из винтовки, легко катит шар, шар крупным планом, выходит на панораму храма, которая открывается слева направо, Роберт жестом подзывает Гуго к перископу, всё, что возникает на экране, смотрится сквозь оптику прицела:

НАТУРА: Лютеранский храм Гречихино, Волгоградской губернии (зима).

Монолог Роберта – на натуре, крупным планом.

За ним – бригада подрывников, с рюкзаками и карабинами наперевес.

Кто-то (крайний) подтягивает девушку, в чулках и немецкой шинели.

Они как будто собираются фотографироваться.

Вот видишь. Если бы я захотел стрелять в мост, что позади башни святого Северина, то церковь лежала бы в моём «секторе обстрела», в таком случае её надо было бы взорвать немедленно, сейчас же, без промедления!

Общий залп - вверх

Кто-то из бригады:

«Сектор обстрела, сектор обстрела...»

Другой голос?

«Откуда у этой бабки менструация, идиот, она ж –привидение!»

«Маловато я что-то за подвиги беру. Пора от трудов передохнуть».

«Ратных?»

«Праведных, б(ПИСК)лядь!»

голос РОБЕРТА:

А то бы я не мог стрелять в мост, уверяю тебя, Гуго, я бы взорвал святой Северин, хотя знал, что наш brave генерал Кестерс сумасшедший, хотя знал, что «сектор обстрела» в данном случае – сущая чепуха, ведь если стрелять сверху, понимаешь, то тебе не нужно никакого «сектора обстрела», и, в конце концов, даже до самых тупоумных генералов должно было прийти, что за последние полвека изобрели самолёты... Но наш генерал был сумасшедший, он был не меньший сумасшедший, чем нынче, только сейчас это никого не волнует, а тогда я обеспечил ему этот «сектор обстрела»: у меня в части собрались хорошие ребята – моряки, подводники, физики, архитекторы, и мы взрывали всё, что попадалось нам по пути, нам, ребятам, как выразился один русский писатель «знакомыми с морскими бурями», всё, что нагородили на суше, омываемой со всех сторон водой, всё это действовало на нервы.

Мультимедиа: РОБЕРТ тыкает кием в летающее над его головой аббатство – то лопается, как мыльный пузырь, взгляд в окно – там башни в Нью-Йорке – целые и невредимые.

РОБЕРТ.

Единственное, о чём я жалею...

МУЛЬТИМЕДИА: Роберт толкает шар, который, превращаясь в бомбу, с шипением летит по бесконечным интерьерам субмарины - отеля «Принц Генрих»:

Распахивает дверь, попадает в гримёрную с полуголыми тетками, только что вышедшими с канкана, где предметы их туалета оживают, превращаясь в сатанинские атрибуты (Живопись Макса Эрнста, мультимедиа);

Приоткрывает номер «12» генерала Кестерса, которому подаёт пушку кто-то из бригады подрывников (половина экрана – натура, половина – мультимедиа): он, с пулемётом во рту и ногами в тазу, вскакивает, отдаёт честь «С Гинденбургом вперёд»;

Попадает в номер к старухе Блесик, окружённой в своём номере стадом породистых овец: она причесывает центральную, остальные – в бигудях;

Наконец попадает в трюм, Неттлингер прикуривает от бомбы, приоткрывает дверь, выкидывает её В МОРЕ,

в окно, под упреждающие крики Йохена:

«левая оппозиция – направо, правая оппозиция – налево!!!»,

Раздаётся взрыв –

«БОИНГИ» один за другим подлетают к башне, и Роберт Копьём - Кием, как волшебной палочкой, то отодвигает их от последней атаки, то задвигает обратно, как бы размышляя, стоит это делать, ИЛИ НЕТ , потом заводится тема «Детского Панадола» «Мона-мур – Усама Бен Ладан, самолёты влетают, башни валятся.

РОБЕРТ.

А они думают, что сдают карты.

(«Мультимедийное возвращение в бильярдную»)

РОБЕРТ

(смотрит в окно, рухнули ли башни в Нью-Йорке).

Единственное, о чём жалею...

КАРТИНА 29

(15). Палуба яхты Генриха. Леонора, Генрих.

ЛЕОНОРА.

Роберт.

ГЕНРИХ.

Что...? Как вы меня назвали, милочка?

ЛЕОНОРА.

Мне показалось, я слышала голос Роберта.

КАРТИНА 30

(16). Роберт. Гуго.

Разлетающиеся стекло от кулака Роберта_ кровь на кулаке. В отражении – Леонора.

Затем он забивает очередной шар – тот переходит в

Красный Крест, который Роберт ставит на стекле окровавленной рукой, через расфокус, переходит на крест Храма – в натуру.

НАТУРА (пос. Каменка, Сар. Обл., Усть-Золиха, Сар. Обл, Гречихино, Волгоградск. Обл.)

ВЗРЫВ ХРАМА СВ. АНТОНИЯ.

Взрывной механизм несколько раз не срабатывает, Роберт и

БРИГАДА прицеливаются из карабинов через оптику – натуральный обстрел аббатства, где-то мечутся монахи,

МУЛЬТИМЕДИА:

ВЗРЫВ, Храм заваливается, души в чёрных одеждах взмывают вверх, те, кто стрелял, провожают их взглядами – без страха и упрёка, бьют «в лёт».

РОБЕРТ – СОЛДАТУ – после взрыва.

Вот так, Гуго.

Мультимедиа – бильярдная, вместо Солдата – Гуго.

Роберт в позе самурая, готовящегося сделать себе харакири, надевает наушники с муз. темой «ЧАСЫ», собирается вскрыть себе брюхо кинжалом но его прерывает его же реквизит: штуцер кальяна тянется в рот, в коробке из-под виски начинается какая-то своя, ни на что не похожая жизнь.

РОБЕРТ.

Леонора...

Толи ему кажется, толи на самом деле, Гуго берёт «катан» и становится у него за спиной, дабы, согласно традиции, оказать услугу.

Голос юноши приводит его в себя.

ГУГО.

А продолжение у этой истории будет, господин доктор?

РОБЕРТ

Капитан.

ГУГО

Господин капитан.

РОБЕРТ.

Ещё какое, сынок. Под конец мы взорвали одно величественное сооружение: собор, конюшни, монашеские кельи, усадьбу – целое аббатство, Гуго, оно находилось как раз между двумя армиями, немецкой и американской, и я обеспечил немецкой армии «сектор обстрела», который ей был совершенно ни к чему; ты спрашивал, сынок, не убивал ли я, так слушай: стены падали к моим ногам, на скотных дворах ревела скотина, монахи проклинали нас, они забивались в церковные подвалы и не выходили от туда уже больше никогда, и ничто не могло меня остановить, я взорвал аббатство святого Антония в Киссатале, взорвал за три дня до окончания войны...

Мультимедийная Сцена разворачивается на круге, появляется «экран»:

Эсминец «Принц Генрих» - в мультимедиа, наезд со стороны, окно бильярдной, заставленное книгами, Роберт вынимает книги, тем самым, освобождая пространство для обзора – наезд к ноутбуку, Роберт проходит к нему – план на экран;

становится компьютерным киборгом, пробирается к компьютерному аббатству св. Антония, выбирает себе оружие, говорит металлическим голосом:

РОБЕРТ.

Вот так, Гуго. Единственное, о чём жалею...

Аббатство долго не поддаётся, Роберт постоянно меняет арсенал, потом взлетает, палит сверху, аббатство взрывается

Остаётся башня св. Северина (стилизиция небоскрёбов в Нью-Йорке).

Единственное, о чём жалею, что не взорвал тогда эту чёртову башню, которая указывает нам путь в ад...

Пауза.

При это я был корректен, дружок, неизменно корректен, такой же, каким ты привык меня видеть.

Крупный план – он за бильярдным столом.

Припадает к столу, бьёт, три шара одновременно влетают – каждая в свою лузу.

РОБЕРТ

Есть много, друг мой Гуго...

Знаешь. Что такое «точка Ла-Гранджа?» Это –то самое место, где гравитация Земли имеет силу гравитации Солнца. Выходит, Галилей – и правда безбожник. Мракобес. Центр Вселенной – Земля, а не Солнце. Это сюда

стаскиваются пираты со всей Вселенной, потому что водичка – только здесь. Чистая вода. Святая. Инквизиторы были правы. Ну а мы отомстили за Коперника, потому как до сих пор эта самая точка, - плод фантазий. Её ещё никто не ставил. Как она появится, - мы уж как-нибудь прочувствуем.

КАРТИНА 31

SONY HDR FX 1

Декорация - 3)4 тонник, Дирижабль Гинденбург –

Мультимедиа.

3

«Вокзал в Препиньяне» Дали, отель – поезд «Принц - Генрих» уходит вглубь Материка, уволаскивая на тресе «Гинденбург»,

Роберт на палубе крутит «Турель» под ракетную установку на палубе. Нацеливает её на башню «св. Северина».

РОБЕРТ

Показывает на яхту, очень похожую на яхту Генриха Фемеля.

Вот он, корабль мечты, ни хрена лишнего, ни крестов, ни куполов, всё функционально, если кресты и есть то для парусов, а не попов, а на парусе, - то, что стало для Константина боевым знаменем.

ГУГО

И что там?

Парус разворачивается, на нём – крест «Колумба».

Мне не нужна никакая магия.

Я повелеваю пространством, магами засранным.

СНЯТО

БРИГАДИР

Топить, капитан?

РОБЕРТ

«Лузитания»? Всё утопить.

Торпедная атака. Взрыв

КАРТИНА 32

121

105

4.

Лимузин Йозефа заезжает в лёд, все спасаются из ледяной воды, Марианна надевает респиратор и фату сверху, сдирает её с Наташи.

ЙОЗЕФ

Дальше не проедем. Дальше – вплавь.

(Снимает со стекла портрет отца в немецкой, адмиральской форме, верхом на торпедо формы акулы)

КАРТИНА 33

Взрыв в обратной последовательности, - яхта Генриха собирается из расплавленных кусков,

(17) Палуба. Леонора и Генрих.

ГЕНРИХ.

Да, Леонора, в сорок пятом году я увидел эту грудку развалин и задумался, хотя был спокойнее, чем, по-видимому, ожидали, монахи. Я повёл себя достаточно корректно, Леонора, корректно к самому себе, в конце концов, на войне как на войне, из всего того, что я строил, погибло не одно только аббатство. Чего они, собственно, хотели от меня: слёз возмущения?

ЛЕОНОРА.

Они искали виновного?

ГЕНРИХ.

Виновного искало гестапо, оно во все времена ищет и находит виновных – по своему усмотрению, но зачем, милочка? Я отдал бы двести аббатств, лишь бы вернуть моего погибшего сына Отто, я бы отдал их за то, чтобы вернуть хоть кого-нибудь.... Наверное, та груда обломков была тем непредвиденным, к которому я так странно стремился. Монахи дивились моей улыбке, а я дивился их возмущению...

Сделайте мне ещё кофе, Леонора, никому это не поручайте, вы прекрасно готовите кофе...

КАРТИНА 34

(18).

Корма. Директор, Иохен, Неттлингер.

План – экран - сцена разбиты на три чести: все трое: Роберт, Генрих и Иохен, вещают о своей корректности, каждый со своей доли экрана, их образы размножаются, меняются, они становятся то живыми, то отснятыми, то компьютерными, то осязаемыми – в новом воплощении.

ИОХЕН.

При этом я был корректен, господин директор, то есть я был таким, каким в всегда привыкли меня видеть.

ДИРЕКТОР.

Вы оскорбили этого господина, Иохен.

ИОХЕН.

Не намеренно, господин директор, собственно это даже нельзя назвать оскорблением. Я бы мог назвать сотни людей, которые почтут за честь быть со мной на «ты».

ДИРЕКТОР

(тайнственно).

Господин Неттлингер требует удовлетворения.

НЕТТЛИНГЕР

(Директору).

Что?! Что вы говорите?

ДИРЕКТОР.

Спокойно, господин доктор. (Иохену.) Попросите у него извинения.

ИОХЕН.

Прошу извинения.

ДИРЕКТОР.

Не таким тоном.

ИОХЕН.

А каким же тоном?! Прошу извинения у господина доктора. Прошу извинения у господина доктора. Прошу извинения у господина доктора. Вот три тона, на которые я только и способен, а уж вы, пожалуйста, выберите себе тот, который вас больше устраивает. Я, видите ли, не боюсь унижений. Я готов плюхнуться ниц на этот ковёр, и бить себя кулаками в грудь; но я старик и тоже хочу, чтобы передо мной извинились!

ДИРЕКТОР.

Не таким тоном, старик, не таким.

НЕТТЛИНГЕР.

Тихо, тихо, господа, я слышу голоса.

ИОХЕН.

Ну и что?! Ты что же думаешь, что в отеле не бывает голосов?! Да ещё таком, как этот, простите, слегка подводном, - это тоже для любителей! Оппозиция так и прёт, - что справа, что слева. Ты ещё не слышал голосов оттуда! (Тычет пальцем в пол, потом несколько раз подпрыгивает на месте.)

И когда ты их услышишь!

НЕТТЛИНГЕР

(раскуривает очередную сигару).

А что, старец. Разве этот голос не ОТТУДА?

КАРТИНА 35

(19)

Старуха Блесик материализуется в недрах отеля, движется со свечой к номеру генерала Кестерса.

БЛЕСИК

Любовь, Гуго... Моя мать была красивая молодая женщина; мой отец, мои сёстры и братья тоже были молодые и красивые; если бы у них хватило мужества, они бы меня отравили, они говорили, что такой, как я, не следовало родиться, хотя я была в тысячу раз красивей их... Я вижу, я слышу, я чувствую, я ощущаю запахи, как все

другие люди, я умею писать, читать, считать, я различаю, что вкусно, что невкусно, но ты первый, мой мальчик, кто оказался в состоянии провести со мной больше получаса, слышишь, первый...

Она распахивает дверь двенадцатого номера, возникает плачущий генерал Кестерс, как всегда при полном параде, сидящий в кресле с ногами в тазе с кипящей жидкостью.

КЕСТЕРС.

Я всю жизнь... Я всю жизнь ждал от вас этих слов, мадам. Я счастлив, мадам... Я что-то ещё хотел сказать, но я стар, я болен, я всё позабыл, всё...

БЛЕСИК.

А, герр генерал. И вы напрасно изображаете адские муки у себя в тазу, этакий игрушечный тренинг вас не избавит. Когда вы будете кипятиться в котле натуральном, вам напомнят ровно столько, сколько вы подзабыли, герр генерал... (Заходит в номер, прикрывает за собой дверь.)

МЕТАМОРФОЗЫ ГЕНЕРАЛА КЕСТЕРСА:

Он простреливает себя, распиливает себя бензопилой, приходит старуха Блесик, достреливает всё, что можно, дальше его КОРОТКИЙ монолог:

КЕСТЕРС.

СПАСИБО, Фрау.

КАРТИНА 36

Панорама пляжа вокруг Корабля. Спасатели Малибу во главе с грудастой дивой срываются с места, прямо из-под вывески со множеством мужских и женских трусов «ОСВОД не дремлет».

Всеобщие пьяные вопли на разных языках:

- Акула, акула!

- Какая на (ПИСК) акула, это ж Ихтиандр, морской дьявол явился за девкой. А ПРИЛИЧНО ЕГО ОТ(писк)ЗДИЛИ. Вас зовут – Гуэтэра?

- Ну да.

- – Так это из за вас на «Принце Генрихе» взорвали левую и правую оппозицию?
- ой, не знаю, мне бы в туалет.
- Идёмте, я вас провожу. Что б мы все тут делали, если б не сортиры.

КАРТИНА 37

«Принц Генрих»

ИОХЕН

Смерть предателям.

НЕТТЛИНГЕР

А я никогда не любил фашистов. У меня даже стволы – американские.

ЙОХЕН

Да уж. Надо бы арийствовать, а мы – еврействуем. НЕ топмпакс, в натуре, рафаэлла.

Шлите стих, ребята. Завалим редактора.

В крайнем случае – посадим.

Фрэнсис Дрейк. Генри Морган, оба сдавали своих. И брали адмиральские чины.

Мы же не желали ни от кого адмиральских чинов, и, как писал какой-то советский поэт, «сами были Богами», нов Бога верили, и периодически крестились. Ежли и говорили (ПИСК)дец, то тут же переправляли на «Аминь!»

Дальше там было? «целовать неприступных красавиц!»»,

Ну, это – само собой, из-за этих самых красавиц мы и стали пиратами, но не такими злобными, как воспетый Конан Дойлем Шарки, но, согласитесь, круче Стивенсона в этом жанре никого не было и нет, - там не было только одного, там не было

Черного

«Кота»

А может, кошки.

Присутствие на корабле этого зверя доставляло нам истинную радость тем паче, и мы на этом остановимся, Ден Сяу Пин напрочь убрал Конфуция своими « новейшими» кошачьими догмами, они тоже кошачьи мастера эти (ПИСК)доглазые.

(Имелось в виду – главное – ловля мышей)

Этакий кусок, шматина совершенно чужого мира, всю человечью расу презиращего, и постоянно находящегося в состоянии полусна, - а значит, в идеальном состоянии.

Когда ему (ей) что-то не нравилось, оно просто шло в капитанскую каюту, и срало на его, королевским золотом шитую, красного бархата с каким-то платиноватым отливом, стало быть, подушку.

Капитан несколько раз подлавливал ЭТО в материальной субстанции, брал за хвост, и херачил о переборку, а потом открывал форлюк, и выкидывал за борт,

Однако, проходило время нашего похода, нас никак не могли поймать, а может, не хотели, и стали воспринимать как какой-то фестиваль нового искусства, просто ряженный, а, стало быть, фольклорный, да и вид со временем мы стали приобретать классический, пиратский, - у нас был свой слепой на оба глаза, полуправославный полусвятой, который, как, хоть и считал себя ангелом, утратившим зрение для того, чтобы политься керосином, и попросить Зама по идеологии, чтоб тот поднёс факел.

Но святым старцем точно не считал, потому как оба глаза потерял, - когда око положил, сперва первое, а потом – второе, - и если безногий вёл слепого, вдобавок по воде, то оба, естественно тонули.

Но мы уже давно перешли в формат телесериала, то и проживали последние наши дни , как бесконечный телесериал, с неутверждённым пока ещё, в пределах корабля и моря, количеством серий,

Но кот не пропадал – он только появлялся. Или кошка. Никто не проверял.

КАРТИНА 38

Встреча во Дирктора и Иохена тьме корабля.

ДИРЕКТОР

Отель разворачивается и прёт под водой, куда хочет.

ИОХЕН

Всегда найдётся рыба крупнее.

КАРТИНА 39

Блесик в свадебном платье с автоматом, из одного конца сцены в другой.

БЛЕСИК

Адмирал!

Корнилия избрали, вместо Иринея, православные проворовались.

В темноте насканивает на Иохена.

ИОХЕН

Как Папа Иоанн помер, так и началось.

КАРТИНА 40

НАТУРА, ХРАМЫ, КЛАДБИЩА.

Аббатство СВ. АНТОНИЯ, Усть – Золиха.

Св. Антоний – Роберт – идёт в храм, неся перед собой крест.

РОБЕРТ

Чертовщина, Гуго.

СТРЕЛЯЕТ ИЗ КАРАБИНА, ЗЕРКАЛО ТРЕСКАЕТСЯ

МУЛЬТИМЕДИА: комп. анимация живописи Эрнста, Дали, Босха.

КАРТИНА 41

СНЯТО

Натура, Усть-Золиха

«X Y Z»

Солдаты пишут эти знаки, создаётся впечатление, что они собираются вывести что-то матерное, кто-то, видимо знающий русский язык, хохочет (чеченец), но Роберт выводит «Z»,

затерев «Й».

РОБЕРТ.

Не богохульствуй.

МУЛЬТИМЕДИА, ВЗРЫВ.

КАРТИНА 42

ПАВИЛЬОН.

Комп. графика.

Все залазают в танк, пауза, ждут взрыва.

РОБЕРТ

(взмахнув рукой).

Поехали.

КАРТИНА 43

(20). Директор, Неттлингер, Иохен.

КОРМА. Те же – обратив взоры на дверь, в которую вошла Овечья Жрица.

ДИРЕКТОР.

Ну что, Иохен? Ты ещё не потерял чутьё на беду?

ИОХЕН.

Потерял! Интересно, чтобы вы здесь все делали без моего чутья на беды, беды, беды! На радость у вас самих чутьё есть, а как кто-нибудь собирается кого-нибудь пришить, а пуще – пришить самого себя, так сразу все ищут меня. (Наступает на Директора.) Конечно, такие, как ты, нарочно созданы для того, чтобы быть директорами отелей, вы похожи на женщин, которым удалили всё, что следует...

НЕТТЛИНГЕР.

Страсти какие.

ИОХЕН.

Да, да! Для них нет проблем, но проблем без любви не бывает! Всё равно, что если бы человек удалил себе совесть. Из него не вышло бы даже циника. Человек без огорчений – не человек!

НЕТТЛИНГЕР.

Старец! Я восхищён вашими умодвижениями, вот вам моя рука!

ИОХЕН.

Засунь её себе в карман, умник! (Директору.) Когда ты был не Директором, а Боем, и я тебя учил, четыре года я муштровал тебя, а потом ты повидал свет; согладал в этих офицерских казино варварские забавы победителей и побеждённых, после чего ты вернулся, ты вернулся! И первый вопрос, который ты задал, приехав сюда гладким и жирным - помнишь?

ДИРЕКТОР.

Да, я помню. Я спросил: «Старик Иохен, ты здесь?» Ну, ты ещё здесь, старик Иохен?

Пауза.

ИОХЕН.

Да, я всё ещё здесь... Я всё ещё здесь, мой мальчик... (Хлопает Директора по щеке – на манер фюрера).

КАРТИНА 44

(21). Бильярдная: Роберт, Гуго

Бильярдная. Роберт и Гуго. Роберт стоит, тяжело дыша, опёршись на стол.

ГУГО.

Господин доктор... Господин доктор, вам плохо?

РОБЕРТ.

Нет... Мне нормально. Я всё ещё здесь, мой мальчик, я всё ещё на этом проклятом свете... Кто это там так вдохновенно прогавкал: «Человек без огорчений – не человек!»

ГУГО.

Я не слышал, господин доктор. Я смотрел на вас – был момент, когда мне даже показалось, что вы падаете.

РОБЕРТ.

А я слышал. Это, наверное, один из призраков отеля «Принц Генрих» решил нас упрекнуть. Ибо запугать нас уже нечем. Дескать, мы совсем не огорчаемся, а им, несчастным духам, с их убогой природой, завидно.

Ты больше ничего не слышал, Гуго?

ГУГО.

Нет, господин доктор.

РОБЕРТ.

Ну, как же. «Как они могут, - вопят духи, - как они только могут препираться у входа, курить дорогие сигары, - прикури, кстати, сынок, сигару. – Как они могут в таком преклонном возрасте по четыре часа болтать с любовницами

своих сыновей, как они могут столько времени мучить бедного ненормально генерала и так долго не давать ему пропустить очередь от одного уха к другому, как они могут целыми днями заигрывать сами с собой в бильярд и скармливать на заднем дворе бутерброды с осетровой икрой угрюмым курам», - принеси-ка, кстати, сынок, что-нибудь выпить и закусить. Выпьем и закусим, сынок... Дабы не вспоминать лиц монахов взлетающего на воздух аббатства святого Антония, нас проклинающих... И не думать о том, какие у нас тогда были лица, за три дня до поражения...

КАРТИНА 45

(22). Холл. Те же.

ИОХЕН.

А вот это вы видели?

(Протягивает Директору и Неттлингеру по кукишу.)

Кормитекурейбутербродами, жрётеконьякикуритесигары!

(Выворачиваеткарманы.)Аянищий, нищий!

ДИРЕКТОР.

Вы сейчас же проводите этого господина в бильярдную, Иохен.

ИОХЕН.

Нет.

ДИРЕКТОР.

Вы сейчас же проводите этого господина в бильярдную.

ИОХЕН.

Нет. Даже шлюхи отказывают некоторым клиентам! Но мне, мне!

СМЕНА ПЛАНА: ИОХЕН в юношеском возрасте, в одеянии служащего отеля времён императора Константина, с вином и фруктами подходит к одной из дверей, приоткрывает её с репликой:

«Детка! Боги взирают на нас благосклонно!»,

получает в нос, валится как подкошенный.

Обратная смена плана, монтажный стык – «расфокус».

(Директору.)

ИОХЕН

Пора бы усвоить, что ты свинья. Неделями я натаскивал тебя в своей комнате, дрессировал, как братья чаевые, и это было адски трудно.

ДИРЕКТОР.

Будет крайне прискорбно, Иохен...

ИОХЕН.

В этом доме, господин Директор, ещё ни разу не пренебрегли желанием клиента...

ДИРЕКТОР.

Гостя, старик, гостя.

ИОХЕН.

Чёрт с тобой. Гостя. Не беспокоить его! Исключая, конечно, те случаи, когда в дело вмешивается тайная полиция. Тогда мы бессильны.

НЕТТЛИНГЕР.

Считайте, что это – тот самый случай, старец. Я бы с удовольствием еще поучаствовал в этой учёной беседе, но устал. Просто засыпаю. Годы, годы. Служба не из лёгких. Язва, геморрой. И груз, соответственно, воспоминаний.

ИОХЕН

(Директору).

Если этот клоун из гестапо, то я – адмирал Канарис с петлёй на шее.

НЕТТЛИНГЕР.

Если это – вопрос, то на такие вопросы я не отвечаю, любезный.

ИОХЕН.

Скажи тогда что-нибудь гестаповское.

НЕТТЛИНГЕР.

Хенде хох.

ИОХЕН

(поднимает руки, Директору).

Похоже.

НЕТТЛИНГЕР.

Значит, договорились.

ИОХЕН.

Через мой труп!

НЕТТЛИНГЕР

(вытаскивает парабеллум).

Только для вас.

КАРТИНА 46

(23).

Палуба. Генрих Фемель, Леонора.

ГЕНРИХ.

Что это он там о трупах, вы слышали, Леонора?

ЛЕОНОРА.

Я ничего не слышала.

ГЕНРИХ.

Всё правильно. Духи беседуют с особым резонансом, как киты, так что звуки слышать можно, но никто, кроме них, призраков, ни черта не разберёт, о чём, собственно, идёт речь. А речь идёт о трупах. О них впервые заговорил архиепископ, когда увидел мой проект аббатства. Через мой труп! – проорал священник, так оно и вышло. Он похоронил себя под сводами центральной башни.

Так мы пьянствуем, Леонора? Сегодня и здесь. Сколько раз в этом набитом призраками отеле я вкушал ароматы всевозможнейшей дичи, почему-то именно на этом пятачке земли наши традиции сильны, как нигде более. Сколько? Десять тысяч визитов сюда, или все-таки больше? Накормим сегодня всех, кто явится меня поздравить так, чтобы они потом неделю не могли ничего есть... Хотя зачем нам нужны почести, Леонора, раз я хочу служить не людям, а Богу, только Богу...

ЛЕОНОРА.

Нам? Вы сказали «нам», господин тайный советник? Кстати, сколько человек ожидается к ужину?

ГЕНРИХ.

Да пусть приходит, кто хочет, нашей оккупационной похлёбки хватит на всех. А официально приглашённых гостей можно пересчитать по пальцам: я, вы, Леонора, вы ведь не откажете мне? Роберт, эта ненормальная старуха со своим чокнутым генералом. Должен приехать мой внук Йозеф со своей невестой, и всё.

ЛЕОНОРА.

Какого шампанского заказать, господин тайный советник?

Пауза.

ГЕНРИХ.

Да никакого. Будем пить водку. Нормальную, русскую водку. Под острую закуску. В этом немецком гнезде мне постоянно грезиться что-то очень русское – водка, например. Сколько раз я здесь ужинал? Я ведь приходил сюда каждый день, за исключением тех лет, когда этому препятствовала высшая сила...

ЛЕОНОРА.

Высшая сила... Из ваших уст эти слова звучат очень весомо, Генрих.

ГЕНРИХ.

Бойтесь симметрии, милочка. Бойтесь её там, где она есть... Ибо она может всё. Она может вне правил мозаики распахнуть перед вами дверь, ту, что в детских сказках называют «заветной дверью»...

Леонора оглядывается, - видят Генриха в зеркалах стёкол, окружающих его голову в аквариуме, видит себя в зеркалах, - в разных одеждах, - в каком-то из зеркал она – маленькая, избитая истерзанная девчонка.

КАРТИНА 47

Бильярдная: Гуго и Роберт: мульт.: рядом с головой Роберта вращается макет аббатства, в прозрачном шаре.

РОБЕРТ

Ты бы принял человека с фамилией «Неттлингер»?

ГУГО

Нет.

Смотрят в потолок – кадр поворачивается – шар летит к Иохену и Неттлингеру.

НАТУРА: на фоне естественной съёмки под Чечню,

Камера – сквозь лица – Лядов напротив Канера, и т. д. – по пути к Храму, Роберт, в шинели, проходит сквозь них.

Долгие статичные сцены, фотограф – с немецким фотоаппаратом.

(11). Студия, РИР: подрывники швыряют бомбу, через дверь – девки, кто-то подтягивает бомбу обратно, они ползут к двери, как под гипнозом, открывают дверь, там – Бригадир,

«кусок с крыльями» – иль бороду себе, как иноверный бреет»

Роберт – в бильярдной, разбивает все нависшие точки ударами КАРАТЭ, подходит к НОУТБУКУ – на штативе – действие переходит в компьютерную игру – на уничтожение.

РОБЕРТ. Вот так, Гуго.

Открывает дверь каюты, видит голый торс культуриста в нацистской каске: шар закатывается, открывается дверь – ТОРС, везде сплошные торсы, в классических нацистских касках.

Экран разделён на три части – по вертикали, там – Неттлингер, директор и Иохен, третья часть закрывается ЗТМ, реакция остальных.

КАРТИНА 48

НАТУРА: снег, подрывники стоят в два ряда по пути к храму, между ними проходит Роберт, с гомерическим хохотом: ЗИК – ХАЛЬ! –

жёсткий стык – НЕТТЛИНГЕР с Иохеном.

«ЗИК – ХАЛЬ!

19. Мультимедиа: РОБЕРТ пишет на стене X, Y, - стена отъезжает, для того, что бы вместо последней буквы подставить живого монаха, Роберт в этот момент отвлекается, и пишет у него на сутане: Z.

КАРТИНА 49

(24)

С грохотом распахивается дверь двенадцатого номера. Генерал Кестерс с пулемётом во рту и ногами в тазу, на него наступает Овечья Жрица Блесик.

БЛЕСИК.

Ну, что же вы не стреляете, генерал? Не стесняйтесь, новичков в этом деле первыми предоставляют мне...

КЕСТЕРС

(не вынимая ствола).

Я, чёрт возьми, не новичок!

БЛЕСИК.

Плевать! Вы же не хотите разметать свои переразвитые мозги по земному шару, значит, сначала должны представиться по всей форме мне и только мне...

КЕСТЕРС.

Вы же знаете, как меня зовут. Меня зовут... Моё имя...

БЛЕСИК.

Дорогой, я не терплю фамильярностей, к тому же имя Отто уже занято убитым сыном Генриха Фемеля, надеюсь, вы разрешите звать вас просто «сектор обстрела?»

КЕСТЕРС

(бросает пулемёт, рыдает).

Я чуть было... Я чуть было не сказал «сжальтесь»... Я, старый, хладнокровный солдат... Я видел такое, что вам всем, вместе взятым, и присниться не может!

БЛЕСИК.

Смелее, смелее, генерал... Вы уже наверное вообразили, что если уж засунули это орудие возмездия в свой беззубый рот, то сразу заслужили

отдельную главу. Жмите на собачку, генерал! А то вы ни туда, не сюда, нет ничего хуже неопределённости... И вы уверяете меня, что этому активно препятствует высшая сила, так вот – высшая сила – это я, я поднимаю вуаль, смотрите мне в глаза и стреляйте себе в голову, так делали до вас умные люди...

Генерал Кестерс заглядывает в лицо Овечьей Жрице, и цепенеет от ужаса. Дверь за ними закрывается, и, судя по звукам, оттуда доносящимся, старуха упражняется ещё круче, чем в прошлый раз.

КАРТИНА 50

(25).

Корма. Те же.

Холл. Иохен, Директор и Неттлингер, задрав головы, изумлённо взирают на сцену в двенадцатом номере.

ИОХЕН.

Да... Похоже, наш генерал сейчас увидел свою...

НЕТТЛИНГЕР.

Скорее, «свой». Считайте, что я уже смахнул скупую слезу. Думал ли я, мыслил ли я, что доживу когда-нибудь до этого мгновения. Высшая сила – вот она. (Директору.)

Послушайте, любезный! Если ваш клерк, или как его там, да вот он, кстати, стоит перед вами, чего я, в самом деле, суечусь, как шлюха под клиентом, так вот, если он здесь немного подметёт, я рухну либо на колени, либо издохну.

ДИРЕКТОР.

Диагноз?

НЕТТЛИНГЕР.

Страх, разумеется.

ДИРЕКТОР.

Да нет, дружище, высшая сила стоит прямо перед вами, та, что наверху, только делает вид. Еще недавно та самая бабуся, что сейчас бесится наверху, та самая дама Блесик, которая всё время слоняется по холлу, словно буйный призрак, алчущий утешить свою похоть; так вот она заказала завтрак к себе в номер на половину одиннадцатого, повесила на ручку трафарет «просьба не беспокоить», потом соорудила перед дверью баррикаду из чемоданов и заглотнула капсулу с ядом.

ИОХЕН.

Что вы во всём этом понимаете? Надо быть таким продажным, как я, и таки старым, как я, чтобы знать есть – есть вещи, которые не продаются; порок перестаёт быть пороком, если нет добродетели, и ты никогда не поймёшь, что такое добродетель, если не будешь знать, что даже шлюхи отказывают некоторым клиентам!

НЕТТЛИНГЕР

(Директору).

У вашей ходячей мумии, господин Директор, шлюхи – прямо-таки навязчивая идея, особенно те, что порой отказывают. Похоже данный экземпляр – тот самый единственный в мире клиент, который всегда в идеальной форме, один единственный – на всех и все грядущие времена. Халь Гитлер, господа, но я вам этого не говорил.

ДИРЕКТОР.

Вы которую мумию имеете в виду, господин доктор?

НЕТТЛИНГЕР.

Да не имеет значения, господин Директор, просто я хочу вас заверить, что меня можно совершенно спокойно пропустить в недра этого бункера, ибо в ближайшее время я не отравлюсь и не застрелюсь.

ДИРЕКТОР.

Это ровно до тех пор, пока кто-то не разобьёт вам сердце.

НЕТТЛИНГЕР.

Ого!

ИОХЕН

(оживляется).

Приходи вечером. Тебя застрелит наша добрая бабуся.

Пауза. Неттлингер вопросительно смотрит на Директора, тот берёт под руку Иохена и отводит его в сторону.

ДИРЕКТОР.

Ты погорячился, старина. Здесь никто никого не убивает, слышишь?

В нашем отеле собрались только те, кто убивают себя сами.

Кстати, сколько склянок?

ИОХЕН

А (ПИСК) его знает. Как говорил Джон, этим кораблём рулят все, кому не лень.

ДИРЕКТОР

Джона?

ИОХЕН.

Сильвера.

ДИРЕКТОР

Нашим кораблём рулит капитан. Генри Морган Тоже сажал корабли на мель.

ИОХЕН

Да, я понимаю, кто на этом корабле помнит Генри Моргана, тот истинный ариец.

А можете по-хохляцки сказать «соотечественники»? У меня бабёнка была, комментатор по велоспорту, так говорила это слово. Что хоть на ящик. Или в него. Или под него. О чём я? А! Мы же должны с вами друг другу доверять?

Призывает Директора и Неттлингера в свидетели.

На этой посудия сигнализация, - говно, её кто хочешь может угнать – в ни – ку – да. Говорю вам, сигнализация на внеочередную торпедную атаку тормозит склянок на двенадцать, бабушкой клянусь.

(Директору.) Вот почему этот Неттлингер сюда пробрался.

Если б сигнализация – через спутник, через GPS, я его б подстрелил ещё на набережной, - вот он мне здесь не упирался, у меня с гестапо связаны не самые приятные моменты в жизни, на х(ПИСК)уя он мне здесь?

КАРТИНА 51

(26).

Палуба. Генрих, Леонора.

Леонора выходит из каюты яхты Генриха Фемеля, оглядывается, достаёт из чулка купюры, облигации, её замечает Генрих.

ГЕНРИХ

Военные займы, Леонора... Я на них не подписывался, давайте бросим их в огонь, как и старые деньги...

(У него на шее, впервые од изумлённым взором Леоноры, возникает золотой крест с переливающимися на нём бриллиантами, кричит, в тёмное пространство.)

ГЕНРИХ

Ордена?! Ну конечно, я же укреплял артиллерийские позиции, надо подальше запрятать эту штуковину...

Мадонны, Леонора? Нет, мадонн я ещё не ваял... Мадонн тоже порой взрывают, Леонора.

КАРТИНА 52

(24 (1). Эффекты «11 друзей Оушена»

панорама взрыва старого казино: двое давят на машинку, похожую на кальян:
взрыв по телевизору: у нас – в компьютере, аки в летающем пузыре,
смена задней панорамы – герой остаётся, как будто раздвигает штору.

КАРТИНА 53

(СНЯТО)

(25). Разлёт птиц на автоматный залп (натура, храм в Каменке, купол), смена панорамы на павильон, там Арсенович тащит за ноги убиенного монаха.

КАРТИНА 54

(26). Эффект «11 друзей Оушена»:

хитпарад похитителей денег, здесь: левая оппозиция – направо, правая – налево.

(27). На экране компьютера Роберта высвечиваются родословные кое-кого из обитателей отеля (Неттлингера), Роберт мышью преобразует его нынешнее одеяние в форму гестапо.

(28). Бегущая строка в компьютере поддерживается голосом персонажа.

(28). Из-за компьютера – натура: Храм с бригадой ПОДРЫВНИКОВ, НЫНЕШНИХ МАТРОСОВ. Компьютер с говорящим Иохеном (в экстравагантной манере питерского экскурсовода – с фонарём – тростью), как занавес, отъезжает влево.

(29). Роберт в компьютере преобразовывает Неттлингера в себя, а себя – в св. Антония – восходит в анимацию Дали «Искушение св. Антония», затем – в Эрнста.

В этот момент какие-то шумы отвлекают Роберта от раздумий, это – кот Муррз.

РОБЕРТ

Что за чёрт?!

МУРРЗ

Коньяк, господин доктор.

КАРТИНА 55

(33).

«Эффект БЕССОНА», «отель миллион долларов» – Компьютер Мэла Гибсона: номер комнаты, потом звук, потом изображение;

(34). Когда Гибсон пришёл всех арестовывать, - мелкий план, все забежали, потом покадровая, ЗТМ, окно – на Йович, как фото в ретуши.

Тоже и с Неттлингером, который, миновав кордон с Иохеном, прогуливается по кораблю,

Видит:

(35). Ноутбук с проигрывающим на его экране клипом «Данилыч несравненный», стоит на разрушенных ступенях Храма, Роберт и Гуго смотрят, длинный наезд, переход в «Данилыча» на микшере.

ОН Видит:

(37). – шары в машинном отделении – взлетающие шары – под потолок,

(38). Данная Смена плана подчёркивается обязательным стартом музыкальной темы.

СНЯТО

(39). Канер (взрывник), зимой в двух разных съёмочных днях природы:

Первый (Усть-Золиха), второй (Гречихино) – второй вариант – с косынкой, в очках. – план сдвигается с лева, раздваивается – в одном он таращится на купол, второй – лыбится:

КАНЕР

Какой я тебе чеченец, я еврей!

Смена плана, Неттлингер видит:

(42). На фоне Храма – все в ряд – залп вверх,

на переднем плане – Роберт, Гуго.

Далее – все переходы «из плана в план», - по взгляду персонажа, даже если он переходит в мультимедиа, к другому персонажу, в декорацию, натюрморт, или монтажный «стык». («Эффект Андрея Тарковского».)

Роберт отправляет Гуго, залп, все провожают взглядами

Души монахов – вверх.

(44). Гуго стоит над Робертом с занесённым мечом, и постоянные срывы херокири Роберта его явно нервируют.

(45). Роберт суется в свой компьютер, там «ШОУ ГОН»: бразильская народная песня «Белка» (Еверласт), он быстро обрывает воспоминания,

смотрит сквозь железную дверь, видит там наблюдающего за ним Неттлингера.

РОБЕРТ

А, Ихтиандр. Так ты пробрался на мой корабль.

Роберт улыбается, транслирует Неттлингеру картинку:

(46). Модель - в немецкой шинели, в чулках с резинкой – на Фоне Храма.

Милая Лолита!

(47). В этом фильме – все любящие пары в какой-то момент – вне обозрения объекта – обзеревают объект с явным раздражением – Гуго, когда ему в очередной раз не дают срубить башку Роберту (выстрелить по нему из своего маленького лука;

Леонора, когда её за(ПИСК)ёбывает Генрих, Старуха – Генерал (само собой, и т.д.)

(48). Круглый стол, на нём – камера, реплика – персоне, по часовой стрелке, стол с камерой крутится, возникают новые объекты.

СНЯТО

(49). Луганское: после выстрела Канера, КОГДА Роберту срывает пулей его эсэсовскую фуражку

РОБЕРТ

Заснял?

Роберт сдергивает эту фотку в бильярдной.

РОБЕРТ

(морщится на фото).

Заснял.

КАРТИНА 56

(27). Блесик и Кестерс, каюта Кестерса.

КЕСТЕРС

(в виде какой-то генеральской жижи, из своего таза защищает свою грудь с крестами от невидимого противника). (Мультимедиа).

Не дам! Ордена не дам! Я пью за великую Германию! Я видел в этой жизни такое, что смогу привыкнуть и к котлу, и при жизни бывали котлы горячее!

БЛЕСИК.

Не надо так орать, ты ведь тихий, а не буйный, и твоё существование сводится к одному единственному пункту: во всех случаях жизни, кода надо и не надо,

Ты бормочешь «сектор обстрела»; ты наверняка сумеешь переложить требник с правой стороны алтаря на левую и наоборот, наверняка можешь преклонить колена перед дарохранительницей. Правда?

КАРТИНА 57

(28)

Бильярдная. Роберт, Гуго.

РОБЕРТ.

Правда, правда, я всё время повторял им: всё утопить!!!

Мне кто-то что-то бормотал под ухо, а я говорил себе одну летучую фразу, в лёгкой редакции от генерала янки по фамилии Грандт: хороший монах – мёртвый монах, тоже и с линкорами, а потом уж – с любыми лоханками, лишь бы испытать тот самый приход, какой бывает только от мака когда его варят на кислоте и ангидрите, потому что если после передозы посмотреть себе в лицо, то сразу поймёшь, как родился Дориан Грэй, будь прокляты все эти англичане, они все там на маке, - с детства, А В Северной Ирландии – подавно.

Так что хорошего монаха и взорвать не грех, он-то всё равно будет в Раю, тук же как любая посуда – в конце концов на дне, который для неё – идеальный финал, ну не сортир же в ней в мирное то время открывать, а этот грех, хоть и не грех, всё равно на мне.

Бьёт по шару, тот неожиданно, против законов физики, поднимается у него над головой, залетает в его же ноутбук – на нотной подставке, там:

ТЕАТР БРЕХТА на стихи Баркова: он, в том же костюме, в тех же наушниках, но православном кресте, распевает под «Валькирию» Вагнера:

Кто волосы растит,

Кобылу кто растлит,
Стрижёт себе усы
И трескает колбасы,
Кем кофий так же пьётся,
Тот громом ушибётся;

Кто нюхает табак,
Не ходит на кабак,
По-старчески елдак
Кто дрочит в свой кулак,

Велика стоит зла,
В попах кто зрит козла,
А в жирной попадье
Подобие ладье.

Немецкую кто сласть,
Сквернейшей ествы часть,
К себе приемлет в рот
Проклятый цукер брот
Иль сыр гнилой с червями –
Тому сидеть с чертями.

Не носит кто креста,
Не держит кто поста,

Иль держит, да не так,
Держать надлежит как;

Кто севши за обед
Засвищет, запоеет,
Политику ведёт,
При людях не блюёт,

И также для своих
кто собственных остуд
Сажает вместе есть
с собою из посуд

Юстицкого сверчка,
Приказного крючка,
Солдата, рифмача,
Холопа, палача,
Содомскую площадь,
Танцовщицу девицу;

Роберт: крупный план, лицо в свете компьютера, он стучит по нему дирижёрской палочкой, останавливает действие в «театре», теперь уже в его далианском варианте: «синьора Трайта».

РОБЕРТ

И мы стёрли весь этот древнеримский курятник с лица земли, правда, сынок, так оно и было... Единственное, что меня смущает в этом меняющемся мире – это башня святого Северина, взорвал бы я её тогда, её чёртова тень не указывала бы нам сколь нагло, столь и неумолимо путь...

В единственную щель ада... (Бьёт, забивает.)

СНЯТО

НАТУРА, Усть-Золиха Саратовской губернии, Гречирино, Волгоградская губерния.

Съёмка в манере журналистских репортажей в Чечне. Бригада подрывников, возглавляемая Робертом, заходит в белый от инея храм св. Антония.

Закадровый текст:

РОБЕРТ

Бух! Пустота... Ничего нет. Нет аббатства, нет монахов, нет башни. Стоп, парень! Башня есть. Молчаливый упрёк нам с генералом Кестерсом, что мы её тогда не заметили, до того зрелище взлетающего на небеса храма было грандиозно. Поверь мне, Гуго, это было грандиозное зрелище.

Мы все были инженеры, инженеры душ, что нам стоило пустить эти камни не в преисподнюю, а прямо в небо? В самое синее небо.

КАРТИНА 58

(29). Холл. Неттлингер в одиночестве.

НЕТТЛИНГЕР

Эй! Черти! Мать вашу так. Покажитесь кто-нибудь! Или включите свет, мне страшно одному! Не явитесь – стрелять буду! (Вынимает парабеллум, любуется им, троекратно его целует, и стреляет вверх.)

МУЛЬТИМЕДИА: КОРАБЛЬ - ОТЕЛЬ «Принц Генрих» в разрезе: ПАЛУБА, где беседуют старик Фемель с секретаршей Роберта – Леонорой; старуха Блесик, поливающая генерала Кестерса каким-то бодрящим раствором; КУЛЬТУРИСТ В КАСКЕ,

Бригадир со всей командой, наслаждающиеся сексом по телефону, - на громкой трансляции, так, что на весь корабль разносятся стоны и немецкая речь, характерная для такого жанра;

Ийозеф, с компанией подплывающий к входному люку корабля;

Директор, видящий подплывающих водолазов, подающих ему из иллюминатора знаки, чтоб открыли и впустили,

в который раз камнем падающий с лестницы, и всякий раз возрождающийся для беседы с клиентом;

Иохен, бродящий в подвале между древнеримских гробниц; да и сам Неттлингер, задувающий дуло своего пистолета;

Всё это оказывается в прозрачном шаре: на пальце у Роберта.

КАРТИНА 59

(30). Бильярдная. Роберт, Гуго.

РОБЕРТ

(внимательно рассматривает шар).

Что это там за шум, Гуго? Генерал Отто Кестерс застрелился?

ГУГО.

Нет.

РОБЕРТ.

Растворился?

ГУГО.

Может быть, но господин Директор простит вас принять господина доктора Неттлингера.

РОБЕРТ.

Ты бы принял человека по фамилии Неттлингер?

ГУГО.

Нет.

РОБЕРТ.

Тогда покажи мне, как отсюда выбраться, минуя эту дверь.

ГУГО. Вы можете пройти через ресторан, господин доктор, и выйти на Модестгассе.

РОБЕРТ.

Ресторан... Меня сегодня кто-то звал в ресторан. Правда, с фрау Леонорой. А да, во пресса, передай старухе, - индейцы произвели обряд очищения своих святынь после того, как ним прикоснулся этот пидарас, американский президент. У них, в США, даже архангел Гаврила, прости Господи, с (ПИСК)здой, они даже издали энциклопедию ангелов, как ты думаешь, ангел, кирпич – чемодан – рифмуются?

Я знаю, о чём ты подумал, Гуго. «В известном смысле». НО ты промолчал.

Смена плана.

Оба смотрят в иллюминатор, - там клип «Рам Штайн» «Америка»

ГУГО.

Ваш отец, господин доктор. Ему сегодня исполняется восемьдесят лет.

РОБЕРТ.

До вечера, Гуго. (Буквально Исчезает).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАРТИНА 60

(50). «Эффект Фредерико Феллини»: театр, бордель, карусель в огнях, клоуны, клетка, парикмахер с бараньими ножницами.

(51). «Эффект Тарантино»: Леонора, по сырому морскому воздуху чертит своими перстами рамку из цветов:

ЛЕОНОРА

Не будь...

Вокруг аквариума Генриха - рамка из цветов.

ПЕСНЯ ЛЕОНОРЫ

«Эффект Александрова»: дебила на банкете бьют сковородой – из глаз чернобелые искры, здесь:

в мыслях она вынимает автомат, передёргивает, не справляется с механизмом, кидает в аквариум гранату, отворачивается, затыкает уши, слышит взрыв, но где-то в недрах корабля, за ним следует вопль Бригадира:

БРИГАДИР

Я быстро старею! Мой мозг не способен теперь сосредоточиться на убийстве, как прежде, когда я был мальчишкой.

РОБЕРТ

А почему нет? Ты стреляешь гарпуном из пушки, валишь неприятельского генерала, подтягиваешь, – и всё. Не ты подтянул сюда Кестерса? Но здесь корабль, а не анатомичка для дефективных.

БРИГАДИР

Да, тут можно что-нибудь придумать, конечно, не затем, чтобы ловить генералов, они на (ПИСК) не нужны. Но можно было бы стрелять железной кошкой, и выуживать пулеметы, танки, корабли. Я над этим подумаю.

РОБЕРТ

Да ты – капитан Шотовер, старина! Можно из осмотрительности душу за то, чтобы получить целый мир. А он – мир этот, стремиться выскользнуть из рук.

КАРТИНА 61

(52).

Лицо Леоноры – микшер на небо, остаются глаза, через её зрачок,

Возникают резко открывающиеся ворота, - с невыносимым звуком ржавого.
Многотонного железа,

смена плана.

(53).Эффект выделения красным маркером Канеровской зенитной установки (штатива).

Схемы на фотографиях – взрывы на манер детских рисунков, Леонора нюхает кокаин, воображение заносит её в каюту Бригадира, который стоит с занесённой стамеской, свободной рукой поглощая из канистры горящий

спирт, его кукурузнообразный член зажат в слесарные тиски, он намерен вогнать туда, как говорят матросы «новые уши», он размахивается, но мажет, херачит себе прямо по...

Диким воплем наполняются недра корабля.

У неё звонит телефон, она вынимает его опять же, из-за чулка.

ЛЕОНОРА

Это от тебя, от тебя, моё безутешное время.

В телефоне возникает фотография Роберта в белой морской форме, она оживает.

РОБЕРТ

«Ты играешь с огнём»,

ОНА вспоминает, её

изображение в её телефоне транслирует:

ОНА тащит на себе совершенно пьяного Роберта.

РОБЕРТ

Альпинисты! Ваши задницы, - в руках снежного человека. Хренле его ловить? Он сам придёт. Бразильская народная песня – «Белка!»

(Поёт, РАЗДЕВАЕТ ЕЁ НА ПАЛУБЕ)

ЛЕОНОРА

Роберт, не здесь.

РОБЕРТ

Вынимает автомат

Господи, прости. «Пора, пора мне стать умней...» «Остановись мгновенье, ты столь прекрасно, сколь ты – неповторимо».

ЛЕОНОРА

«Ты не столь прекрасно, сколь ты неповторимо». Моё мгновение.

РОБЕРТ

Да?! Помиловать, как простить, - тоже просьба.

Долго стреляет по воде, видит Бригадира.

РОБЕРТ

Слышь, истинный ариец! Лицо у тебя какое-то злое, вкатил себе торпЭду?

БРИГАДИР

Ясный х(ПИСКй на ясной поляне. На мне – благодать.

Смена плана

(54). Роберт в кабине «Боинга» - с диким хохотом влетает в башню Нью-Йорка. (Комп.)

РОБЕРТ

Как это тебе нравится, Америка?

Шампанского! Все вы там из ЦРУ, - увидят кило кокса, и снюхают весь. А потом уж начинают соображать.

КАРТИНА 62

(55). Фигура изучающего с лупой корабль Неттлингера – по диагонали экрана, камера снизу. Он утыкается носом в сапоги Роберта, видит на них белый порошок, пробует на нёбо, быстро сворачивает купюру, снюхивает часть, остатки заворачивает в ту же купюру, достоинством в пять марок.

РОБЕРТ

(видит Неттлингера, вещает в пространство корабля)

Милая Лолита! (Леонора)

Ты удивительно красива, в своём летающем домике в этом итальянском платье, ПОДАРЕННЫМ ТЕБЕ седовласым итальянцем, и депутат от оппозиции на воевавшем БэТэ - еР – е. И некто, кто поставил свою бабу к стенке, - в мирное-то время. Бедные бабы! Никто им, кроме тебя, не сострадает. Моя любовь. Моя марихуана. Ещё немного. И я поставлю точку. (16.03.2007)

(56). Изображение откручивается вперёд-назад с атрибутами видеосимволики

-

СНЯТО

(57). Залёт в «ШОУ ГОН» Саратов, финал « Iamsoline», улёт в огромный зрительный зал (комп.), в Луганское (фото, выстрел Канера),

Смена плана

КАРТИНА 63

Моментальная экскурсия по отелю:

(58). Многократные дубли раздевания Неттлингера – плащ, сигара, шляпа – Иохену, постоянно меняется последовательность.

Он видит:

(59). Коллектив «Детский панадол» – муз. тема «Усама бен Ладан» – танцы на лестнице, пролёт бомбы, имеющий вид и форму первого советского орбитального спутника – Роберт – в самолёте, налёт на Башни в Нью-Йорке.

Смена плана

(1111)

БРИГАДИР

(КР. ПЛАН)

Одному моему корешу попуасы на приисках в Гваделупе муда скальпировали, так в США так визу и не дали: за(ПИСК)лупу. Грят, вам на воротник, клали мы на всю эту вашу благотворительность. Получайте, суки.

РОБЕРТ

Да, помню. Сожгли Нагасаки.

(60). Башка Нетлингера – в лазерном принтере, валятся его фото с расплющенной рожей – Валит его старуха Блесик, пролетающая по лестнице вслед за спутником, - бомбой («Эффект Сокурова» «Танцы на лестнице», «Скорбное бесчувствие», по мотивам «Дом, где разбиваются сердца» Бернарда Шоу.)

Вопль Иохена на весь корабль:

ИОХЕН

Немецкий мужчина не должен бояться прослыть излишне деликатным, если он не полный кретин! Слышь, ты!!!

Смена плана

Капитан и Бригадир бухают, двигают киями маленькие модельки кораблей, зелёное сукно расчерчено на крестики и нолики.

БОЦМАН

Роберту

Капитан! Кораблик-то мутный. В свой время с него скоммуниздили все пушки, - с башнями, турелями, и всем этим ненужным бутором.

РОБЕРТ

А это что?

БРИГАДИР

Так. Имитация.

РОБЕРТ

Вот и заткнись.

БРИГАДИР

Есть, капитан.

РОБЕРТ

С(ПИСК)дили, ага. Безвозмездно (Хохочет.) Правда эта злое(ПИСК)бучая бабка говорит: «не поможет богатство в день гнева». Правда? Мой просветлённый боцман?

БРИГАДИР

Так денег-то и нет.

РОБЕРТ

Да. Пора завязывать с этой пьянкой.

БРИГАДИР

А что здесь ещё делать, на этой проклятой мели, как не бухать?

РОБЕРТ

Тоже верно.

Смотрят в иллюминатор, - какой-то аквалангист от оппозиции вламывает топор в обшивку корабля, пытается подтянуться на топорнице, валится за борт.

РОБЕРТ

Точно. Топоры трофейные. В Германии живём. «Бык никак не мог решить, стоит ли ему нападать».

И когда ему падать.

КАРТИНА 64

(61). Выразительная мужская рука – в середине кадра крупн. Планом, - впереди – два размытых образа, в расфокусе.

(62). Роберт курит кальян, подлетает, возможно, из космоса, сшибает башню св. Северина – возможно, это «Вавилон» Брейгеля.

(63). «4 комнаты Тарантино» Последняя сцена – стол с тесаком – вид сверху, наезд на тесак.

Отель в ночи – стрелка на Генриха Фемеля, он на капитанском мостике своей яхты, рядом - Леонора.

ГЕНРИХ

Я такой же старика, как Кестерс, или Иохен, я также прихожу в лавку, и покупаю водку и сигары.

ЛОНОРА

По другой цене, правда, Генрих? Ведь всё имеет свою цену, господин тайный советник?

Смена Плана

Роберт, Бригадир

РОБЕРТ

Да, малый. Да ты уже давно не девушка.

БРИГАДИР

Да, меня как-то на старости лет прозвали в одном портовом городишке «Че Гивара». Я тогда не знал, кто это такой, взял автомат, и стал стрелять.

Смена плана

Камера попадает на юных гостей старика Фемеля, которые кружат в аквалангах вокруг затопленной части отеля, Марианна собирается «уплывать», но Йозеф её удерживает;

Смена плана

(64). Пародия на монтаж: куски с персонами валится, как балки, создают тёмную конструкцию – отель, возможно, фотографии – в общую топку ада.

(66). На натуре - в правом углу в бешеном ритме прокручиваются числа, годы, минуты. – назад – вперёд, голос из вне:

ГОЛОС

Да ладно. Не психерьте, просто сейчас дни ворона, - те самые пять дней, которых просто не было в классическом календаре. Мы всякий год опаздываем. Ребята.

КАРТИНА 65

(31). «Летучий Голландец», - плавучий отель «Принц Генрих», холл. Иохен и Неттлингер стоят в позах старинных друзей, кто на что облокотившись, и пьют пиво.

ИОХЕН.

Инстинкт никогда не подводил меня, когда речь идёт о политиках и шлюхах, зато во всех остальных случаях я пасую.

НЕТТЛИНГЕР.

У меня тоже самое, старина Иохен, у меня тоже самое, нет ничего на свете более занятного, чем политика и проституция, я даже временами думаю, что поменяй местами два этих чёрных и белых поля, то ничего не изменится, ровным счётом ничего, по единственной причине – это всё одно и то же. Вас бы надо к нам, в гестапо. Боюсь, что все неудачи Германии во второй мировой войне произошли из-за того, что вы не пошли добровольцем в «СС».

ИОХЕН.

Плевать мне на ваше безмозглое гестапо.

НЕТТЛИНГЕР.

Да мне и самому на него плевать, нет коллег, одни маньяки, старина, педофилы, зоофилы, да и зоофил нынче не тот, ох не тот нынче...

ИОХЕН

(жестом перебивает, подзывает Неттлингера поближе, понижает голос).

Да ладно тебе, один раз – не зоофил. Когда эта Овечья Жрица появилась в отеле первый раз, я сразу сказал: «Внимание! Это важная птица». Господин Директор, тот самый идиот, что недавно был с нами, тот, кто поставлен развеивать прах из урн этой сраной оппозиции. Что левой, что правой, по мне, - так я и тех и этих.

НЕТТЛИНГЕР

Осторожней, уважаемый, при мне можно, с остальными нельзя, - так корешок один мой говорил. Мюллер его фамилия. Видел его недавно, - до сих пор бухает. «Никак, говорит, - не отопьюсь».

НЕТТЛИНГЕР.

Да, да, я запомнил его.

ИОХЕН

Да кого?

НЕТТЛИНГЕР

Да Директора.

ИОХЕН

Да на х(ПИСК)уй себе его насыпь, этого директора. Здесь есть птицы более высокого полёта.

Здесь не тетерева, здесь – соколы.

НЕТТЛИНГЕР

Роберт Фемель?

ИОХЕН

Капитан корабля, хоть об этом никто и не говорит. Подводного боевого корабля. Который снимется с мели, когда капитан по-настоящему психанёт.

Так вот, я о Директоре: Так вот, он хохотал, как никогда. Увидев её, он падал, вставал, и так целый день, до того был впечатлительный мужик. Он и бой был впечатлительный. Терял память при виде денег.

НЕТТЛИНГЕР.

Был? Мужик? А сейчас он кто? Пол поменял, что ли?

ИОХЕН.

Да какая разница? А когда пришла фрау Леонора с сумочкой в руках и блокнотом под мышкой, он сказал: «Обыкновенная шлюха». На что я довольно веско возразил, что если она спит то с папой то с сыном, значит это просто дань уважения к деятельности на ниве архитектуры.

Иохен внезапно распахивает входную дверь и орёт кому-то:

Да, господа, банкет левой оппозиции в синем зале, правая оппозиция находится в жёлтом зале, но оба этих зала не здесь, это напротив, дорогу указывает тень от башни святого Северина ровно в полночь...

Здесь же и сегодня же банкет по поводу восьмидесятилетия Генриха Фемеля, человека, который воздвиг храм, под обломками которого умерло столько монахов...

Как, вы не знаете, кто это такой?! (Неттлингеру.) Приезжие, наверное.

НЕТТЛИНГЕР.

Бог их знает, кто левый, кто правый, по лицу не определишь, а лица у них у всех одинаковые, как вы их различаете, старина, ума не приложу. Представляете, как обидно: жизнь, считайте, прошла, пролетела лучшая её часть, насилие над женщинами, стариками и детьми, пытки, казни, и ни чинов, ни послаблений, одни болезни, и всё от нервов.

ИОХЕН.

Ничего, ничего, тяжело в лечении, легко в гробу, поспрашивай, здесь тебе расскажут.

КАК ТОТ АНЕКДОТ, КОТОРЫЙ Я ЗАБЫЛ, НО СТАЛ ОН – ЛУЧШЕ.

Я по тебе сразу определил, что тебе немного осталось, это правда, как правда то, что я всегда разгляжу настоящего аристократа, даже если он явится в рубище, и распознаю голодранца, даже если он напялит на себя фрак.

Пауза.

НЕТТЛИНГЕР.

Ну-с? Что вы еще мне веселенького предскажите, старина?

ИОХЕН.

Я сразу понял, чем ты дышишь, как только увидит твои глаза.
У тебя в каждом глазу по свастике, примерно так же,
как у шлюхи состава в каждом глазу по записке (ПИСК) лупе.
Я всегда отличу левых от правых, хотя у них всегда одинаковые меню.
Они будут жрать салат из помаров, заиграют Моцарта, мясному блюду,
пока гости будут смаковать густые соусы, начнется Вагнер, и тут же плавно,
всеромдымусюда приземлится фюрер,
все молча попрячут глаза под стол и воспрянут, когда кобеду заиграет джаз:
дескать, всё кончилось, и, слава Богу. (Понижает голос.)

Между нами, здесь нет ни одного настоящего патриота.

НЕТТЛИНГЕР.

Так уж прямо ни одного.

ИОХЕН.

Не считая, разумеется, меня. Я понимаю, зачем он тебе понадобился.

НЕТТЛИНГЕР.

А генерал?

ИОХЕН.

Он, конечно, патриот, но со сдвигом, в наше время он скорее навредит, чем поможет. Старик Фемель – дерьмо, Директор – свинья, он до сих пор не отдал мне пять марок.

(В дверь – на улицу.)

Да, сударыня, первая улица направо, вторая – налево, третья – направо. Что там? Там ровным счётом ничего, древнеримские детские гробницы здесь, прямо в подвале отеля, ОН ЗАТОПЛЕН, ТУДА МОЖНО ТОЛЬКО ЗАПЛЫТЬ, ЭТО НАЗЫВАЙТСЯ ТЕПЕРЬ АНГЛИЙСКИМ СЛОВОМ ДАЙВИНГ, МАДАМ,

ходитьтудаифотграфироватьнеразрешается, темболеесегодня,
нынчеунасименины. (Неттлингеру.)

Лодка? А что – лодка? Села не мель, ТЕПРЕТЬ КРУТИМСЯ, КАК ЖАБЫ НА СКОВОРОДКЕ. слышали, прямо под Стокгольмом, 10 августа 1628 года перевернулся и утонул при первом же плавании самый большой линкор-«Король Густав Васа». (Просто «Васа», «Король Густав»,- это произведение хронического алкоголика Августа Стриндберга.) Что б вы думали? Выволокли на берег, сейчас – музей, вечно набит япошками, что выжили после Херосимы. Были там когда-нибудь? Прямо во время взрыва? Ни (писк) себе.

Корабль лежал под водой 333 года! Подняли только в 61-м. Застрелился Хем.

Вот это размах! А мы что? Маленький подводный музей.

НЕТТЛИНГЕР

Да ну?

ИОХЕН

А, ДА. Бедасэтимидревнеримскимидетишками, простобеда.
(Намеренвсплакнуть.)

НЕТТЛИНГЕР.

Стоп, вы говорили про пять марок. Один ваш жест, взгляд, и, наконец, слово – мои дрессированные орлы сделают из вашего должника грибное оливье, и подадут в гусиной заднице.

ИОХЕН.

Пять марок – это моё достоинство, плевать, пусть он вообще их не отдаёт, если только таковая сумма – вычет из жалования за мой единственный недостаток – нюх на грядущую беду, тогда - пожалуйста.

НЕТТЛИНГЕР.

Нет! Это – чистое достоинство. И очень ценное.

ИОХЕН.

Беда – что та же шлюха... Один раз заехала блондинка с сияющим лицом и тринадцатью чемоданами, я тогда сказал Директору, прямо на этом самом месте...

Смена плана.

На монтажном стыке, представляющем собой анимацию одновременно двух полотен под названием «Искушение св. Антония»

Дали и Эрнста,

План с блондинкой: полная иллюстрация рассказа Иохена.

Закадровый текст:

НЕТТЛИНГЕР.

Историческое место.

ИОХЕН.

Я ему и говорю: давай поспорим, что мы никогда больше не увидим её живой, как раз в тот момент, когда она входила в лифт. Он тогда сказал мне, что это всё ерунда, она просто удрала на несколько дней от мужа.

НЕТТЛИНГЕР.

Приехал муж?

ИОХЕН.

Нет. Она отравилась, и мы её вытащили из номера через двадцать четыре часа. Он мне так и не отдал эти пять марок, вроде ничего не случилось... Да пошёл он... Пижон.

Возвращение в «реальность».

НЕТТЛИНГЕР.

Вот вам пять марок, и забудьте об этом, старина.

ИОХЕН

(недоверчиво принимает деньги, и моментально входит в раж).

Ага, смотри! (Вдверь.)Смотривнимательней, их-тояждал, голубчики, любовникиизпородынахальных, ничегонескрываютьихотятпоказатьвсемубеломусвету, чтоимсамчёртнебрат. Ноесливамнечегоскрывать, тонечегонапускатьнасебястольнаглыйвид, ипоказывать, чтонечегоскрывать. Еслиимдействительнонечегоскрывать, ониинедолжныничегоскрывать.

Личноясэтимисукаминехотелбыиметьничеготакого, чтонадоскрыть... Нет, слюбовьюделообстоиттакже, каксчаевыми, тутглавное – интуиция. Поженщинесразувидно, стоитейчто-нибудьскрыватьилинет. Этойнестоит. Шестьдесятмарокзаночьвотеле, плюспарушампанскоговномер, плюсчаевыеизавтрак, даещёденьгинаконфетки, салфетки, всётакое. Нимфетка!

НЕТТЛИНГЕР

(выглядывает на улицу вслед за Иохеном).

Надо же. Воистину, таланты людские безграничны. Я всегда всеми человеческими дарованиями, которых сам начисто лишён.

ИОХЕН.

Приятно иметь дело с воспитанным человеком, это я тебе, х(ПИСК)уле вылутился.

НЕТТЛИНГЕР.

Премного благодарен. Ещё пива?

ИОХЕН.

Валяй. И последний, едва заметный штрих...

От порядочной, уважающей себя шлюхи, которая знает своё ремесло, ты всё-таки что-то получишь. Как ты думаешь, получу я что-нибудь от этой, или нет?

НЕТТЛИНГЕР

(с прищуром всматривается).

По-моему нет, старина.

ИОХЕН.

И этим всё сказано. Сейчас она даст мне какую-нибудь засранную марку, если больше, то с меня к тебе доброе, хорошее отношение – на все оставшиеся в этом мире времена. Честное слово, вынь у меня оба глаза, вырви зубы, сожги на костре, да и к единственным вратам меня не пусти, всё, что хочешь, надо мной сделай, но останется одно – моя интуиция.

Вот, - свежая шлюха. Как говорят на море – хорошо море с берега, а берег - с моря.

НЕТТЛИНГЕР

(с явным сомнением).

Нет, старина. В это время суток свежих не бывает. Нюх ты потерял, мерзавец. Я ошибся в тебе.

(Уже вынимает пистолет.)

Смена плана.

Входят Йозеф Фемель и Марианна.

ЙОЗЕФ.

Срывает с себя акваланг, сгружает с себя водоросли и пару задохнувшихся членов от оппозиций.

Эй, придурки! Потрудитесь проводить нас к господину тайному советнику Генриху Фемелю. Сообщите ему, что приехал его внук со своей невестой.

МАРИАННА

Убить вас всех мало, сволочи.

НАТАША

На ломаном немецком

Послушайте.

А там правда – фрау Леонора?

НЕТТЛИНГЕР

Фрау Леонора? Она должны быть на банкете?

ИОХЕН

Конечно, куда ж мы без неё. Ни хрена-то ты не знаешь. Разведка.

ГОЛОС

Из трюма

Кино, КИНО КИНО!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Смена плана.

Кто-то, а может быть и все, подходят к экрану, на котором – лестница, ведущая вверх, персонажи растворяются в зеркалах, остаётся КИНО.

ГОЛОС

Называется «не беги! Умрёшь уставшим...»

ЛЕОНОРА

Порнуха. Грязная, немецкая порнуха. Вам надо было снимать её во время русской оккупации.

(Её разбирает хохот сквозь слёзы.) Вот там было на что посмотреть!!!

РОБЕРТ

Девочка, хватит воспоминаний. Выпей свой королевский кофе.

«После запаха прерий».

ЛЕОНОРА

Да, спасибо, милый. Я понимаю. Надо эмоционально себя взбодрить.
(19.05.2007 Лолита, 1 канал»

КАРТИНА 66

(72). Смена плана: открывается крышка чемодана (Блесик), крышка прозрачна, становится прозрачной и вся надводная часть корабля, и сразу становится видно, что вся команда дрожит по отсекам.

КАРТИНА 67

(73). Кто-то выходит из номера, прикрывает дверь, быстрый наезд издалека, со скоростью подъезжающего авто, тот, кто выходит, видит объект, заскакивает обратно за дверь.

(74). Роберт – в качестве автора субтитров для глухонемых – окно в углу, кругом занимающее весь экран, в какой-то момент он спохватывается, как будто что-то пытается объяснить жестами, и говорит.

(75). Дверь закрывается: становится прозрачной, как и весь отель:

как будто растворяется – то, что за ней происходит там – в другом пространстве, практикуется (76). Иной способ съёмки (Голливуд, бля):

цифровые фото вкруг плана, сливающиеся в поток.

КАРТИНА 68

ГЕНРИХ ФЕМЕЛЬ

(один, в своём аквариуме)

Боги мои! Где в этом мире справедливость, и так ли я люблю музыку Моцарта, как его самого, и всё за то, что его скинули в общую могилу – никакой справедливости нету, и Сальери мают зря, все Великие, кому не лень.

(77). Линия его взгляда: мультимедийный субъект и реальный, то совпадает с контурами корабля, то – нет, он вспоминает, как ведёт строем всю свиту с песней.

(79). Связанный Кестерс раскачивается на стуле, разбивает аквариум – рыбки плывут по воздуху, тот х(ПИСК)уеет.

ИОХЕН Видит это

ИОХЕН

Бог шельму метит, а шельме до бога, как до Пекина, я извиняюсь, раком.

(80). Неттлингер держит руку в большом мешке чипсов – там «Люгер», но он не может пробиться сквозь виртуальное «стекло», за которым, Порт-Льигат, только не Дали, а Эрнста, - как бы он его изобразил.

Стреляет, пули отскакивают.

Смена плана.

(81). Кестерс с петлей на шее, тянет между своими, лопающимися, как мыльные и пузыри, и тут же превращающихся в бабочек, объекты, - план на переборку, - там совместная фотография Дали и Эрнста, она оживает.

ДАЛИ

(Эрнсту)

Такие дела, Макс. Какой-бы там этот Бертольд великий драматург, а все едино, - коммунист. Ленинец.

Слишком много бабочек, Эрнст. Слишком много.

ЭРНСТ

(Дали)

А меня, дорогой Сальвадор, рефлексия замучила.

ГАЛА (БЛЕСИК)

(Появляется сзади.)

А вы, дорогой Макс, поменьше водки кушайте. А об этом испанце я не упомянул даже в своих дневниках. Вот братья Манн, - хреновые писатели, но хорошие любовники. А ты, Сальвадор, - Великий. Мастурбатор.

ДАЛИ

Вон с моего корабля. Железная русская старуха.

Все устремляют взгляды вперед, как будто смотрят сквозь зеркало.

Смена плана

Вновь Кестерс, - его – дирижабль «Гинденбург», который сгорает – переход в хронику:

Его, боевого сумасшедшего генерала

(82). «Мечты о мести».

Напалм. - Полностью испепеляется враг, потом безо всякого монтажа он цел, невредим и ухмыляется – месть не состоялась, он вновь плюхается на стул, его блудные мысли, которых он сам явно боится:

(83). Разлив напалма, КАК имитация пол. Акта: ручка, паровоз, поршень, «Искушение св. Антония», - где-то в его воображении Леонора, а с ней – кордебалет, врываются в его каюту, и немедленно срывают с себя платья.

ЛЕОНОРА

Он помер, как у деятелей синематографа говорится, «на очке». Он слишком оскорблен «по жизни» двумя военными поражениями подряд.

(85). Камера идеально сверху, ОНА, Леонора, ПОЁТ, вертикально задрав голову, мимо проходят люди – в другом темпе, у них – свой таймер, у него – свой, он подкручивает их таймер у себя в компе,

КЕСТЕРС

Себе

Заминировал поле, перешёл, взорвался сам. Дата. Подпись.

Генерал Кестерс.

(87). Башку он себе рубит сам – то есть его двойник, да ещё в зеркале.

(84). «Эффект Бельмондо», «Великолепный» - монтаж – он – комп. – она, машинка ломается, «бешеная крыса», комментарий Гарпшторфа на счёт того, что зубы крысы пропитаны цианистым калием, и тут же голос из трюма:

ГОЛОС

Крыса сдохнет.

КАРТИНА 69

(88). Камера – в глазу кошки, и вся живопись в отеле реформируется в кошек (мультимедиа).

Кот постоянно лазит по отелю.

Леонора поёт на палубе перед деятелями оппозиции.

ГОЛОС ЛУКАШЕНКО ИЗ ТРЮМА

Оппозици - я!!!

ПЕСНЯ

(89). Клип для Алибасовских двойняшек. Кошки в гробнице.

КАРТИНА 70

Блесик заходит в каюту, видит голого атлета в нацистской каске.

131.

БЛЕСИК

(культуристу)

Можно?

КУЛЬТ.

Валяйте.

БЛЕСИК

Налить вам этой гадости?

КУЛЬТУРИСТ

Налейте.

Смена плана

132.

РОБЕРТ

наблюдает за Неттлингером в иллюминатор.

Э! А как ты выбрался из того свинарника, в Северной Атлантике?

НЕТТЛИЕГЕР вынимает загубник, пуская пузыри, пытается что-то сказать.

РОБЕРТ

Отсосёшь, Незарекайся.

Ты – не клон. Ты – клоун. В натуре.

Мне по херу что Шопенгауэр, что Тайсон, что обе оппозиции. У меня под жопой ядерная бомба, и если перемкнёт, - мы многократно уничтожим друг друга.

Когда-то я побаивался папу, но это быстро прошло, - с тех пор никого и ничего. Никогда не говори ни хрена.

КАРТИНА 71

67. Похороны Кестерса – траур, музыка раскручивается в темпе. Все начинают плясать, как будто радуются светлому будущему.

68. Самоубийство Кестерса – по полу катится его фуражка, много, в разных ракурсах, то превращаясь в ковбойскую шляпу: Блесик наблюдает за этим, вытаращив мультимедийные глаза.

69. Кестерса вешают вниз головой, у него вываливается мелочь, ордена. ПРИКАЗЫ, ВПЧАТЛЕНИЯ, БАТАЛИИ И Т.Д.

Огромный клубок каната раскручивается – он летит с километр, как на этой резинке – в пропасть, эффект стандартный, его подкидывает обратно.

70. Эффект «ЛИЦО В ЛИЦО».

КАРТИНА 72

(32).

Палуба «Принца Генриха». За столом, при множестве свечей, сидят Леонора, Роберт, Кестерс (со всеми следами надругательства), Овечья Жрица, Неттлингер. Гуго в парике и ливрее стоит в стороне, к имениннику подходит Директор.

Посередине стола стоит аквариум с головой Генриха Фемеля, но в какой-то момент становится ясно, что это – мечты Леоноры, на самом деле в аквариуме плавает миниатюрная русалка, и от неё невозможно оторвать глаз.

В СТОРОНЕ – ХОР, распеваяющий немецкие песни, - солирует Бригадир, дирижирует Иохен.

ДИРЕКТОР

(в полголоса.)

Разрешите поздравить вас, господин тайный советник, честно говоря, мне всегда было наплевать на банкеты как левой оппозиции, равно, как и правой оппозиции, с их жирными задницами, песнями после ерша и перьями в тирольских шляпах, я с вами, господин тайный советник, я всегда с вами, и с вашими гостями, с генералом, вашим сыном, Овечьей Жрицей, раз уж вы её пригласили, и так далее, и тому подобное...

БЛЕСИК

(громко читает газету).

«Вора карманника постигла неудача. Вчера в Эренфельдгюртеле неизвестный молодой человек пытался вырвать сумочку из рук пожилой женщины... Однако храброй старушке удалось...»

Старуха Блесик в свадебном платье с автоматом, из одного конца сцены в другой,

БЛЕСИК

Адмирал!

Карнилия избрали, вместо Иринея, православные проворовались.

Как Папа помер, так и началось.

ЛЕОНОРА

Который папа?

БЛЕСИК

Борджиа.

Смена плана

(122).

НЕТТЛИНГЕР

Ну, что там? Или, как всегда «без комментариев»?

БЛЕСИК

(за столом, читает газету)

Ничего особенного. Папа римский - немец, а в Америке какая-то польская космонавтка - её фамилия Новак, надрала задницу другой космонавтке из-за космонавта. Можно спокойно помирать.

НЕТТЛИНГЕР

Будет вам. Вы ещё слетаете в космос.

БЛЕСИК

Безбожник.

О! Вновь на бушприт нашего корабля вышел капитан, и запел о любви.

А, пот ещё! В Вирджинии какой-то азиат от несчастной любви застрелил тридцать два человека.

124

РОБЕРТ

Когда-нибудь ты поймёшь, Гуго, что я пытался тебя избавить от всего этого общества, которое папина голова называет "истинная услада жизни".

Я хотел уйти на остров, в шторм, ломая мачты.

Пока нас всех не накроет вода.

На слитаках нашего золота.

Вода всемирного потопа. (Поёт) "Как провожают пароходы...

Вода, вода...

Кругом вода.."

(Наливает. Пьёт.)

(126.)

РОБЕРТ

Все мы молекулы твои, Иисус.

От атома и сдохнем.

180

БЛЕСИК

Уже исполнено, дитя. В чем дело? Мерин захромал, иль ты уже не тот?

РОБЕРТ

Нет, вспомнил слова Вернера фон Брауна.

БЛЕСИК

????????

РОБЕРТ

Что, прибыв на Луну нам придётся пройти русскую таможду.

БЛЕСИК

Я знаю, что это такое, Роберт, мальчик мой. Это , по О, Генри "особые болезненные ощущения, называемые любовью". Раз уж заговорили об Америке.

РОБЕРТ

А причём здесь Америка?

БЛЕСИК

Твой фон Браун продан, вместе со своей ракетой. Без-бож-ник.

РОБЕРТ

Ни-че-го. Враг получил удар, срёт под себя, и скоро подгонит бабло.

БЛЕСИК

А оно тебе надо? Тебе нужна Леонора.

РОБЕРТ

Мне нужен последний взрыв, - но, чёрт возьми, такой, чтоб бы потом уже не возникло никаких новых измерений, - ни тонких, ни звонких, ни всех цветов радуги. Там не должно быть ни рая, ни ада. Там не должно быть ничего. Ясно? Ни - че - го.

БЛЕСИК

Возьми меня с собой, Роберт.

РОБЕРТ

Успокойтесь, фрёйлен. Ещё никто никуда не идет. Ждём, что называется, прилива "вешних" вод. Когда растает последний айсберг.

Тогда все вы просто станете товаром, контрабандой, жратвой для чертей.

БЛЕСИК

Слабо им. Со мной вера.

РОБЕРТ

Да вы настоящих чертей не видали, Фрёйлен.

БЛЕСИК

Это я-то не видала? А генерал?

РОБЕРТ

Пойдёмте, фрёйлен, посмотрим, что за чёрт.

Роберт зовёт команду, подходят к генералу, долго и методично палят по нему из автоматов, слышно, как пули гуляют по железу палубы. Тот превращается в пыльную труху.

Кестерс вскакивает, прикрывается тазом, о который бьются пули, потом соскальзывает в воду в тазу, как на доске из-под сёрфинга.

Приходит чёрный кот Муррз.

РОБЕРТ

(ласкает кота)

Не то, господа. Вот когда Марсель был нашим!

БЛЕСИК

Ну и что? Он ещё вернётся. Не Марсель. Генерал Кестерс.

РОБЕРТ

Был у нас и авианосец. Пока не взорвали поплавок.

Комедия времён и положений!

Звери принимают смерть достойно. Слоны уже не отгоняют львов, когда те рвут бывшему вожаку яйца. Только никто не видел, как умирает кашалот. Пока сами не замочат. Я отправлял на дно корабли, и храмы - к нему, но никогда бы не стал стрелять в кашалота.

ГУГО

Коньяк, господин... (оглядывается, видит Неттлингера.) Доктор.

РОБЕРТ

Ни хрена, капитан, Гуго. И не коньяк, а водку. Коньяк в Германии – говно. В кашалота. Никогда.

Антарктика давно стала американским сортиром, Гуго. Сразу после того, как на подступам к её берегам погибла их эскадра, только об этом молчат. Махнём. Гуго! Там, подо льдами, чистое, тёплое море. С чистой, пресной водой.

Но сначала зайдём в Южную Георгию, там гнездятся морские слоны. Благословенное место.

ГУГО

Но почему храмы, капитан?

РОБЕРТ

За базар, Гуго. Папа Пий Первый назвал Марию Магдолину блудницей.

ЛОНОРА

Да, это он лоханулся. Папа ваш.

БЛЕСИК

читает

«Государственный секретарь Даллес...» Нет, это уже пошла ерунда, не хочу о политике, отныне меня интересуют только местные новости.

ДИРЕКТОР.

Надо бы поинтересоваться самой главной местной новостью, сударыня: именинами господина тайного советника.

БЛЕСИК.

Неужели вы ещё не усвоили, что по неписаному закону, каждый обитатель этого корабля в праве иметь какую-нибудь причуду: генералу дозволен заскок с «сектором обстрела», у старика Фемеля – причуда – Леонора, у Роберта причуда – Гуго... Гуго... Мой мальчик. Агнец Божий...

ГЕНЕРАЛ.

Его голос из-под воды

Но мадам.

БЛЕСИК.

Что? Гуго, ты слышал? В этой лодке принято говорить тихо, как будто мы не сели на мель, а легли на дно. И ждём атаки глубинными бомбами... Агнец Божий... Бог сказал: «Паси овец моих», но никто не пас его овец... Ах, Гуго...

ГЕНРИХ

(из своего аквариума привлекает внимание Директора).

Какая у этой ведьмы осведомлённость! Ко мне должен приехать мой внук Йозеф со своей невестой... Роберт, как её зовут?

РОБЕРТ.

Марианна, папа.

ГЕНРИХ

(Директору).

Вы знаете моего внука?

ДИРЕКТОР.

Узнаем, господин тайный советник. Не беспокойтесь. Если позволите, у нас есть для вас небольшой сюрприз.

ГЕНРИХ

Фейерверк?

ДИРЕКТОР

Не только.

ГЕНРИХ

Терпеть не могу сюрпризов.

ДИРЕКТОР

Не волнуйтесь, господин тайный советник, я думаю, он вам понравится.

РОБЕРТ

А что, папа, не познакомить ли тебя с живым гестаповцем? Милая Леонора, ты не против?

ЛЕОНОРА

Нет, Роберт. Я не против.

РОБЕРТ

Великолепно. Надеюсь, Леонора, ты пробудешь на банкете до финала. Если бы ты знала, как я рад тебя здесь видеть.

ЛЕОНОРА

Я не знаю, но чувствую, Роберт. С чувствами у меня пока всё в порядке.

РОБЕРТ

Ну, и слава Богу. Так что с гестаповцем, папа?

ГЕНРИХ

Его зовут...

ДИРЕКТОР

Неттлингер, господин тайный советник.

ГЕНРИХ

А это не тот самый Неттлингер...

РОБЕРТ

Да нет, папа, мало ли в Германии Неттлингеров? Просто не откажи мне в этой просьбе, вот и всё.

ГЕНРИХ

Да, пожалуйста, мне-то что. Вы, главное, не забудьте про моего внука.

ДИРЕКТОР

Слушаюсь. (Уходит.)

РОБЕРТ

Неттлингеру

Ну вот, Ихтиандр, тебя представили. А давайте-ка распробуем это суперинцестное блюдо, что готовят местные повара, помнящие Гинденбурга. Леонора, спроси при случае у папы, как он выглядел, наш предпоследний кайзер.

БЛЕСИК

Боюсь, за этим столом минимум трое, из тех, кто помнит, как он выглядел, молодой человек. Не из-за чего так напрягаться. Ничего особенного.

Лучше выпьем.

ГЕНРИХ

За новую религию?

ЛЕОНОРА

За неё.

Наливает себе полный стакан водки, выпивает.

Смена плана

К Леоноре подбегает украинская беженка Наташа, бросается её в ноги.

НАТАША

Леонора, умоляю, выслушайте меня, я слышала все ваши песни, вы знаете, я сама немного пою, я...я...

ЛЕОНОРА

Ну что ты, девочка, всё будет хорошо, мы споём. Но только всему своё время, господа, вы позволите разделить вашу трапезу с бедной, маленькой, беззащитной девочкой?

ГЕНРИХ

Конечно, о чём разговор. Сюда, поближе к нам. К именинникам.

КАРТИНА 72

(91). Бригада подрывников по ночам запускает в Усть-Золихе ракету, для встречи с инопланетянами.

Роберт по-немецки осведомляется, кто - что видел. При отсутствии от кого либо информации у виска взводился курок «борхард-люгера».

(92). Старик Иохен первым кадром зазывает оппозицию, на какой-то момент превращается в Гитлера, Лукашенко, Хусейна, видит перед собой генерала Кестерса в стеклянном гробу, немецкой форме, - вылитый Ленин, возникает Дали, с его анимированной картины «Свечение Лапорта», переходящее через «Искушение св. Антония», его и Эрнста. Дали огромной рукой, ухмыльнувшись в объектив, щелчком пальца разрушает мавзолей,

Быстрая смена плана, которая открывает новую панораму с полётом черной кошки – по диагонали объектива, вокруг которого водит свечу всё та же, узнаваемая рука Дали, изображение переходит в анимацию его картины «Загадка Ленина»:

Ленин ная(ПИСК)бывает по черно-белым клавишам, на многих – по свече;

оппозицию поражает дневной свет, та, моментально, через скелетообразное состояние, обваливается, Иохен подметает эту костную муку и скармливает огромному псу, на манер мультика «Остров сокровищ».

ИОХЕН

У этого хозяином был на зоне – Прокуратор.

БРИГАДИР

Может, прапор?

ИОХЕН

Ни хрена. Смотри.

БРИГАДИР СМОТРИТ, ВИДИТ:

(93). (Усть – Золиха, натура.) В бойницах храма, - ангелы с разнообразным оружием, наступает армия мусульман, её громят стрелы, уходит стена – на вал земляной.

Они переводят взгляд на Восток, на фоне рассвета, видят:

огромную голову Директора отеля в темноте на фоне крохотного Гуго.

ДИРЕКТОР

Из-за твоего директора заварилась хорошая каша.

Мальчик открывает люк, башка лопается, вдоль разрушенных стен Храма кабы проплывает Роберт, в шинели, без фуражки, пьян, небрит, контужен.

РОБЕРТ

Эй, черти! Может, моя башка уж как-нибудь переживёт мою печень, раз уж у нас сегодня последний день перед вылетом этого, как его...

АНГЕЛ

Из разрушенного снарядом окна

Может. Ангела?

РОБЕРТ

Ни хрена. «Альбатроса». Был у «Мессершмидта» такой юркий ястребок – на реактивной тяге. Маловато я за подвиги беру. Друг мой Гуго.

АНГЕЛ

Ратные?

РОБЕРТ

Передразнивает

Ага. Развратные. Правильные, б(ПИСК)лядь!

Поднимает голову, видит перед собой Леонору, которая плывёт к нему – с другого конца Храма. Кажется, это – западная сторона.

КАРТИНА 73

(104).

На берегу, - следующая партия туристов от оппозиций, наблюдает за отелем в бинокль.

ЛЕВАЯ ОППОЗИЦИЯ

Камера! Мотор!

Как сказал какой-то там философ «только безумец способен снести тяжесть этого мира. Умный – ни – за что.

ПРАВАЯ

Хрень всё это. Умный – значит богатый, правы америкашки. Это у нас, в Европе, - одни, б(ПИСК), пацифисты. Погодите, это всё до следующей войны. А она – кое для кого – всегда последняя.

ЛЕВАЯ

Вот вы говорите, алкоголь.

ПРАВАЯ

Кто говорит? Ничего я такого не говорил.

ЛЕВАЯ

Ну, допустим. Это же – нехорошо?

ПРАВАЯ

Кто вам сказал?

ЛЕВАЯ

Но Александр как-то едва не умер с похмелья, когда переходил через Афганистан.

ЛЕВАЯ

Да. Там ещё был стакан воды, который он не стал пить, и вылил на глазах у войска.

ПРАВАЯ

Да там глина была, а не вода, а то б стал он его выливать, этот стакан.

ЛЕВАЯ

Да не похмелья умирают, а когда похмельного – нет. Скажите, а вы правда считаете, что Александра отравил Аристотель?

ЛЕВАЯ

Кто вам сказал?

ПРАВАЯ

Ну, вы дебелие, левые, всё знаете. Вот вы например, знаете, что будет дальше?

ЛЕВАЯ

Ну, как же. Это – затопленный корабль, и у нас экскурсия по дайвингу. Обычное дело. Я таких железяк по средиземноморью пересмотрел хренову тучу. Сначала не по себе, потом – ничего.

ПРАВАЯ

НИ хрена. Мы все умрём. Как отряд капитана Кастера. Который поимел отряд индейцев Сиу.

Подплывает на боте пьяный Боцман (Бригадир) с командой.

ЛЕВАЯ ОППОЗИЦИЯ

Что это?

ПРАВАЯ

Шестивёсельный ял, мистер.

ЛЕВАЯ

Да будет вам, вы ж давно на берегу, уберите с ресницы мондовашку.

БРИГАДИР

Это у вас съёмочная группа?

ЛЕВАЯ ОППОЗИЦИЯ

Я, я (нем.)

БРИГАДИР

А бабы есть?

ПРАВЯЯ

Есть, есть.

БРИГАДИР

Давай их сюда, и камеру.

ЛЕВАЯ

А мы?

БРИГАДИР

Там и так жмуров хватает Вертухай, будь бздителен!

Помни: ты дубачишь изменников родины, шпионов, диверсантов, бандитов и воров совдеповской собственности! Баблосов у вас не хватит в ваших партиях, не поднимете вы столько баблосов. Баблосов у вас - нереально мало, даже при общей послевоенной нищете. Ищите себе новую погонялу. Румянову Клару. Она – даст.

КАРТИНА 74

(97).

Пьяный Роберт, в пронзительном взгляде Леоноры, беседует с отцом.

РОБЕРТ

Дорогой папа! (стучит по аквариуму.) Когда канадцы в 45- брала во Франции Канн, то перебили монахов в монастыре. У них там сломались ворота, а союзнички, конечно же, решили, что там засел Гитлер – юрген. Они неплохо бились, эти ребята. Потом в Голливуде сняли про это фильм.

(98). Мой «Одиссей», который по бумажкам «Принц Генрих», а все эти бумажки только для того, чтобы получить со швейцарской адвокатской конторы «Фортуна»,

в свободной от вахты время мы все тут дышим через трубу, которая торчит рядом с перископом, - другой системы снабжения воздухом просто нет. Она отсутствует. Внутри есть всё, кроме воздуха и воды. Ад даже для призраков. К тому же там не ясно, кто призрак, кто – нет.

(Леоноре.) «А признайся, Лаура.

Как часто ты мне изменяла?»

ЛЕОНОРА

«А ты?»

РОБЕРТ

Да уж. (Стучит по аквариуму.) Вот кто – «повеса молодой».

Смена плана.

Роберт остаётся с занесённой рукой – он собирался прикоснуться к аквариуму с головой отца, которая есть – воображение Леоноры.

БЛЕСИК

Надо же. Даже я заметила.

Смена плана

(99). В следующий момент лодка отделяется от себя же на клип «битлов» «Еллоу субмарин».

Быстрая смена последующих планов.

(100). Мультимедийный Роберт направляет перископ, видит Лик с крестом, в перекрёстке прицела, опадает на ручки перископа, как на крест.

РОБЕРТ

Бригадиру

Слышь, Боцман, или – кто ты там? Вышел бы ты из этого идиотского образа. И принёс бы образа. А то, гляжу в перископ, а вижу, - Храм небесный. Может, пальнём?

БРИГАДИР

Сам бессмертный, не могу.

РОБЕРТ

Что? Дуэль на корабле?

Роберт зажимает Бригадира в углу каюты.

РОБЕРТ

Сгинь за водкой, там, на палубе, бухают.

БРИГАДИР

Капитан, а кто поведёт нашего «Хитрожопого Одиссея?»

РОБЕРТ

За меня не беспокойся. Я сегодня в форме.

(1112)

Роберт пытается остановить торпеду (шар) но поздно, - система сработала.

РОБЕРТ

ЕСТЬ - ТОТ КАПИТАН ИЗ КОСМОБОЕВИКА, У КОТОРОГО ВМЕСТО Х(ПИСК)УЯ БЫЛА БЕНЗОПИЛА, И НЕ ХЕРА НЕ ЗАВОДИЛАСЬ.

Далее все планы прокручиваются с космической скоростью:

1113

Корабль, команда - Бригадир:

МАТРОС

Капитан сказал, что если ты будешь на нас матом орать, ё(ПИСК) тебя по печени.

БРИГАДИР

Здоровьем пораскинь. Дальше.

2-Й МАТРОС

Уже четыре все склянки нам кружит голову образ Звезды, её зовут Леонора. Пусть она нам споёт это... Ну, нагая.

Бригадир молча кидает на команду брезент, расстреливает всех из носового орудия «Браунинг» калибра 20, 5 мм.

БРИГАДИР

Это вам от капитана. Никаких броненосцев. А нас эсминец, а не (ПИСК) сосать.

202

(102).

Неттлингер в форме союзнических войск то всплывает, то погружается вместе с лодкой, которая по очертаниям всё же напоминает надводный боевой корабль, Иохен не пускает его, хоть тот под водой распускает купюры – те расплываются по воде.

ИОХЕН

А говорят – воздух.

Смена плана

Йозеф, Марианна бредут по пустому кораблю, - никого нет, всё чёрное и белое, по белой стороне проскакивает чёрный кот, по чёрной – пробегает стая морских свинок, абсолютно белых.

МАРИАННА

Знаешь, какая между нами разница? Меня здесь хотят трахнуть, а тебя, – нет.

ЙОЗЕФ

Много ты об этом знаешь.

КАРТИНА 75

Палуба, банкет.

(161)

БЛЕСИК

Пьяна, Роберту

Ё(ПИСК)бтц! Капитан Грей.

НЕТТЛИНГЕР

Что, ж, сказал. Захмелев. Капитан.

РОБЕРТ

Х(писк)уй сосёшь ты красиво, однако. Крыса тыловая.

НЕТТЛИНГЕР

Спокойно. (обводит всех ксивой.) Контрразведка.

МАРИАННА

Ой. Джеймс Бонд?

НЕТТЛИНГЕР

Он самый, девушка. А вам и вашей компании я бы посоветовал убраться отсюда.

ЙОЗЕФ

Тёще своей советуй. Миашвайн. (Морская свинка, нем.)

(103).

РОБЕРТ.

Всем

Нацисты? А тащите всю эту оппозицию сюда, будем шантажировать. Они нам песенку. – мы им дохлую акулу – бартер. А чем вам не нравятся нацисты. Может социалисты, коммунисты, капиталисты? Топить в говне надо каждого, кто хоть раз под чем-нибудь поставил свой поганый автограф. Война, мир, всё равно.

Ни один паскудный осёл не может решить, жить кому-то там, или умирать. Это может только Господь Бог.

(106).

Взгляд Леоноры через твою сценическую эксцентрику, милая Лолита, в стиле твоих последних клипов, плюс новый:

(114). Все разговоры Роберта с Леонорой – стиль клипа Элтона Джона с этой негритоской с невероятным голосом, они валят огромные цифры.

Она ненавидит Генриха, она любит Роберта, она ненавидит Роберта и любит Гуго, она вновь любит Роберта но она его боится, она ему не верит, она уверена, что Роберт – еб(ПИСК)нутый, она не верит, что он уже давно не человек.

(108).

ЛЕОНОРА

Пора уходить, Роберт

РОБЕРТ

Куда? Ковчег – на Арарате! А здесь, хоть каждой твари по паре а счастья нет.

Эта тонкая материя – без счастья.

(Настраивает перископ, видит бригадирский «ял»), на нём, - на корме Леонора и Марианна, - легкий поцелуй с гитлеровскими усами, с фоном подвижного, мультимедийного «задника», где у Дали осыпаются усы, и он становится похож на Гитлера

Роберт оглядывается на Леонору, вновь смотрит в перископ.

(110). Ищет цель, - там Храм, но нужен какой-нибудь ракетный крейсер, и эти мысли в виде комиксов гнездятся у него в башке, в конце концов у него появляется выражение ясновидца – он отдаёт перископ Леоноре.

ЛЕОНОРА

Загадать желание?

(111).

Леонора смотрит в перископ, видит почти что финал этого бесконечного фильма:

Буквально – стилизация эпизода «Броненосец Потёмкин»:

На чёрно-белой плёнке выходит с мостика православный поп, закрываясь крестом от града летящих в него пуль.

ПОП

Вы что, в конец ох(ПИСК)уели, мать вашу!!! (русск.), на группу морских офицеров матросы в бескозырках накидывают брезент, звучит команда

ПЛИ!!!

Смена плана.

Леонора на мгновение отрывается

От перископа, протирает глаза, заглядывает в окуляры вновь:

ОНА ВИДИТ:

Плавучий отель «Принц Генрих»

разрезает лёд Арктики в ночи, под северным сиянием,

мостиком задевает подводную часть айсберга, тот переворачивается и топит «Титаник», от которого в обе стороны Времени летит его безутешное «SOS».

Они видят себя в зеркале, оно бьётся, Роберт соединяет осколки. Заскакивает на бильярдный шар («Мюнхаузен, Голливуд. Любимый фильм Художника)

летит во Вселенную, но тут обнаруживает торчащие Антенны и надпись «СССР», сплёвывает, уходит кометой, в манере кота Тома, возвращается на палубу, по пути встречает кота Муррза, застаёт там банкет по случаю именин своего отца, садится напротив него.

Смена плана

Генрих и Роберт, - на носу корабля, в военных шинелях, молча смотрят на воду.

Роберт падает в ноги к Генриху

(«Солярис» Андрея Тарковского, его мультипликационная стилизация «Возвращение блудного сына» Рембрандта.*)

(112).

ГЕНРИХ

Избавь меня, Роберт.

РОБЕРТ

Нет.

ГЕНРИХ

Ты.

РОБЕРТ

Может, Йозеф?

ГЕНРИХ

Не сходи с ума. Это приказ.

РОБЕРТ

Есть. Адмирал.

Эту сцену видит Леонора, она вновь представляет себе голову Генриха в аквариуме, дальше реальность переходит в её, собственное измерение, и она видит, как оно становится всеобщим достоянием:

Роберт стреляет в аквариум, на окружающих это не производит впечатления, кружат чайки, закат. В воображении Леоноры всё возвращается на круги своя,
209

- длинный банкетный стол идёт по рельсам вдоль стен лютеранского храма
(Натура, Усть-Золиха.)

Смена плана.

(113).

К борту подходит шестивёсельный ял с Леонорой и Марианной.

БРИГАДИР

Поднимается на борт, устанавливает букет на месте разбитого аквариума, и лежащей в центре всего этого бардака адмиральской головой.

ГЕНРИХ

Что, Бригадир? Как там оппозиция?:

БРИГАДИР

Да какая... Крутимся на брюхе, как «горбач» во время магнитной бури. Вот киты! Моби Дики, иху мать, вместе с их английской чопорностью. Не спасают глубины морские от сгорающего солнца!

Эй, все наверх ютовый на ют, баковый на бак!

(Команда хватает лани и пытается сбросить многотонный корабль с мели, - корабль раскачивается, стол на палубе сползает от одного борта к другому и

обратно, но остаётся на мели. (Как это мы делали с «Батлером», как я кружил «Буцефала» пр. авт.).

Безрезультатно.

Вдоль борта к нему подходит старуха Блесик.

РОБЕРТ

Ничего, фрэйлен. Растают льды, снимемся с мели. Что всем – крандец, то нам – победа. Виктория, умели шотландцы высказываться, хотя бы в воздух.

А у нас что? Шлэссен. Шлэссен – ай лю-ля. КЕ-баб.

Не разу не видели, как в Антарктике бьются морские слоны? Из-за стада, разумеется. Что там Колизей!!! Колизей – говно. Тысячи слоних, практически голых, ждут милость победителя, а императорские пингвины стараются на это не смотреть, и прикрывают крылами от(ПИСК)зженного, чтоб, значит, тот, что победил, не добил его, но тому уже не до того, тот уже е(ПИСК)ися. Санитары северных островов! Единственные свидетели нашей подводной базы «Ананербе». Военная тайна, фрэйлен, внимательно слушайте, чтобы сразу забыть.

А вот - остров Южный Георгий! Во время того турецкого адмирала, что составил карту этого побережья, когда здесь и не пахло льдами. Скоро всё вернётся на круги своя, и весь этот прекрасный мир превратится в сплошную Атлантиду. А в первую очередь загрузиться ваша любимая Англия.

БЛЕСИК

Моя любимая?

РОБЕРТ

Как же. А «Король Лир». Принесите его в жертву своим новым богам, я включу турбины и мы взлетим, а не поедем.

БЛЕСИК

Думаете, поможет?

РОБЕРТ

Думаю, да.

Блесик передёргивает затвор, залазит в люк, в лодке слышен выстрел.

ЛЕОНОРА

Остановись, Роберт.

РОБЕРТ

Ни хрена, Леонора. «И спой мне песню. «Птичка в сеть» Иль в садике девица. Умеешь?

ЛЕОНОРА

Как тут не уметь. Все женщины умеют петь.

РОБЕРТ

Да. От того, что птицы.

ПЕСНЯ

РОБЕРТ

Эй, боцман. Она там не ЯДЕРНУЮ торпеду взорвала?

Смена плана

(115).

ГЕНРИХ

Они не оправдали твоих надежд, Иисус.

Они растопили льды, которые поднимут корабль – возмездия.

Сгинут все, ни хрена не будет. Будет музыка. «Перед заходом солнца», не помню, чья пьеса, но герой бредил также, как я. «Эту fuga... Эта оратория...»

БЛЕСИК

Сигару, адмирал?

ГЕНРИХ

Ванну, шампанского.

БЛЕСИК

Леонору?

ГЕНРИХ

Нет, это я сам распоряжусь. Как когда-то распорядился фюрер, - оставил бы евреев, в Германии ни осталось бы ни одного немца.

Смена плана

Банкет. Блесик – Роберту.

БЛЕСИК

Уж не для этого ли топите вы льды?

РОБЕРТ

Точно, сам бы не догадался, - что творим? А Елена, а Троя, а Шлиман? А Парис? А «А Троянский конь»? А в нём – Одиссей Хитрожопый?!

А не из за Лины ли Лихейнштайн Гитлер пожертвовал такими тоннами евреев и цыган? Ну не из-за Евы же, та и так была с ним. А – я знаю.

Средство МАКРОПОЛУСА, ОВЧАРКА Блонди. Она обожралась этого средства бессмертия, живёт с одним моим приятелем (он тоже капитан), и никак не околеет.

БРИГАДИР

Наливает водки себе и всем.

Так кто виноват? Бабы виноваты. Это из-за них совершаются все предательства и убийства. Нирванисты не при чём. Когда таких, как мы звали «Волчьей стаей», мы строились по пятьдесят кораблей, шли, как крестоносцы, - за чашей Грааля, разумеется, «свиньёй», мы разделяли и властвовали, и еб(ПИСК)ли Атлантику во все, как русские говорят, дыры. Капитан! Дай я тебя поцелую.

РОБЕРТ

Не время, Бригадир.

КАРТИНА 76

(33).

Бильярдная - каюта. Иохен скачет вокруг Марианны и Йозефа.

ИОХЕН

Да, да, господин Йозеф, госпожа Марианна, это – та самая бильярдная, где господин доктор Роберт Фемель играет ежедневно с половины десятого до одиннадцати, а наверху бар, где ежедневно завтракает господин тайный советник Генрих Фемель.

Это невероятно, но, по-моему, они встретились только сегодня, на дне рождения вашего дедушки, господин Йозеф. Я говорю это только вам, только вам, отель хранит секреты своих гостей... Да, я знаю, мне стоит остерегаться излишней фамильярности и ненужных умозаключений, сохранение тайны –

знамя профессии. Пожалуйста, вот меню, дамы и господа. Усаживайтесь поуютнее, вот за этот милый столик.

ЙОЗЕФ

Вы кто?

ИОХЕН

Кто я такой, вы спросили? Я – призрак, хранящий этот старый трактир от непрошенных гостей. Терпение, мой друг, терпение, я всего лишь предлагаю немного подождать и выпить по рюмочке мартини, любимого напитка вашего дедушки, после, разумеется, русской водки. Впрочем, это может быть и не мартини, и не водка, и даже не любимый коньяк вашего батюшки; хотите, я предложу вам винца из тех подвалов, что хранят в своих бесконечных недрах детские гробницы древнего Рима, того самого вина, что замешано на крови, из той самой чаши, с которой начал свой отсчёт этот проклятый свет...

МАРИАННА

А какое нам до этого должно быть дело?

ЙОЗЕФ

Подожди.

ИОХЕН

Успокойтесь, дети мои, я ведь просто хотел сказать, что дата изготовления вин, и дата их употребления - как жизнь наша, то день, то ночь... Если бы вы могли видеть сквозь эту стену, как могу сквозь неё видеть я, то вам бы представился восточный предел святого Северина, ранний романский стиль, одиннадцатый век, эту башню возвёл Генрих святой, по прозвищу Необузданный – он частенько навещает этот наш отель, ибо ваш дедушка назван в честь отеля, а отель – в честь Необузданного. Чувствуете энергию времен, молодой человек? Сколько бы эту башню не пытались стереть с лица земли, всегда это были потомки тех, кто её строил.

ЙОЗЕФ

Еще что-нибудь? Мы бы хотели немного отдохнуть с дороги.

ИОХЕН

Суший пустяк. Банкет наверху. НА ПАЛУБЕ, дело, так или иначе, приближается к развязке. Подумайте, тысячу раз подумайте, прежде чем соваться туда, дети мои, а если вы всё-таки решитесь на этот рискованный визит, то обязательно запомните дорогу обратно.

ЙОЗЕФ

(Марианне).

Он сумасшедший. Мне кто-то говорил, что этот отель заселяют исключительно душевнобольные, и вот первый.

ИОХЕН

Говорить можно всё, что угодно, но глупости лучше не говорить никогда. Мне уже двести девяносто девять раз вырывали язык, и на этот раз вырос трёхсотый – только для того, чтобы предостеречь вас от губительных визитов...

(Зажигает свечу, уходит в недра подвалов.)

При столь доверительном общении можно позволить себе больше никаких умозаключений... Хватит, в самом деле, с меня...

КАРТИНА 77

(34). Палуба, банкет. Те же и Неттлингер.

БЛЕСИК

Кестерсу

Как тебе нравится фраза «хочу ружьё»?

КЕСТЕРС

Хочу ружьё... Хочу ружьё...

БЛЕСИК

Да, это тебе по душе, я же вижу. Брось шутить – после Вердена с такого рода шутками было раз и навсегда покончено: под Верденом погибли последние кавалеры, их погибло слишком много, слишком много любовников за один раз...

ГЕНРИХ

(Роберту)

Этот маразм на твоей совести, сынок.

РОБЕРТ

На моей совести много чего, папа.

ГЕНРИХ

Я знаю, Роберт.

РОБЕРТ

Боюсь, что нет, папа.

НЕТТЛИНГЕР

(встаёт, стучит вилкой по бокалу).

Прошу внимания, господа. Хочу сказать, что для меня большая честь быть приглашенным на это торжество, ибо я хорошо осведомлён и потому особенно ценю деятельность господина тайного советника Генриха Фемеля, ибо в наше многотрудное время его труд имеет новое значение, ибо в созидании истина.

ГЕНРИХ

Леонора, милочка... Что он говорит?

ЛЕОНОРА

Он просто говорит, герр адмирал.

РОБЕРТ

Гуго, принеси господину Неттлингеру как можно больше водки.

НЕТТЛИНГЕР

Нет, господин доктор, пиво. Только пиво.

РОБЕРТ

А, старинный немецкий праздник «ерша». А я бы на вашем месте напился – не будут мучить кошмары.

НЕТТЛИНГЕР

Это может показаться странным, но мне за всю жизнь не приснилось ни одного сна, господин доктор, сколько бы я их себе не заказывал.

БЛЕСИК

Ничего, сегодня я вам закажу отменный кошмар, мой милый мальчик.

НЕТТЛИНГЕР

(равнодушно)

Попробуйте, мадам, я наслышан о ваших способностях.

РОБЕРТ

А я выпью водки, с вашего позволения. (Встаёт.) За башню святого Северина, восточный предел которой нам так хорошо отсюда виден. Торчит, как бельмо на глазу. (Выпивает.)

КЕСТЕРС

(Блесик)

Да, мадам, сдаюсь. Мне нравится фраза «хочу ружьё». И мне не нравится, что там, на востоке, где каждый день встаёт солнце, торчит эта чёртова башня.

Пауза.

ГЕНРИХ

Простите, Леонора...

ЛЕОНОРА

Да ничего, герр адмирал, это у вас сегодня именины.

ГЕНРИХ

Я что-то важное забыл сказать... А, да, вот что:

Добро пожаловать, господа. Надеюсь, вам понравится общество друг друга и мы славно проведём время. Давайте сегодня немного посентиментальничаем, господа. Что-то вроде нетленного: «Солнце клонилось к закату»... Или другая, совершенно фатальная пьеса для жизни: «Перед заходом солнца»... Не вижу разницы. Леонора, милочка, если вас не затруднит, налейте мне водки. Так о чём я?

РОБЕРТ

Леонора, не утруждай себя, я сам ему налью, ибо лучше знаю его дозу.

ГЕНРИХ

О чём я, чёрт меня дери?!

РОБЕРТ

Про то, что «каждому своё», папа.

ГЕНРИХ

Ах, да. Гитлер ведь был не первый, кто вынес это клише на знамя. Думаю, он не был последним. Но «всё пройдёт», господа, и мне это нравится больше, чем «каждому своё». И даже если нашему бравому генералу взбредёт в голову проорать «зик!», то уже никто не вскачет и не проорёт в ответ «халь!». Всё, господа, никаких «причастий буйвола», никаких «с Гинденбургом вперёд», теперь пару шагов назад, к святым мощам принца Генриха. Остановимся и осмотримся, господа. Пора уже. Правда, Леонора?

КАРТИНА 78

Роберт – с Бригадиром, сидят верхом на носовом орудии, Роберт играет с крохотным котёнком.

БРИГАДИР

Шлюх бы вменяемых выписали дней на пару, капитан.

Роберт выбрасывает котёнка за борт, потом долго на него смотрит.

РОБЕРТ

Достать, накормить. Никаких шлюх на моём корабле. Тут и так...

Возникает пышногрудая блондинка, с японским зонтиком, в ажурной шляпке, крашенная на двое – в розовый и белый, направляется к ним.

БОЦМАН

Ну-с, пое(ПИСК)мси виртуально.

КАРТИНА 79

(34)

Бильярдная. Йозеф и Марианна.

МАРИАННА

Ты так радовался этой поездке...Что произошло? Тебя смутил этот ненормальный старик?

ЙОЗЕФ

Ничего не произошло.

МАРИАННА

Правда, Йозеф?

ЙОЗЕФ

Правда, Марианна.

МАРИАННА

Ты не хочешь со мной разговаривать?

ЙОЗЕФ

Потом... Может быть, скажу тебе через пару лет, а может быть – завтра. Не знаю.

МАРИАННА

Это связано с нами обоими?

ЙОЗЕФ

Разумеется, раз я связан с тобой.

МАРИАННА

Случилось что-нибудь... неприятное?

ЙОЗЕФ

Нет.

МАРИАННА

Прости.

ЙОЗЕФ

Да нет, это ты меня прости. Дай мне расчёску, пока мы ехали на машине, тебе в голову налетел песок. Только не верти головой, маленькие песчинки руками не вынешь.

МАРИАННА

Я ведь знаю, что по вечерам, когда из аббатства выходили рабочие, ты ходил и ощупывал новые кирпичи, тогда тебе было приятно касаться их, а вчера вечером ты этого не делал, я всё узнаю по твоим рукам: и ты так рано уехал сегодня утром.

ЙОЗЕФ

Мне надо было получить для деда подарок.

МАРИАННА

Это ваш портрет?

ЙОЗЕФ

Да нет, это – фотография, я просто дал её увеличить. Единственная фотография, где мы вдвоём. А вот фотографии, где мы троём, у меня нет... Или просто вместе с отцом. Я получил фотографию и поехал на Модест-гассе и дождался, пока отец выйдет из конторы, мне просто хотелось увидеть его, и я его увидел, он хорошо сохранился. Не поворачивайся, пожалуйста, мне так удобнее разговаривать.

МАРИАННА.

Удобнее лгать.

ЙОЗЕФ

Может быть и так... Точнее говоря, умалчивать.

МАРИАННА

Так что случилось, Йозеф? Почему ты так взволновался, когда разговаривал с этим сумасшедшим портье?

ЙОЗЕФ

Он, по моему, не портъе.

МАРИАННА

А кто?

ЙОЗЕФ

Не знаю. Ты обратила внимание на его глаза? Они какие-то странные. Зрачки. Они у него то есть, а то их нет вовсе. Такое впечатление, что он слепой, но настолько знает здесь каждый угол, что просто передвигается по памяти. Ты ничего не заметила?

МАРИАННА

Кроме собственной тревоги, ничего.

ЙОЗЕФ

Как во время кошмара, правда?

МАРИАННА

Какого кошмара?

ЙОЗЕФ

Того, который может только сниться. Да бог с ним, со стариком. Как бы то не было, сегодня я сказал отцу настоятелю, что отказываюсь в дальнейшем возглавлять работы по восстановлению аббатства святого Антония, не оборачивайся, а то больше не скажу ни слова.

МАРИАННА

А что на это скажет твой дедушка? Ведь он так тобой гордился: каждая похвала настоятеля была ему, как бальзам. Не говори ему ничего, хотя бы сегодня.

ЙОЗЕФ

Ему доложат и без меня, но, видишь ли, я больше не могу видеть кирпичи и слышать запах извёстки. Пока, во всяком случае.

МАРИАННА

А что скажет твой отец?

ЙОЗЕФ

Я думаю, он огорчится только из-за деда, если вообще огорчится. Они оба очень странные. Подожди, не оборачивайся. Отец должен тебе понравиться.

МАРИАННА

По-моему, мне не надо было сюда приезжать, Йозеф.

ЙОЗЕФ

Всё нормально, дед пригласил тебя сюда по всей форме.

МАРИАННА

Ты отпустишь меня?

ЙОЗЕФ

Нет. Так гораздо удобнее разговаривать.

МАРИАННА

И лгать.

ЙОЗЕФ

Умалчивать.

Пауза.

МАРИАННА

Ты любишь своего отца?

Пауза.

ЙОЗЕФ

Да. Особенно с тех пор, когда я узнал, что он столь молод.

МАРИАННА

Ты не знал, сколько ему лет?

ЙОЗЕФ

Нет. Мне казалось, что ему лет пятьдесят... Смешно, конечно, но я никогда не интересовался, сколько ему на самом деле лет, только позавчера, получив свою метрику, я узнал, что ему всего сорок три года, я даже испугался.

МАРИАННА

Испугался? Чего?

ЙОЗЕФ

Не знаю... Оказалось, что он совсем молодой, хотя гораздо более старомоден, чем дед. Он вдруг устарел, как внезапно устарел динамит... Я помню, как он

радовался, когда ему ещё разрешали взрывать. Он ведь и стал таким строгим, когда взрывать ему стало нечего.

МАРИАННА

Я очень хочу увидеть его. А теперь можно обернуться?

ЙОЗЕФ

Да.

Пауза. Марианна оборачивается и пристально смотрит в глаза Йозефу.

МАРИАННА

Почему ты не скажешь мне, в чём дело?

Пауза.

ЙОЗЕФ

Потому что, когда я сегодня пытался выжать из своего драндулета всё, что можно, я вдруг отчётливо увидел на дорожном плакате слово «смерть».

КАРТИНА 80

Сцены разворачиваются в темпе «Аполло 440». Где бультерьер гоняется за мужиком в пиджаке:

(133). Пьяный Роберт ведёт по кораблю двух полумёртвых чернокожих шлюх, встречается с Йозефом.

ЙОЗЕФ

Здравствуй, папа.

РОБЕРТ

Сынок! (Обнимаются, девушкам.)

Знаешь, как по Парижу водили тех девок, что спали с нашими солдатами? Брили наголо, и вешали табличку:

«она спала с немцами, теперь спит с американцами».

ШЛЮХА

Ну и что? Так всегда было – на волю победителя.

РОБЕРТ

Девки! Это – мой сын Йозеф. Моя кровь. Мой наследник. Он будет строить новые храмы. Кстати, Йозеф! Не очень переживай за монастырь, эти долбаные эсэсовцы делали там «зарин», чтобы потом на ФАУ-2 доставить его до Лондона.

Французские учёные жили в кельях монахов, контейнеры с газом, - в винных погребах, эти полоумные эсэсовцы вылили три тонны бордо столетней выдержки в какой-то сраный бункер. Вот такие там были монахи! Сторонники смирения и противники насилия.

Йозеф с интересом оглядывает негритянок.

РОБЕРТ

При них можно, они гражданки США, - соотечественницы тех, кто разбомбил монастырь в Монте – Касино. Сосут, как маленькие коровы новорожденные, как их?

ЙОЗЕФ

Тёлки.

РОБЕРТ

Точно. Телята. Или они ё(ПИСК)бнутые, или я неправильно перевожу с английского.

Так все войны начинаются, из-за недопонимания. Кто-то куда-то не въехал, и на всякий случай е(ПИСК)бунул по кнопке. Или по Э(ПИСК)лу. (Девушкам.) Правильно я говорю?

ДЕВУШКИ

Не понимаем (англ.)

РОБЕРТ

Правильно я говорю. Мой корабль, моя правда.

(Йозефу.) Мне передали бумагу о наличии у нас новой ракеты фон Брауна, - она могла отравить и Вашингтон вместе с их интеллигентным президентом, такому Хемингуэй не стал бы слать телеграмму на бланке Фиделя: «Трумен, ты – мудило, твой Эрнст».

Они слышат топот пробегающих шпилек на палубе.

РОБЕРТ

прислушивается

Сынок, а где твоя умная невеста?

Смена плана

По палубе бежит Марианна, мимо башни, носовой пушки, останавливается у самого борта,

Орёт:

МАРИАННА

Фашисты!!!

Её догоняют Иохен с Бригадиром, берут её под руки, обступают с двух сторон.

ИОХЕН

Тако место. Деточка. Депрессивная среда обитания. И перевели неправильно: Экклезиаст, Экклезиаст! Его неправильно перевели, там была не вода, в которую можно войти дважды, и уж точно наверняка, - там были ВОДЫ.

А вы спросите у Боцмана, - он только с виду debil, но книжки читает, - и смотрит кино.

БОЦМАН

Все, что СКАЗАЛ этот человек, тянет явным перебором, гражданка... (целует Марианне руку, продолжает:

...по сравнению с тем, что сейчас вам покажет этот знаменитый кот.

Ловит проходящего Муррза.

БОЦМАН

(Коту.)

Не ссы, Муррзик, мы просто постреляем на чистых полыньях)

(В камеру.) Я предложил пострелять даме уток на чистых полыньях, ибо бывало уже такое. Сидели они там, жирные уточки разных пород и мастей, правда хрен её потом достанешь, ибо любая более или менее азартная собака при таком течняке может и «уплыть». Но вот Муррзик, он, чёрт возьми, при нас, мадам, да будет вам известно, несколько раз в своей жизни был еден

волками, собаками, кабанами, затоптан лосями, и утрамбован благородными оленями. Этот герой пробежал как-то тридцать километров со средней скоростью (не будем загигать палку, этот, человек, который идёт справа от вас, его в народе зовут «Бригадир», свидетель), 90, ладно, пусть 85, но километров в час, сударыня. Но дело в том, что этот кот, что смотрит на всех, как на вечно чужой гарем, горел, варился, была обезглавлен, четвертована, её, эту чёртову кошку, много раз проворачивали в мясорубке, жарили из неё котлеты, но она ни разу ещё не тонула. Но возможно, эта чистая вода примет знаменитого кота в своё лоно, и сей подвиг будет вами воспет. (Себе, в камеру.) Правда, Бригадир? И возникнет пред вами его грешный дух, запечатлевший вечный момент созерцания, но я докажу вам, что я маг и волшебник. Потому в таком святом войске, как наше, избран единогласно замом по идеологии, потому что у каждого в этом мире своя роль, бывает, что и главная.

Смена плана

Бригадир из одного артиста превращается в другого, кольт у бедра меняется на СВД со снайперским прицелом – на шее.

ИОХЕН

Слышь, Бригадир, забыл тебе сказать, та шлюха, с чемоданами, лет двадцать назад, когда заехала сказала: очень была с вами рада познакомиться, но к вечеру, наверное, застрелюсь, всё как во «фришеском» «Штиллере, только там повесился мужик в камере, а та, сука, просто отравилась.

Смена плана

Воспоминания Иохена

ДАМА

Он сказал: бросай всё, меняй имидж. Застрелюсь, есть из чего?

Иохен открывает арсенал.

ДАМА

Вот это – да!

Иохен показывает на шприц.

А это что?

ЛОЛИТА

Это – медленная и приятная смерть. Меня как-то тоже попросили сменить имидж, я отослала его на х(ПИСК)уй, и с тех пор меняю имидж регулярно. Как вас зовут?

ДАМА

Альбина.

ЛЕОНОРА

Вы – певица?

ДАМА

Ой, а я вас сразу не узнала.

Леонора

Смена имиджа. С последующими воспоминаниями. Берите шприц. Ну, как вас будут хоронить – без головы?

Смена плана

Возвращение в «реальность»

ИОХЕН

девушке

Взгляните на героя. Сейчас мы с Бригадиром обвяжем его вот этой прочной веревкой – вот она мадам. И забросим его вон в ту полынью. Потом вы возьмёте вот это арьегардное ружьё, взгляните, мадам, на это старое оружие – это курковое ружьё английской фирмы «Голланд-Голланд». Возьмите его в свои руки, мадам, ощутите мягкость этого ореха, это английское ложе, этот двадцатый калибр. Мадам, я просто хочу, что вы попали вон в того селезня, взгляните, какими глазами смотрит на свою добычу наш герой, наш космонавт, наша живая праща, я вам уже всё взвёл, вы только цельтесь, хлоп, мадам, я поздравляю вас: прекрасный выстрел.

Оборачиваются, видят Леонору.

ЛЕОНОРА

Марианна, нам надо поговорить.

(134) Монтажный стык - Клип Лолиты: все превращения через её глаз.

(135.) Она поёт: "На х(ПИСК)уя столько кетчупа, кетчупа, кет-чу-па".

КАРТИНА 81

Продолжение банкета. Голова тайного советника Генриха Фемеля каким-то образом помещена в самогонную «четверть», - сие превращение видят все.

(136).

БЛЕСИК

ИСТОРИЯ - ВРЁТ! Клеон - вождь партии войны у греков, как-то пленил триста спартанцев. А царь месенцев - Аристомен? Он вообще у них шлюх воровал - прям из храма.

(137.) БЛЕСИК

продолжает читать прессу

А что Алкивиат? Не вновь вздрочил на Сиракузы. Сложил башку. А жёлтой прессы там нет? Он ведь перед походом на Сицилию по пьяне перебил всех

прибрежные столбы Гермеса. Погубил Афины древнегреческий герой. А ведь он был Периклу - родственник, Сократу - собеседник.

ВОЗНИКАЕТ

БРИГАДИР

Так за ним уже на Сицилию прислали мусоров свои же, но он о них того, сбежал. Чтоб сложить башку за родину. Вот она ему упёрлась, родина. В отечестве пророков - ни хрена. (Орёт в аквариум.) Как Фимистокла обосрали, так и герой врагом стал, и Афинам и армянам.

(стучит по крышке аквариума, как тот мусор тому уроду из тарантиновского подвала в "Чтиве", когда думал, кого из героев трахнуть первым.)

А чем закончилась Пелопонесская война, завтра расскажу, дорогой папа. А сейчас, спокойной ночи, малыши.

(уходит.)

ГЕНРИХ

Какой раунд?

РОБЕРТ

Фарватер, отец.

ГЕНРИХ

Я умер?

РОБЕРТ

Устал. Середина, отец.

БЛЕСИК

(возвращается.)

Да нет, Аристофан пишет: народ любит и ненавидит его, и не хочет без него обходиться.

ДИРЕКТОР

Да кого?

БЛЕСИК

Алкивиата, чёрт бы вас не видал.

А вот, ещё "Аэробассу" - капут.

Руководство компании просит не смешивать политику и бизнес.

ДИРЕКТОР

Это как? Упал самолёт?

БЛЕСИК

Концерн.

ДИРЕКТОР

Да, стоит начать вспоминать, так и вспомнишь. Всё. Что было, и не было чего.

БЛЕСИК

А вот ещё – погромы в Копенгагене. В Санкт-Петербурге. Торнадо в Майами. Соня Ганди – сицилийка, - ну вот, арии воссоединяются.

А вот ещё – сабинские женщины, похищенные римлянами, бросились сквозь строй, умоляя остановиться.

СНЯТО

Смена плана, попытка «идеального» монтажа, любой из последующих планов превращается в журнальный лист, который перелистывают все персонажи пьесы:

Гуго сидит на торчащем из воды куполе, сушит крыла думает, в кого послать стрелу,

Он видит:

(139.)

Роберт выходит на палубу, палит из пушки.

РОБЕРТ

Ну, оппозиция? Где левая, где - правая?! Скажите спасибо Максиму, а то б так и палили в одиночку, одиночными.

Всплывает дайвингист с идиотом на плече, который сосёт из стакана через трубочку какое-то дерьмо.

РОБЕРТ

Как вы могли...

Спуститься с горных пастбищ...к таким кормам.

Всё утопить.

Всех этих гиен с их ложными хуями.

(уничтожает)

Потому вас погнали из рая, блюёте. срёте. и сношаетесь.

(140.)

Роберт представляет всех, о ком рассказывает Гуго, - комикс, телефон, телепортация, телевидение, и т.д. Экран делится.

(143.)

Роберт достреливает монахов под «пусть лучше он прогнётся под нас»
(Макаревич.), телескоп «Хабл», далианское око.

СНЯТО

(144.)

Рубка чертей – срезается целое горящее бревно из «Данилыча»

145

Взрыв, - бригада подрывников в огне.

СНЯТО

РОБЕРТ

Стоп у нас тут каскадёр сгорел.

НЕТТЛИНГЕР

Кто там ещё сгорел?! Всем оставаться на местах!

244

РОБЕРТ

Опять эта заПИСК)лупа комсомольская.

Добро иногда возвращается, в виде пули, она – сама себе башка.

Роберт вынимает парабеллум, в который раз убивает Неттлингера.

РОБЕРТ

Что-то этот артист совсем...зарапортовался.

Гестапо – армейская смерть. Не слишком жирно, фроёлен?

(орёт тому месту, где раньше была башка.) Слышь, Антанта! Среди истинных арийцев не бывает предателей! (Орёт.) Это мы вывезли всё ценное из монастыря в Монте-Касино, это вы разбомбили монастырь! Да, да, с монахами!

ЛЕОНОРА

Ты отстрелил ему голову, Роберт.

БЛЕСИК

В самый раз.

146

Палуба – лодка меняет окрас, как осьминог. Лодка жива.

245

Роберт передаёт перископ Гуго, тот видит сквозь прорезь прицела, - там монастырь, бродят монахи.

РОБЕРТ

«Жди меня,жди меня...» А как же шлюхи? Глянь, Гуго. Может, это не монахи, а весталки, - и все поголовно девственницы? Пока до них не добрался Папа, устроим прибежище рыбам, - для них такое сооружение слишком непонятно, мы ж не в аквариуме.

ГУГО

Правда?

РОБЕРТ

Правда. Великий Рим! Афины, Троя, Атлантида. Это попы умудрились надругаться над верой, и устроили, на Вавилон, куда так рвался Александр, а башню, - никто не видит и не слышит друг друга.

Собьём башню, Иисус?

По пидарасам и книжникам!

Бьёт по шару

Подводный взрыв, лодку в какой-то момент кренит, она меняет цвета, и почти снимается с мели, и все её обитатели куда-то катится, выплывает балласт из мёртвой оппозиции.

РОБЕРТ

Эх, волны не хватило. Ну. Ничего.

Есть много, друг, вещей на свете, что и не снилось философии твоей. Мудрецы тут не при чём – перевели неправильно. Вот Овидий был хороший поэт.

«глаз с мен не своди,

молча намёком ответь...»

ГУГО

Я знаю, что такое философия, герр капитан.

РОБЕРТ

На хрена она тебе? Ты – ангел.

Смена плана

Блесик в темноте, рядом с ней – чёрная кошка.

БЛЕСИК

Бери круче, капитан.

Римляне были готовы принять Христа к своему пантеону. Но Иисус – ревнивый Бог.

(кошке)

Римляне, пытались притащить из Персии культ митры, Константин – грешник, но и гвоздь с распятие, и копьё – подделка. Господин Фюрер.

КЕСТЕРС

Из темноты

А крест?!

СМЕНА ПЛАНА

148

Корма затонувшего эсминца, с которой начался фильм.

РОБЕРТ

Просто я в детстве сдуру узнал русалочку этого гада Андерсена.

Девчонка влюбилась так, что готова была раствориться на пену морскую, что качать ЕГО корабль.

248

На самом деле – верховная жрица Корнелия, в руках Домициана, а он был крутой мужик.

Поймали на инцесте.

Тоже и с валькириями, - но это в пехоте.

ГУГО

А во флоте?

РОБЕРТ

Я знаю, где хранится золото Генри Моргана, не спрашивай откуда, если это был сон, то он стоит всё золото Моргана.

его могилу снесло на глубину, а про него сказали крючкотворы, что он был хреновый моряк, раз сажал флоты на мель.

ГУГО

Сквозь зубы

Вы уже не раз упоминали об этом обстоятельстве, капитан.

РОБЕРТ

Упорно продолжает

Капитан – не лоцман. А лоцманы - все местные, им верить нельзя.

ГУГО

Вы уже об этом не раз упоминали, капитан.

КАРТИНА 82

(35.)

Бар. Банкет по поводу дня рождения тайного советника Генриха Фемеля. Те же, за столом, в нормальных, человеческих позах.

РОБЕРТ

Что это ты там держишь под столом, папа?

ГЕНРИХ.

Награды, Роберт, награды... Кресты первой и второй степени. Когда я однажды стоял за чертёжным столом, твой брат Отто вытащил их из шкафа, и я слишком поздно заметил роковой блеск в его глазах, слишком поздно... Давай избавимся от них по крайней мере сейчас, чтобы Йозеф не обнаружил их в моём наследстве... Или вот что: отдайте их генералу Кестерсу, Леонора. Поздненько я приношу их в жертву памяти моего отца... Да сгинут почести, возданные нашим отцам, дедам и прадедам... Пусть эти кресты сгинут вместе с генералом Кестерсом...

Пауза. Леонора в нерешительности.

Чего вы испугались, милочка?

РОБЕРТ

Да, а чего это вы, милочка, в самом деле, испугались? Это ведь его кресты, он волен с ними делать всё, что ему заблагорассудится.

ЛЕОНОРА

Хорошо, Роберт, я сделаю всё, о чём меня попросит твой отец, но чуть позже. Можно позже? Или ты хочешь непременно сейчас?

РОБЕРТ

Мне всё равно, Леонора. Мне, честное слово, всё равно.

БЛЕСИК

Леоноре

Это он врёт, милочка.

ЛЕОНОРА

Мне всё равно. Фрэйлен.

Со своего места вскакивает генерал Кестерс и начинает маршировать на месте.

КЕСТЕРС

Я принял решение, взрывайте, господа! Если речь идёт о победе, мы не имеем права щадить наши культурные ценности!

РОБЕРТ

(аплодирует)

Спасибо, генерал. Мне по сердцу эта соловьиная песня.

БЛЕСИК

Никак не могла предположить, что генералы такой трусливый народ.

КЕСТЕРС

«Герой! Для тебя наши бьются сердца, а славе героя не будет конца. С Гинденбургом вперёд! Ура!»

БЛЕСИК

Я уже однажды видела, как ты маршируешь. Это было в день парада в честь кайзера в январе одна тысяча девятьсот восьмого года.

РОБЕРТ

Вслушайся, Леонора, сколько чудных воспоминаний у наших родителей и иже с ними, а нам с тобой и вспомнить нечего – ни парадов, ни кайзеров.

ЛЕОНОРА

А любовь? Как с любовью, Роберт?

БЛЕСИК

Любовь – это прекрасно, Роберт. Не знаю, что ты ждёшь – хватай девчонку и тащи её на Багамы: ты же навзрывал за свою жизнь на дорогу туда – себе и ей, а обратных билетов не надо. А раз девчонка свихнулась, или пытается тебя разозлить самым, что ни на есть сучьим манером, значит надо увозить её силой.

РОБЕРТ

Спасибо, мадам. (Чокается со старухой, выпивают.) Однако сегодня день рождения родителя, моего немецкого родителя. Который в свои восемьдесят остановился на русской водке. А что генерал? Скучает?

БЛЕСИК

Генерал! Почему ты смотришь на меня выжидающе? Ты на меня так никогда не смотрел. Положи голову мне на колени, извини, что я дрожу – мне страшно.

Кестерс падает на колени Овечьей Жрице, рыдает.

Не надо хныкать... Не надо жаловаться, солдат... Не жалею о проигранной войне... (Всем.) Господи, неужели вы действительно проиграли две войны, одну за другой? (Кестерсу.) А таким молодчикам, как ты, я желаю проигрывать семь войн подряд... Довольно хныкать, мне плевать, сколько войн ты проиграл...

Надо оплакивать убитых детей, а не проигранные войны...

РОБЕРТ

Что вы его, ей Богу, заездили, мадам. Всё роковое тщеславие нашего главнокомандующего заключается в посадке головы, которой у него с некоторых пор просто нет, - в этом и его основное различие с моим родителем, у которого осталась одна голова, - эти люди повидали на своём веку, и всё, что от них осталось, - мы обязаны хоть раз в неделю, но всё таки кормить.

Смена плана

«И вновь, и вновь метаморфозы»

Сыплет в самогонную четверть с головой своего отца хлебешек.

РОБЕРТ

Так что сегодня у нас – что-то вроде свидания с обезглавленными, - может нам по экспериментировать, и присобачить папину голову к погонам Кестерса, по-моему, я видел про это кино. А! «Белые розы для моей чёрной сестры». Мексика. Но у них там была проблема, - жопа белой девушки была

белой, а у чёрной девушки, - она была чёрной, и что-то там нельзя было трансплантировать.

Получилось две черно-белой жопы, если я ничего не перепутал, но когда я первый раз видел этот фильм, то рыдал.

Остаётся только прицепить к его собственным бляхам пару железных крестов моего батюшки, пусть позвякивает ими, когда ему вздумается.

РОБЕРТ

Вы слышите? С Гинденбургом вперёд. Хочу ружьё, зачем-зачем, за что – за что...? (Наливает себе полный стакан водки, выпивает.) У меня тоже есть железный крест, вы же наверняка в курсе, за какие подвиги я им награждён? Хотите, подарю, раз уж сегодня такая пьянка?

ДИРЕКТОР

Не стоит, господин капитан. Без явных заслуг перед рейхом такие штуки не раздавались, я то в курсе.

РОБЕРТ

Заслуги есть. Из всех присутствующих о них знает генерал Кестерс, и Гуго, но Кестерс – без головы, папа с головой, - но под системой, Гуго молчит, а не болтает, потому что он умнее нас – вместе взятых.

ГЕНРИХ

Ты о чём, сынок?

ЛЕОНОРА

Остановись, Роберт

РОБЕРТ

Не слышит

Я о том, что Неттлингер знал, за что я получил свой железный крест, папа.

Роберт извлекает откуда-то из недр своего костюма телескопический кий, в ладони у него возникает прозрачный шар, он пускает шар по банкетному столу, тот катится, сметая на пути посуду, вновь летит по римским сточным желобам, вылетает к Храму, взрывается. (Мультимедиа).

СНЯТО

Натура. (Лютеранский храм Гречихино, Волгоградск. губ., зима)

На фоне разрушенного храма генерал Кестерс вручает крест Роберту. Задний план – бригада подрывников.

Закадровый текст, голос Роберта:

Мне вручил эту награду генерал Кестерс за то, что я взорвал аббатство святого Антония, взорвал, хотя знал, что генерал Кестерс – сумасшедший, он был сумасшедшим уже тогда, а может, в тот момент произошло столь счастливое совпадение, что он свихнулся в тот самый момент, когда у него перед носом вырос храм Божий. (Извлекает из кармана крест, довольно долго его разглядывает.)

Роберт – Кестерсу – на натуре:

Спасибо, генерал! Какое литьё! За бессмысленный взрыв как в тактическом, так и в стратегическом отношении.

Возвращение в «реальность».

Возьми его, Гуго... Я не боюсь, что он попадётся на глаза Йозефу, мне, честно говоря, наплевать, увидит он его, или нет, давай немного упростим эту победную позу, ибо третьей победы тоже не будет, за третьей дракой не будет ничего, хоть ты, может, и не слышал, что была такая Хиросима.

И если Йозеф не приехал, то он сильно набрал в моих глазах.

Пауза.

ГЕНРИХ

Ты лжёшь... Ты лжёшь, Роберт... Ты не делал этого... Это был не ты...

РОБЕРТ

(выпивает)

Да как тебе сказать, папа... Если я сейчас попытаюсь облечь свои мысли в слова, они вовсе потеряют всякое сходство с правдой... Хорошо, раз у тебя сегодня юбилей, я подарю тебе эту правду, ты всегда говорил и мне и Отто что в этом мире ничего нет, кроме чистой правды, так вот она, одна на всех понятная:

я ждал момент взорвать аббатство, которое ты строил, я грезил этим взрывом пять с половиной лет войны, я ждал, когда аббатство, словно по мановению

креста самого святого Антония, как волшебного жезла, станет моей добычей, я хотел воздвигнуть памятник из праха и развалин тем, кто был со мной заодно.

ЛЕОНОРА

Остановись, Роберт. Ты ведь никогда не был в этом мире. Ты всегда был на войне.

РОБЕРТ

Так время – военное. Зачем врать, Леонора? Это же правда, мы все сражались за правду – каждый за свою. Так что, давайте, катнём последний шар в этом бильярде.

Роберт запускает новый шар:

смена плана.

Комиссия армейских психиатров (бригада подрывников) единодушно ставят кровавые кресты на старом пергаменте с рукописным текстом, надевают на Кестерса смирительную рубашку).

Закадровый текст: голос Роберта.

Мне было доподлинно известно, что армейские психиатры признали генерала Кестерса сумасшедшим, дорогая Леонора, ты и представить себе не можешь, как трудно добиться единодушия армейских психиатров, - так вот, они признали Кестерса сумасшедшим, признали уже тогда.

Не поняла, детка? Поясню: они признали в генерале Кестерсе человека, который не несёт никакой ответственности за свои поступки, таким образом, папа, ответственность за взрыв целиком ложится на меня. И последнее: я-то, бесспорно, сумасшедшим не был. Так что подбодри своё сердце хоралом, отец, неужели ты действительно примирился с духом, разрушившим монастырь? С этим чёртом, который до сих пор не даёт мне покоя, он показывает мне в полудрёме взрыв башни святого Северина, которая со времён святого Генриха показывает путь в единственную щель ада...

Башня св. Северина (мультимедийная стилизация разрушенных небоскрёбов в Нью-Йорке), отбрасывает свою бесконечную тень, которая в конце концов накрывает отель «Принц Генрих», и ложится прямо на банкетный стол.

Пауза. Возвращение в «реальность».

РОБЕРТ

Вот такая, бл(ПИСК), вечная молодость. При этом я был корректен, господа, неизменно корректен... Гуго, возьми, пожалуйста, мой крест и никому не показывай. Пойдёмте, господа, прямо вдоль лунной тени этой проклятой башни, любезные, щедрые и счастливые, к гостеприимным, рогатым и хвостатым чертям. (Наливает себе полный стакан водки.)

За очищающее пламя господа! (Выпивает.)

Пауза.

ГЕНРИХ

Мир в моей могиле...

Пауза.

ЛЕОНОРА

Что? Что вы сказали, Генрих?

ГЕНРИХ

Мир в моей могиле закончился, милочка. Последние годы меня окружало небытие, земля медленно осыпалась, обволакивая меня со всех сторон... Мир в моей могиле был до тех пор, пока мой сын Роберт не приподнял крышку моего гроба и не отбросил меня назад, ко временам, когда играли по крупному...

На могиле была надпись:

«Построено Генрихом Фемелем в 1908 году, в возрасте двадцати девяти лет»,
теперь допишем:

«Разрушено Робертом Фемелем в возрасте...»

Сколько тебе тогда было лет, Роберт?

РОБЕРТ

Двадцать девять, папа.

ГЕНРИХ

«Разрушено Робертом Фемелем в 1945 году». Кто мне теперь скажет, чем мой внук Йозеф ознаменует своё тридцатилетие... Что он намерен делать: строить или разрушать?

РОБЕРТ

Папа, ради всех святых. Сказано: отец, сын, святой дух, о внуках там ничего нет. Там нет ничего ни о католиках, ни о православных, - есть толпа урождённых крестом, плохо понимающих, что там с заповедями, и как с ними обращаться. Гитлер за всю эту мистику сколько бобла в Тибете отвалил, и всё равно – умер больным человеком.

ГЕНРИХ

Что... Йозеф не твой сын?

РОБЕРТ

Он твой внук, папа... Гуго... Где Гуго?!

ГУГО

Я здесь, господин капитан.

РОБЕРТ

Никуда не уходи... Будь здесь, я прошу тебя.

ГУГО

Хорошо, я никуда не уйду.

БЛЕСИК

Гуго...Агнец Божий... Иди ко мне, я расскажу тебе об овцах, которых никто не пас...

РОБЕРТ

Об овцах чуть позже, мадам. Если вы помните, у моего папы сегодня юбилей, а он всю свою честную жизнь только и делал, что созидал, созидал, созидал.

Пауза.

ГЕНРИХ

Что-то мне душно, Леонора...

ЛЕОНОРА

Включить «озонатор», Генрих?

ГЕНРИХ

Если можно.

Леонора раздвигает небесные шторы над темнеющим кораблём, подходит к окну одновременно с Гуго, они вместе открывают его, все видят на фоне полной Луны башню святого Северина.

РОБЕРТ

Слов нет, правда, господин Неттлингер?

Пинает Неттлингера. Тело валится за борт.

НЕТТЛИНГЕР

Из-под воды

Я бы сказал то же самое, господин капитан.

РОБЕРТ

Я знаю.

ГЕНРИХ

Леонора... закажите мне поджаренный хлеб... Два ломтика чёрного хлеба, масло, апельсиновый джем, яйцо всмятку и сыр с красным перцем, перец, пожалуйста самый...

БЛЕСИК

Подарок.

ГЕНРИХ

Я подарю вам клонированную овцу, мадам. Надеюсь, к этому времени таковая появится.

ЛЕОНОРА

Сыр с красным перцем?

ГЕНРИХ

Да, плавленый сыр, приправленный перцем. Простите, что я вас об этом прошу, скажите там кому-нибудь: сорок пять граммов сыра и напёрсток перца... всю массу надо хорошенько вымесить, и пусть меня уже не пугает точность, с какой воплощаются мои планы...

Пауза.

Давай уедем, Леонора... По правде говоря, здесь собрались совершенно чужие мне люди, их слишком много... Мне был бы куда больше по душе ужин вдвоём...

ЛЕОНОРА

Да, но....

ГЕНРИХ

Давай уедем... Как чудесно гулять по вечерам вдоль канала, где стоит мой дом... Вода, как стекло, совсем как стекло... Тишина вокруг... Ты знаешь, какие там тихие люди... никто не шумит... Никто не орёт, не марширует. Правда, они как-то на моих глазах вытаскивали покойников из подвала монастыря после взрыва, и Йозеф пытался уверить меня, что это – больные, и их скоро повезут в больницу; но разве больных кидают в грузовик, словно мешок с картошкой? Слышишь, Роберт? Словно чёрные мешки с картошкой, монашеские одеяния, оказывается, и есть чёрные мешки...

Когда мне поставят памятник, Леонора, одним смехом не обойдёшься, плюньте на не него, душенька, во имя моего сына Отто, во имя моего сына Роберта, и моего внука Йозефа... Плюньте на него и подумайте, чего стоит старик, предлагающий возлюбленной своего сына плюнуть на его собственный памятник.

КАРТИНА 84

(36). Бильярдная. Йозеф и Марианна.

МАРИАННА

Мы пойдём наверх?

ЙОЗЕФ

Наверное, пойдём.

МАРИАННА

Зачем?

ЙОЗЕФ

Ну, как же. Надо вручить деду подарок.

МАРИАННА

Ты обязательно хочешь его вручить? Давай это дело поручим тому ненормальному призраку, что принял меня за проститутку.

ЙОЗЕФ

С чего ты взяла?

МАРИАННА

Он не отбрасывал тени.

ЙОЗЕФ

Нет, я о...

МАРИАННА

О, меня не проведёшь.

ЙОЗЕФ

Да, но ты совсем не похожа на проститутку, только, ради Бога, не обижайся.

МАРИАННА

Переживу. Ну, что? Давай, что ли, сбежим отсюда? Давай оставим в покое твою колымагу, чтобы больше никогда не встретить придорожный плакат со «смертью». Поехали отсюда, Йозеф.

Уедем. Поехали?

Слышен короткий хлопок – это выстрел.

ЙОЗЕФ

Что это? Ты слышала?

МАРИАННА

Нет. А что я должна была услышать?

ЙОЗЕФ

По-моему, это был выстрел.

МАРИАННА

Почему обязательно выстрел? Может быть – это фейерверк, а может, кто-то открыл шампанское...

ЙОЗЕФ

Дед не пьёт шампанского... И отец, кстати, тоже. Они оба пьют обыкновенную русскую водку или, в крайнем случае, коньяк. Странно, правда?

КАРТИНА 85

(151).

РОБЕРТ

Леоноре

Когда пропадает страх и исчезает память о нём, когда ты набрал на себя гору потопленных кораблей, храмов, трупов, тут либо сдаешься, отдаёшься, либо чудишь, - и всё напоследок.

Даже во сне торчит знак вопроса: чего б ещё такого взорвать?

ЛЕОНОРА

Герострат.

РОБЕРТ

Девочкам моя!!! Я бы никогда не спалил храм Артемиды. Я – моряк, а не торговец.

КАРТИНА 86

152

Голые мужики от обеих оппозиций подъезжают на катерах к пляжу, бросается на женщин, те с визгом разбегаются.

ИОХЕН

оппозиции

Никакого динамита! Во Франции вон, на сраную белую муху не в сезон ловить нельзя. А мы, значит, дважды побеждённая держава, поэтому у нас можно срать на каждом углу, а как убрать за собой, - так х(ПИСК)а старик Иохен – выгребай. Никакого, скажу вам. Удовольствия, за вами говно разгребать.

Да, и отключите телефоны! Считайте, что вы – в анатомическом театре.

КАРТИНА 86

(158)

269

Роберт недолго ломится в люк, останавливается, бьёт себя по лбу, вылетает за пределы земли за компанию с плоской картинкой классического йога, возвращается, разворачивает капитанскую фуражку, растворяется на далианские корпускулы.

Его голос

РОБЕРТ

Как это всё зае(ПИСК)ло. Вся жизнь – ожидание какого-нибудь геморроя. Всех уволю.

КАРТИНА 87

(159)

ЛОНОРА

Генриху

Если не оглядываться назад, то уйдёшь далеко вперед, но даже в США – эта реклама батареек «Дюрасел». Вечная догма, - для вечных дураков. Вот, кто настоящие на-цис-ты.

Генрих, как вы думаете, сколько за последний сезон в нашем отеле поселилось граждан США?

ИОХЕН

Сзади

Они все были – террористами, фрау Леонора. Все – от каких-нибудь, да оппозиций. Спросите у капитана.

ЛЕОНОРА

Всё, приплыли. Опять все поделились на тиранов и жертв. Нет никого. Только музыка.

ГЕНРИХ

Куда, милочка?

ЛЕОНОРА

Обратно в стаю, господин тайный советник. Может, там меня кто-нибудь сможет защитить.

ГЕНРИХ

От кого, милочка?

ЛЕОНОРА

От вас, Генрих. Я нормальная женщина, и боюсь привидений.

КАРТИНА 88

На палубе «Принц Генрих» – осколки аквариума Генриха Фемеля, на стенках которого, словно на экране телевизора, вещает Генрих.

По палубе идут два обезглавленных тела, сгорают, как на старой обложке «Пинк Флойд»

БОЦМАН

Сто х(ПИСК)уёв мне в рот и якорь в жопу

РОБЕРТ

Смотри, накаркаешь.

Смотрит на заходящее солнце.

(165.) РОБЕРТ

Я им: а может, на юг? Да нет, на север. Орала эти поразительные простаки, над ледяным океаном носится дух святой, так наши предки, и т. д. Терпеть не могу мёрзнуть, а воевал на северных морях.

Стою на мостике, и думаю, глядя на Звезду, - в такую ночь исполняются желания. И мы стали морскими космонавтами.

Возникает Директор

ДИРЕКТОР

Учитесь у Хакмана из «Южного парка», этого жирного жидёнка, вдобавок
рисованного. Настоящий капиталист. Его бы к нам.

Возникает Иохен

ИОХЕН

Америка, Америка. Америка утонет! Бледнолицые не могли так поступить ни
с краснокожими, ни с черножопыми. Наконец-то придумали антоним
бледнолицым.

ДИРЕКТОР

И Англия? Старая, добрая Англия?

ИОХЕН

Еще раньше.

187.

Смена плана.

ЛЕОНОРА

Плачет

Я больше не могу, Роберт. Я знала, что бывают штуки пострашнее смерти...

РОБЕРТ

Никогда не говори... нечего.

БЛЕСИК

Господи, больше никогда никаких клятв.

ГЕНРИХ

Со стекла

Это – не Германия.

КАРТИНА 89

188

На палубу поднимаются Йозеф и Марианна

ЙОЗЕФ

Леоноре

Здравствуйте, давно хотел с вами познакомиться. Вы – настоящая звезда.
Дедок давно в могиле?

ЛЕОНОРА

Да нет.

Смена плана

(189.) Ноутбук с клипом «Данилыч несравненный на стихи Баркова» стоит на какой-то текущей трубе в недрах лодки, долгий наезд, - смена пространства.

(190.) Затухает сигара Роберта в «чёрном квадрате Малевича».

(191.) Голос Роберта из темноты «квадрата».

РОБЕРТ

Финал всегда один. Гуго.

Мы были матросы на том корабле.

(192.) Зря мы столько кокса кинули в 17-м на Балтику. НЕ е(ПИСК)бли б наших баб на восточных границах тогда, на западных сейчас, и в вечном городе – на все времена.

МАРИАННА

В Риме?

Прикуривает.

РОБЕРТ

Нет, девочка, в Иерусалиме.

БЛЕСИК

Божий град не победить мечом.

РОБЕРТ

А Гавриил?

ЛЕОНОРА

Гавриил – женщина.

(193.) РОБЕРТ

Судить может только Бог. А вы кто такие?

У правого борта вновь всплывает Неттлингер.

Небеса покарают тебя!

РОБЕРТ

Вот за это вас, католики, и (ПИСК)здят

Разворачивает пушку, превращает Неттлингера в красную жижу на зелёной воде.

РОБЕРТ

А чем во такое говно ряженое круче моряка?!

Ждёте казни Паскаля и сообщников?

Ведь Троян – отнюдь не Домициан. Нужна башка царя Дакии, правильно я понял?

(в воду.) У вас редкое лошадиное заболевание, офицер. Зелёный вы какой-то, модный нынче колор. Зацветём и сдохнем.

Даже айсберги иногда становятся изумрудными, особенно под водой. Никогда бы не стал стрелять в айсберг.

(195.)

РОБЕРТ

Выходит на палубу, взбирается на мостик, все смотрят за ним, затаив дыхание.

ПАУЗА

РОБЕРТ

Почему мы, чёрт меня дери, так долго торчим на суше, раз так любим море?!

Когда целишь в большой корабль, к примеру. В «Лузитанию», - бей по носу, так оно надёжней. Но главное – найти такую цель. Это всё равно, что постоянно искать в толпе любимую, которую навеки потерял, - напряжение такое, как будто башку вставили в тиски.

И расслабляешься только тогда, когда её найдёшь, и утопишь. На войне, как на войне.

Смотрит на юг.

Всё золото персов там, у Крита.

А мы тут варимся в говне, хорошо, хоть в собственном.

КАРТИНА 90

(37.) Палуба. Те же.

БЛЕСИК

Нам пора, генерал. В последний рейд. Можешь ещё немного промаршировать, когда человеку семьдесят с лишним лет, он больше ни на что не годен. (Леоноре.)

Это я вам, милочка, у вас такие умные глаза, и я хочу, чтобы вы вовремя спохватились...

(Кестерсу.)

В дорогу, генерал! В ритме бравурного вальса... На пороге ты вновь обретёшь способность удивляться... Дорогой мой, только не дрожи, а то я заплачу... Господа, вас не забавляет эта процедура – ровно дышать, прицеливаться?

КЕСТЕРС

(рыдает)

А можно... я закажу себе...

БЛЕСИК

Тоже курочку, небось?

КЕСТЕРС

Всё, что угодно... Всё, что угодно, только не ЭТО.

БЛЕСИК

Чёрт бы побрал эту вашу основательность... Она может испортить аппетит, курица ли окажется на блюде, откормленная кайзеровскими бутербродами на заднем дворе этого сарая;

Или на блюде окажется голодная и замученная смерть... Дело в священнодействии, которым обставлены ритуалы еды и гибели, вы же хотите перещегоолять итальяшек с мусью —вместе взятых.

Должен же быть, чёрт возьми, хоть какой-то порядок! Мы, чёрт возьми, в Германии, и не важно, проиграли мы войну, или нет, мы её, в конце концов, красиво проиграли; неважно, взорвали мы аббатство, или нет, это в конце концов был красивый взрыв, и мне плевать, сколько потом вытащили от туда монахов, - они-то, слава Богу, попадут в Рай, они все разом проделали этот славный путь, о котором всю жизнь мечтали, они прокладывали себе этот путь своими никому не нужными жизнями, так поздравим их, господа! И неизвестно вообще, за кого они молились, когда нашему гордому орлу, щелкнули по железному клюву сначала под Москвой, потом под Сталинградом, а потом пошло – поехало. Налейтесь до краёв это своей русской водкой, без которой вы жить не можете, за немецких, немцами же взорванных отроков, или как их там, нам-то, здесь присутствующим, как это не печально, придётся путешествовать совсем в другую, так сказать, вертикаль.

Так что я бы на вашем месте не отказывался от такого деликатеса, как курочка с датой своего гильотинирования: ей Богу, лично я себе с некоторых пор ни в чём не отказываю.

Роберт наливает себе, выпивает, и вяло аплодирует. Пауза.

БЛЕСИК

Подъём генерал. Нам надо пойти погулять.

КЕСТЕРС

Вы собираетесь пойти погулять?

БЛЕСИК

Да, да. Вставай.

КЕСТЕРС

Сегодня такой прекрасный вечер... Мне ведь разрешено выходить, правда?

БЛЕСИК

Конечно, конечно. Тебе разрешено. (Понижает голос.)

Только не затыкай уши, выстрел будет не такой уж и громкий. Тебе покажется, что лопнул воздушный шарик и запомни, запомни и как-нибудь умудрись забрать это с собой: сегодня канун пятнадцатого воскресенья после троицына дня...

Генерал Отто Кестерс медленно встаёт и марширует на месте.

КЕСТЕРС

С Гинденбургом вперёд! Ура! Сектор обстрела! Обеспечьте мне сектор обстрела для третьей армии!

РОБЕРТ

(вскакивает и вытягивает руку в фашистском приветствии).

Слушаюсь, генерал! Будет исполнено, генерал! Всё взорвать, генерал! Мы ведь никогда не признаемся себе в собственном безумии? Я, например, не собираюсь. И вообще, в этой стране вы не найдёте человека, себя не уважающего. Стены – это всего лишь стены, Германия – это всего лишь Германия, что нам до неё? Взрывайте эту дрянь, и всё встанет на своё место!

РОБЕРТ

(декламирует)

«Вас, как святых, народ германский чтит,

Но наше сердце о сынах скорбит».

Всё. Племя варваров, сожравшее великий Рим. Ауфидерзейн.

Пауза. Генерал Кестерс и старуха Блесик удаляются. В небо, как в открытое окно, сквозь развивающиеся занавески, как будто заглядывает лунный силуэт башни святого Северина.

РОБЕРТ

Отец... Я бы с удовольствием подарил тебе что-нибудь в день твоего восьмидесятилетия... Я хотел сказать. Ты, наверное, сам знаешь, что я хочу тебе сказать.

ГЕНРИХ

Знаю. Можешь не говорить.

РОБЕРТ

Поздно, папа, поздно... Ради тебя я бы с удовольствием проронил несколько сухих слёз, слёз раскаяния, но нет их у меня, и не было. Башня святого Северина кажется мне добычей. Мне искренне жаль, что аббатство святого Антония было детищем твоей юности, и ты его хорошо построил, папа, мне едва хватило одного грузовика взрывчатки, одного единственного грузовика.

Натура: Лютеранский храм Гречихино Волгоградской губернии, зима. Роберт обходит Храм, чертит формулы, за ним бродит отец-настоятель.

Закадровый текст, голос Роберта.

Помнится, я обошёл всю эту божескую богадельню, и повсюду начертил свои формулы на стенах, на колоннах, на опорах свода, X, Y, Z; X,

Y Z...

Я начертил их между ногой святого Иоанна и святого Петра; я вырисовывал их небывалой тщательностью, потому что знал, какая на мне лежит ответственность, и догадывался, КТО на меня её возложил...

А рядом со мной стоял отец настоятель...Он взывал к моему разуму, он умолял меня не упражняться в этой сатанинской графике, он стоял передо мной на коленях и рыдал, как ребёнок...

Возвращение в «Реальность».

Слышишь, отец? Как ребёнок.

ГЕНРИХ

Слышу, сынок, мне отсюда хорошо тебя слышно. И видно.

РОБЕРТ

Он ведь не знал... Он не знал, что я пацаном приезжал с тобой к ним в гости, ел их форель и пил их мёд; он смотрел на меня, как на безумного, и глаза его светились сквозь слёзы, и монахи так и не ушли из монастыря, они дали похоронить себя под этими стенами, но Йозеф, твой внук и мой сын Йозеф, так и не дал им истлеть до конца в этой братской могиле, чем он лучше меня?

А потом я поджидал новую добычу, я ждал её, затаив дыхание, слушая биение своего сердца, мысленно выцеливая её с разных позиций – с моря, с фронта, с воздуха, из-под земли. (Внимательно смотрит на отца.) Нихт фирштейн? Ну и ладно.

ГЕНРИХ

Ну и что же, сынок? Что помешало тебе взять её?

Пауза. Роберт с характерным для стрелка прищуром смотрит на башню.

РОБЕРТ

Но лучше бы вы об этом не вспоминали, правда, папа?

Кому они нужны, эти наши воспоминания?

Выстрел. Пауза.

ЛЕОНОРА

Боже мой... По-моему, это был выстрел.

Пауза.

ГЕНРИХ

Не беспокойтесь, Леонора, дитя моё... Господин директор обещал фейерверк в мою честь, наверное, это первая хлопушка. Кроме того, сегодня кругом банкеты левых и правых оппозиций, посвящённые кануну пятнадцатого воскресения троицыного дня.

ДИРЕКТОР

Давайте отдавать себе отчёт в это мирное время – мы слышали выстрел.

РОБЕРТ

(наливает водки).

Стрельба – это хорошо... Перемирия раздражают... Если бы человечество постоянно не воевало, оно бы исчезло само по себе. Извелось... Испарилось... Не было бы этой звёздной карты с красными и голубыми планетами, млечными путями и чёрными дырами, во Вселенной была бы пустота, полное небытие...А так – сплошные драки, на земле, в её бесконечных адских недрах, и в небесах – там бьются ангелы, разбивая друг друга то белыми, то чёрными крылами, а нынче время такое - крылья черно-белые, и доска разбивается на доли.

А представляете, дамы и господа, если бы прогремел гром небесный, и нам, на наши окаянные фашистские головы, свалилась бы эта тёмно-серая башня... Уверен, это событие вывело бы нас из этого идиотского оцепенения...

Стоп, Гуго... Где Гуго?!

ЛЕОНОРА

Его нет, Роберт.

РОБЕРТ

И где же он, чёрт вас всех возьми?!

КАРТИНА 91

(38). Распахиваются двери, Директор, Иохен и Гуго завозят на тележке гроб, накрытый траурным сукном, на котором покоится фуражка генерала Кестерса.

РОБЕРТ

Вот вам и канун чего-то там. Парад алле. Алеллуя.

ДИРЕКТОР

Секундочку, господа. Второй раз за день я рискую привлечь ваше драгоценное внимание, господин тайный советник, к нашему скромному подарку. Мы чрезвычайно рады, господин тайный советник, что вы постоянно чтите наше скромное заведение своим присутствием, и даже столь громкую дату вы решили отметить у нас. Я уверен, что ваш юбилей - это событие для всей Германии. Мы надеемся ещё долгие годы лицезреть Вас в своей тихой обители, и поверьте, чем это будет дольше продолжаться, тем для Германии лучше, да и для всех нас, что времена, господин тайный советник?

«Принцу Генриху» времена не страшны, главное, чтобы не изменились мы, и была Германия.

Леонора подбегает к Директору.

ЛЕОНОРА

Вы...Вы в своём уме?!

Иохен достаточно жёстко берёт её под руку и отводит в сторону.

ИОХЕН

Душечка моя, в отношении тебя я позволю себе сделать одно замечание личного характера: на своём веку я перевидал немало девиц, которые входили в эту дверь, но они были не такие, как ты: тебе здесь не место, и я, и господин тайный советник, оба годимся тебе в прадеды, и ты не обижайся: просто в этом разбойничьем вертепе таким, как ты, делать нечего, возьми хлебушек, и рассыпай крошки, чтобы найти дорогу обратно; ты заблудилась детка, у тех, кто ходит сюда по служебным делам, совсем другой вид, а у тех, у кого личные дела, и подавно: подлети ближе, моя птичка, и не трепыхайся, хоть я и помоложе господина тайного советника, но силы на исходе, поверь мне, детка...

И.... Пора побеседовать нам о трупах в вашем заведении, господин директор.

ДИРЕКТОР

(как будто это уже и не он).

Вы ничего не понимаете. Такого рода скандалы в один миг поднимают престиж отеля на невыносимую высоту! Все газеты пестрят гигантскими заголовками! Убийство – отнюдь не то же самое, что самоубийство! А политическое убийство, это не просто какое-нибудь там обыкновенное убийство. Если он даже и не умер, что мы всегда сделаем вид, что он при смерти, и в газетах обязательно должно быть объявлено: «положение больного безнадежно». Всех, кто звонит по телефону, немедленно соединяйте со мной, а то вы обязательно что-нибудь, да и пропустите, а потом себе этого никогда не простите!

ГЕНРИХ

Прямо пакт о капитуляции, например. К тому же это – убийство, а не самоубийство. Может, и политическое, чёрт с ней, с политикой. Чем хороша война, там не бывает никаких политических убийств, потому что политики превращаются в такое же пушечное мясо, как весь остальной сброд на этой проклятой земле.

Пауза.

РОБЕРТ

(Себе.) Все было бы по другому, если бы я не запустил четыре шара – и все по лузам. Если выбор есть.

ГЕНРИХ

Давно?

РОБЕРТ

Вначале. Так что, папа, минутная готовность.

А что это у вас у всех с лицами, господа? Они как будто не выражают ни ужаса, ни сожаления... Будьте сдержаны, изобразите что-нибудь на своих физиономиях, скажем, лёгкую грусть, как люди, которые оплакивают покойника, но собираются повеселиться за дележом наследства.

Заранее помянем Германию, господа. Она умрёт, когда в какой-нибудь тихой харчевне, какая-нибудь «посланница оттуда» заставит пристрелить себя последнего ненормального рубаку.

(Подходит ко гробу, располагается на нём с водкой и стаканом.)

Прощай, герой! Помянем героев. Как сказал этот обнюхавшийся кокаина еврей, кажется его звали Зигмунд, «герой тот, кто восстаёт», даже если он восстаёт против того, что называется этим громким и очень ёмким словом «вера». (Выпивает.)

Гуго, сынок, собирайся, только быстро, мы уезжаем прямо сейчас. Дадим повод поразмыслить фрау Леоноре.

ГУГО

Хорошо, господин КАПИТАН. Спасибо.

ГЕНРИХ

Секундочку, господа, кто остался, не расходитесь.

Генрих Фемель медленно поднимается со своего места, подходит ко гробу, не глядя на Иохена, нахлобучивает на него лежащую на гробе генеральскую фуражку, срывает гвардейский флаг со свастикой. Стоит, поражённый.

ДИРЕКТОР

Этот торт, господин тайный советник, точная копия аббатства святого Антония. Лучшие кулинары города неделю корпели над ним: они даже призвали на помощь архитектора, взгляните – настоящее произведение искусства.

А это, обратите внимание, господин тайный советник, башня святого Северина со своей неизменной полуночной лунной тенью, которая, как любит шутить ваш сын, непременно укажет нам, грешным мира сего, путь в чистилище.

Генрих Фемель, некоторое время, постояв над тортом, отламывает башню святого Северина, подходит к Роберту и кладёт кусок торта ему на тарелку.

ГЕНРИХ

Всё, что могу, сынок. Всё, что могу.

Пауза.

Возникает пьяный Бригадир.

БРИГАДИР

А где, чёрт бы нас всех побрал, генерал Отто Кестерс?! (Срывает фуражку с головы Иохена и сотрясает ей у носа Директора.)

ДИРЕКТОР

А, генерал? Он застрелился. Прямо у себя в номере.

ИОХЕН

Да нет же, господин директор, его застрелила Овечья Жрица. С как раз проходил мимо его двери, и слышал, как они там препирались. Он сам попросил его застрелить, потому что очень не хотел попасть в разряд самоубийц, то есть слетать туда, куда указывает башня святого Северина, а кто ему об этом сказал, так это единственный присутствующий здесь патриот, - господин доктор Роберт Фемель.

ГЕНРИХ

(явно заставляет себя сдержаться).

Говорите, говорите, старина.

ИОХЕН

Глупец был этот генерал! Неужели он думал, что пустить себе пулю в лоб, или кого-то об этом попросить – пусть она трижды жрица и четырежды овца. Разницы нет, вы уж поверьте мне старику, изо дня в день, вот уже сколько лет, ухаживающему за древнеримскими могилами!

А вот, кстати, и его мятежный дух.

ГЕНРИХ

Чей, черт меня дернул?!

ИОХЕН

Генерала. Слышите? Хлопнула дверь, вот он зависает над нами, разве вы не видите? Слепцы, попадёте вы в яму. А вот сейчас главный номер нашей программы – он пролетает в окно, потом прямо в тени – и к чертям собачьим...

Иохен бросается к окну, и едва из него не вываливается.

Прощай, генерал! В аду нет ничего страшного, со временем, а у тебя его будет предостаточно, ко всему можно привыкнуть... К тому же это не навсегда – отвратительно думать, что грешник и дьявол вечно смеются над благим помыслом Творца. (Оборачивается ко всем.) Правда, дама и господа?

КАРТИНА 93

«Принц Генрих». Трюм. Директор, Иохен.

ДИРЕКТОР

(Иохену)

Идём со мной, старик.

ИОХЕН

Куда это?

ДИРЕКТОР

Нам надо упаковывать мешки с телеграммами.

ИОХЕН

Какими такими телеграммами?

ДИРЕКТОР

С просьбами забронировать номер.

Иохен и Директор уходят. Генрих Фемель берёт под руку Леонору, отводит её к выходу.

ГЕНРИХ

Роберт, передай, пожалуйста, господину директору мою искреннюю благодарность за внимание и скажи ему, что важные события вынуждают меня... к сожалению вынуждают меня отказаться от завтраков в «Принц Генрих». Важные события. Мы с фрау Леонорой уезжаем.

Пауза.

РОБЕРТ

Леонора?

ЛЕОНОРА

Да, Роберт.

ГЕНРИХ

Моя вина, Роберт, моя величайшая вина... Не забывай нас, сынок.

РОБЕРТ

Сожру купол и запью водкой, выпью водки и заем её башней.
Одновременный реквием по святому Антонию, и песнь святому Северину.

Пьют, закусывают.

Ну вот. Это – малая компенсация нашему дурацкому положению. Никакого порядка, правда? Хотят стреляются, хотят – стреляют. Гуго. Гуго! Ты готов?

Роберт вскакивает, облетает лодку, орудуя кием, словно катаном (японский меч), снося всё на своём пути (мультимедиа).

Натура: Лютеранский храм пос. Усть-Золиха. (зима.)

Св. Антоний – Роберт – идёт в храме, неся перед собой крест.

РОБЕРТ

Чертовщина, Гуго.

Роберт стреляет из карабина – в самого себя, св. Антоний распадается, как в простреленном зеркале, на множество осколков. (МУЛЬТИМЕДИА.): компиляция из анимаций живописи Эрнста, Дали, Босха.

КАРТИНА 94

(40). Вся в трауре, в недра корабля врывается старуха Блесик, начинает колотить в ту дверь, за которой скрылся Гуго.

БЛЕСИК

Открой, Гуго, открой же!

ГУГО

(из-за двери)

Не открою.

БЛЕСИК

Я тебе приказываю!

ГУГО

Уже четверть часа, как я не являюсь служащим отеля, сударыня.

БЛЕСИК

Ты уходишь?

ГУГО

Да.

БЛЕСИК

Куда?

ГУГО

Я ухожу к своему отцу.

БЛЕСИК

Открой, Гуго, открой же, я тебе ничего не сделаю, я не буду тебя больше пугать, ты не должен уходить, я знаю, что у тебя нет отца, я это точно знаю, ты нужен мне, Гуго... Ты тот, кого они ждут, Гуго, ты увидишь мир и все они падут перед тобой ниц в самых шикарных отелях, тебе не надо будет ничего говорить, только быть со мной, твоё лицо, Гуго... иди сюда, открой, ты не можешь уйти!

Я прошу тебя не ради себя, Гуго, забудь всё, что я говорила и делала, я была в отчаянии... выйди ко мне ради них... Они ждут тебя, ты наш агнец...

РОБЕРТ

Бригадиру

По-моему, нам пора кончать эту бадягу, следует вспомнить о долгах.

БРИГАДИР

Чёрт меня возьми, я и о долгах забыл. Может, как-нибудь потом вспомню?

РОБЕРТ

Нет, дружище, мне ты ничего не должен, если ты за этим пришёл. Так что напрягись, и вспомни о единственном своём долге – служебном.

Роберт встаёт, спускается в трюм, камера ведёт его до двери капитанской каюты, о которую бьётся Овечья Жрица.

БЛЕСИК

(Роберту)

Что вам здесь нужно?

РОБЕРТ

Мне нужен мой сын.

БЛЕСИК

Гуго ваш сын?

РОБЕРТ

Да. Открой, Гуго.

Выходит Гуго.

Пошли, сынок, нам пора.

Пауза.

Гуго. Да, отец, я иду.

РОБЕРТ

У тебя больше нет вещей?

ГУГО

Нет.

РОБЕРТ

Пошли.

Уходят.

Овечья Жрица покидает отель, вместе со своими овцами - они улетают журавлиным клином. (Мультимедиа).

КАРТИНА 95

(41). Палуба. Йозеф и Марианна садятся в шлюпку, гребут к берегу, которого не видно.

МАРИАННА

Где берег? Где, чёрт возьми, земля?

ЙОЗЕФ

Прилив.

КАРТИНА 96

(42). Откуда-то из недр корабля-отеля появляется старик Иохенсо свечой.

ИОХЕН

А здесь, дамы и господа, лестница, сооружённая во втором веке; здесь термы, построенные в четвёртом веке, взгляните вниз: на этих плитах из песчаника стражники, нацарапав квадратики, играли со скуки в «мельницу», а вот восточный желоб, по этому серому желобу стекало древнеримское дерьмо, в древнеримскую канаву...

Чу! Слышите проклятия германских рабов?

По их золотистым бровям пот стекал прямо на белые лица, увлажнял светло русые бороды; губы варваров произносили проклятия, которые звучали, как стихи:

«Наша красная кровь отольётся мерзейшему племени римлян по воле Вотана.

Проклятье, проклятье, проклятье...»

Чуточку терпения, дамы и господа, осталось ещё несколько шагов, взгляните сюда: вот и цель нашего путешествия – древнеримские детские гробницы... Откуда я всё это знаю? Видел. Я ни черта не помню, что было двадцать лет назад, но хорошо помню, что было тогда...В те славные времена здесь вообще ни черта не было.

«Жестокий рок поражает родителей,

Когда быстрая, слишком быстрая смерть уносит их ребёнка...

Но в скорби о юном создании,

которое вкушает сейчас райское блаженство, нам несёт утешение вечная надежда... Шести лет и девяти месяцев от роду был погребён под этим могильным холмиком ты, старик Иохен...»

Иохен склоняется над крохотным могильным холмиком, громко рыдает, встаёт и упирается в грудь Директору, освещает свечой его странное лицо.

А! Вот и сам... Кто-то уже спрашивал, здравствуй, Иохен, а где же САМ? И думалось мне, почему же никто не спросил: здравствуй САМ, а где же Иохен? Где она, в этой тьме, справедливость? Ты кто, собственно, такой?

ДИРЕКТОР

(смеётся)

Пойдём, сумасшедший старик, я налью тебе римского вина, оно для нас, как молоко матерей. Угостим варваров, которые только и делают, что распевают: «проклятье, проклятье. Проклятье...»

Начинай считать ступени, старец, дальше – провал.

Спускаются в подземелье со свечами в руках.

ИОХЕН

Кто бы мне говорил, что там – провал. Видишь эту белую поперечину в стене? Когда-то по этой черте проходил уровень земли... Зачем убивать тиранов, скажите на милость? Надо убивать самых что ни на есть приличных господ...

Голос Иохена удаляется в подземелье, свет пламени свечей ослабевает, исчезает вовсе...

Пощадите тиранов! Нет в мире более одиноких и несчастных людей, а они почему-то торчат внизу, что ж, сегодня плюнем на всё и споём на похоронах по третьему разряду...

(Поёт, рыдая.)

Пощадите тиранов, пощадите тиранов, пощадите тиранов...

КАРТИНА 97

(43). «Театр Брехта». Финал Баркова на «полёт Валькирии» Вагнера (мультимедиа):

Роберт:

Прямая тот свинья,
Кто также, как Илья,
Гремит на небесах,
Стучит на колесах.

Всяк скверный стал немчин.

Всяк лютер и кальвин.

Покрыт весь свет грехами,

Не сдержут хрен ремнями.

Ядерный взрыв, на корабле «Принц Генрих» - со всевозможных ракурсов, с воздуха, из стратосферы, из ближнего, дальнего космоса, из-под воды, с близлежащего рифа, со дна Марианн:

Массовая гибель всего живого в океане, весь этот мир кроет смертельной волной, однако возникает

«КВАКЕР», и, взрывная волна сворачивается вспять, как персидский ковёр.

КАТ. № 1.

Стр. 243, № 549, 1935 г.

“ The Surrealist Mystery of New York in 1935 ”

КАРТИНА 97

Оркестр оборачивает все свои инструменты в сторону летящего демона, они играют тяжелый рок, демон разваливается в воздухе, словно американский истребитель времён второй мировой, пытающийся приземлиться на свой авианосец после того, как попал под зенитную артиллерию японской армады.

КАРТИНА 98

На морском берегу восседает немецкий археолог Генрих Шлиман, он вместе со слепым Гомером раскапывает крошечную Трою, исправляет свою давнюю трагическую ошибку, и раскапывает ту Трою, что воспел Великий Слепец: тот прозревает:

ШЛИМАН

Май кляйне, тот ли этот город, твою мать?

ГОМЕР

(в восторге).

Друг, ты, конечно, и сердцем не робок, и силою крепок,

Если тебе, молодому, так явно сопутствуют боги.

Земля под Шлиманом расступается, он проваливается в золотой песок.

ГОМЕР

(Городу, оживающему перед ним, как детский макет на песке, который вот-вот смоеет волна).

Ночь он провёл. Самому ж мне на чёрный корабль возвратится.

Смена плана

КАТ. № 2, СТР. 245.

“Открытие Америки усилием сна Христофора Колумба, 1958-59, Холст, масло; 410X284,

Смена плана.

“The Mountains of Cape Creus on the March (LSD Trip), 1967, кат 1, стр.570, № 1276

Кат. № 1, стр. 451 # 1003

«Christ of St. John of the Cross», 1951

Кат. 1, № 869 “Melancholy Atomik Uranik” 1945

Смена плана.

Кат. № 1, стр. 451 # 1003

«Christ of St. John of the Cross», 1951

Смена плана.

Яхта Генриха Фемеля. Они двигаются к устью реки.

ГЕНРИХ

(задумчиво, Леоноре)

Отвратительно думать, что грешник вечно смеётся над благим помыслом Творца.

И, как говорится: последняя слеза, а то мы так убьём не только сюжет, но и мысли о сюжете. Все они – попские работники, привыкли, что елда велика, не было б их, чище б стало. Отсюда и поза – с похмелья мне, верховному жрецу в рыло рыгать.

Всё. Концерт окончен.

Выключает изображение, бытие уходит во тьму.

КАРТИНА 99

Экспозиция меняется: Кто-то смотрит через в перископ, фотоэкспозиция щёлкает на увеличения, как в нормальной космической съёмке.

Реклама крема.

Я ничего смешнее не видел со времён Моли Полич!!!

Люди в чёрном мчатся под землёй, вспахивая гигантских червей, в ритме негритянского рэпа с русским припевом:

«На хуя(ПИСК)а?!

Столько кетчупа, кетчупа, кетчупа, кетчупа.....»

Смена плана

Универсальный лимузин «Людей в чёрном» всплывает в диком болоте, которое сразу же отдаёт криминальным напряжением.

Т.Л. ДЖОНС

Это бомбил артиллерийский тяжёлый крейсер.

У. СМИТ

Горыныч несравненный.

Из-под воды возникает болотный подвид среднерусского ЛЕШЕГО.

ЛЕШИЙ

Чешется - свербится, хочется жениться, да негде взять.

Т.Л. ДЖОНС

Это он тебе.

У. СМИТ

С чего ты взял?

Т.Л. ДЖОНС

Ты молод и красив.

У. СМИТ

Я – чёрный. Не понял? Негр я. Не-гри-тос. Я не могу.

Т.Л. ДЖОНС

Чего это?

У. СМИТ

Я и без того измотан домогательствами женщин.

Т.Л. ДЖОНС

А здесь мужчина.

ЛЕШИЙ

Ну-с? Черногузой дворянин, поцелуй мой мохнатый зад.

Всплывает кикимора – улыбчивая девица, утопленница лет трёхсот.

КИКИМОРА

(Т.Л.ДЖОНСУ)

Голубок. Голубо-ок. А ты меня – в мохнатый перед. (Поёт.)

Шабаш, кривая, ложись, иная!

Шлёп (ПИСК)здой во щи – кушайте, дорогие гости!

Т.Л. ДЖОНС

(У. СМИТУ)

Надолго, думаешь, застряли?

У.СМИТ

Галактическая неделя – один час.

Т.Л. ДЖОНС

Да, не тот нынче инопланетянин. Элвис улетел домой.

У. СМИТ

(Лешему)

Беспокоят насекомые?

ЛЕШИЙ

Не-а. Ты – моя подруга, я - твой друг, сядем на скамейку, и пёрднем вдруг.

У. СМИТ

Если есть - уничтожим!

Бойцовый таракан, например, склонен к сентиментам.

Т.Л. ДЖОНС

(обречёно)

Правда, красивые звёзды?

Я побывал в брюхе космического таракана, я бы рад забыть о таких вещах.

ЛЕШИЙ

Ну, что? Фита – ижица, плеть к жопе движется.

Я первый чёрнгузого я(ПИСК)бу.

КИКИМОРА

Не-а. Х(ПИСК)уй да и (ПИСК)зда – из одного гнезда.

Т.Л. ДЖОНС

Приготовься, друг: похоже, все наши инопланетяне, по сравнению с этим фольклором - полное говно.

ЛЕШИЙ

(Кикиморе)

А я тебя съем, проглочу, да и не высеру!

Начинается драка, «людивчёрном» быстро

затраивают люки, лимузина, он преображается в подводную лодку, они спускаются в тину, и по выражению их лиц можно понять, что их там поджидает.

Т.Л. ДЖОНС

Поплавок – на всплытие!!!

У. СМИТ

Но там же эти пидарасы?

Т.Л. ДЖОНС

Хрен с ними, с пидарасами, всегда есть рыба крупнее, ты рыцарь джадая, или хрен сосать.

У. СМИТ

Знаешь что, Томми Ли! Иногда нужно сохранить себя – для эры возмездия. Припрёт – отсосёшь, всякое бывало. А те – получают ведь тоже пидарасы?

Т.Л. ДЖОНС

Кто?

У. СМИТ

Ну, сексуальные партнёры?

Разговор прерывается: Амфибию «людей в чёрном» заглатывает эта самая рыба, их проносит по её кишкам.

Т.Л.ДЖОНС

Уйду бойскаутом в почтовый департамент, бл(ПИСК)ядь.

У.СМИТ

А я – уйду на Брайтон сутенёром.

Ударяют по рукам, их выносит по прямой кишке огромной рыбы, амфибию заглотившей, и вытряхивает всех в говне перед Лешим с Кикиморой, вокруг которых всяких других уёбищ во множестве, все, разом охувшие, смотрят в небеса, там – на бреющем полёте висит вертолёт, из которого картинно высовывается ещё один «человек в чёрном», по виду – Шварцнегер.

КАРТИНА 100

Смена плана

Вертолёт:

162

312

ШВАРЦНЕГЕР

В вертолёте, видит под собой ядерный гриб

Вот и бывай на Родине. Вот она мне упёрлась, эта единая Европа. Надо было, как Шер, или этот, вождь каманчей Бычий Х(ПИСК)уй - взять американский псевдоним. Что, опять война, или меня глючит? Сниму бивак, брошу курить, изберусь в президенты, и, на х(ПИСК)уй, в бункер. Это точно не Калифорния? Болотистая какая-то местность. А это что?

ПОМОЩНИК

Подводная лодка. Немецкая. Или эсминец. Ядерный гриб, лиц не видно. Губернатор, Вам плохо?

ШВАРЦНЕГЕР

У меня нет никаких чувств, мне не может быть плохо, я – машина. Можешь потрогать. Да не здесь.

ПОМОЩНИК

Железо.

ШВАРЦНЕГЕР

А виной тому – немецкое происхождение. Таких как я, опытных образцов, всего были пять, Адольфа, когда его траванули в капральском звании хлорпикрином, переглючило на химии, вот он нас и настрогал. (Воздаёт руки к небесам, едва не вываливается из вертолёта.) Папа! Как там наша мама, Ева Браун.

ПОМОЩНИК

Пару слов для прессы.

ШВАРЦНЕГЕР

А, ДЛЯ ПИДАРАСОВ. То есть, оппозиции. Пару слов. Да, за последние годы, при прежнем губернаторе, фамилии не помню, калифорнийцы потеряли уверенность в завтрашнем дне. Смотрите, господа: как мужественно наш народ переносит неудобства: вон тот, черномазый, я его где-то видел, а, в клипе «Калифорния». Только я не понял – не снимайте, - мне сказали, что тут всё горит – синим пламенем, и огонь подбирается к хибаре Мадонны.

ПОМОЩНИК

Да нет, губернатор, мы в Сибири, - опытом меняемся, у нас пожар, у них – наводнение.

Сменаплана.

Кат. 1, стр. 568, № 1272:

“Tuna Fishing” 1966-1967

Т.Л.ДЖОНС

Смотри! Да это ж губернатор – Арнольд! Значит, мы – в Калифорнии, и пожары потушены. Bravo, Арнольд!

У. СМИТ

(орёт в небеса)

Ура! Мы тут все – за оральный секс!

Все, кто в болоте, с интересом зрят негра.

Смена плана.

На вертолёте:

ШВАРЦНЕГЕР

Слушайте, что вы мне голову морочите, - эти, внизу, какие-то известные на всю страну комики, вы же в Голливуде в конце концов, а вон – «В-52», - это что, - не снимайте, маза фака, «сибирский» бомбардировщик, вот теперь снимайте, ни хрена – это калифорнийский бомбардировщик.

Смена плана.

В этот момент всё застывает – Некто щёлкает мышью своего компьютера, любуется картиной, подправляет Шварцнегеру прикид, формирует новую графику этого действия: отпускает кадр – время возвращается в реальное время.

Смена плана.

«Люди в чёрном»: отчаянно машут вертолёту с крыши своего лимузина:

Т.Л. ДЖОНС

Чёрт возьми, это же американский вертолёт. «Апач!»

У. СМИТ

Губернатор! Спасите наши души!

Смена плана

Вертолёт.

ПОМОЩНИК

Это не «В-52», начальник, это НЛЮ. (Орёт.) Братья! (Снимает человеческую маску, возникает синяя рожа.) Это я, Фантомас!

ШВАРЦНЕГЕР

Тебе просто хватит курить, друг.

Губернатор штата Калифорния скидывает Фантомаса с вертолёта, тот летит и хохочет, падает в болото, превращается в синюю кляксу, которую сбрасывает с гусяного пера Гуго.

Смена плана.

Мысок на болотах немецких, мурлыкая и улыбаясь, бродит чёрный кот Муррзик.

КАТ. № 2, стр 85.

“Мелкие останки”, 1928-й год.

Дерево, масло; 64 X 48 см.

Национальный музей - Центр искусств Королевы Софии, Мадрид.

Примечания автора.

Все речевые обороты, присутствующие в данном тексте, но отменённые цензурой, в варианте смонтированного фильма, гасятся стандартными звуками, порой переходящими в мелодию.

В ряде моментов это сопровождается характерной жестикуляцией, напоминающей танцы глухонемых народов мира в разные исторические эпохи.

2. В компьютерной сценографии использованы картины Сальвадора Дали со следующих каталогов:

а. Компьютерная анимация авторского CD BOOK “ГОН”.

в. Каталог 1: Salvador Dali 1997; 1904 - 1989
conception Gilles Nereprinted in Italy ISBN 3 8228 82 1 GB

с. Каталог 2. Марко ди Кпуа «Сальвадор Дали», Москва, «Спика» 1997
